

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

омнибус

Драконы моря
Призрак Карфагена
Чёрные плащи
Принц воров

ФЭНТЕЗИ

Андрей Посняков
Вандал (сборник)

«Издательство АСТ»

2016

Посняков А. А.

Вандал (сборник) / А. А. Посняков — «Издательство АСТ»,
2016 — (Фэнтези)

Каскадер Саша Петров, принимая участие в съемках «пиратского» фильма, внезапно для себя оказывается в ситуации, которая могла привидеться ему лишь в страшном сне! Буря, разбившийся о скалы «киношный» корабль, и... вместо уютного гостиничного номера в предместье Туниса – грязный сарай, оборванцы, побои и самое жуткое рабство! Далеко не сразу Александр начинает понимать то, что этот вот, внезапно окруживший его, мир вовсе не тот, к которому он привык. Это мир древности, раннего средневековья, с правом сильного, подлостью, маскирующейся под дружбу, и дружбой, скрепленной вражеской кровью на острие меча! Чтоб выжить здесь, нужно быть сильным... и умным. Вырваться на свободу, защитить себя и других, обрета славу непобедимого морского вождя – хевдинга, верных соратников и друзей и даже, может быть – любовь....

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Посняков А. А., 2016

© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Драконы моря	6
Глава 1. «L'Etoile»	6
Глава 2. «L'Etoile» и компания	10
Глава 3. Умеют ли дельфины улыбаться?	17
Глава 4. Зеленая луна	28
Глава 5. Придурки	39
Глава 6. Вилла	49
Глава 7. Матрона	59
Глава 8. Ночные тени	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Посняков
Вандал: Драконы моря. Призрак
Карфагена. Черные плащи. Принц воров

© Посняков А., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Драконы моря

Глава 1. «L’Etoile»

Я в жизни не видывал ладьи, оснащенной лучше, чем эта...
«Беовульф»

Южное косматое солнце палило так, что, кажется, сдирало кожу. А время, между прочим, было еще раннее, впрочем, еще с вечера снова задул проклятый сирокко – ветер пустыни, приносящий сухую жару и мелкую желтовато-красную пыль.

Море подернулось мелкой зыбью, кое-где перебиваемой всплесками крупных волн, с шумом вздыбивших голубовато-зеленые спины. Одна из таких волн ударила суденышко в борт, едва не развернув поперек ветра – а это было опасно, и шкипер – мускулистый, голый по пояс бородач в штанах из козлиной шкуры, сдвинув кустистые брови, погрозил гребцам кулаком.

А волны опять – а-а-п! И бородач едва успел ухватиться за шкот, иначе б точно свалился.

– Выравнивай, выравнивай, – обернувшись с носовой палубы, громко закричал Гейзерих – могучий красавец в блестящей на солнце кольчуге и сверкающем шлеме, настоящий вождь, этакая белокурая бестия. В правой руке он держал длинный римский меч – спату, – левой ухватился за носовую стацию, изображавшую какую-то грудастую деву. Статуя была позолоченной и тоже сияла – больно было смотреть.

– Да поворачивайте же, Водан вас разрази!

И снова волна, на этот раз полуголые гребцы сдружили, наконец, повернули, поставили судно, как нужно – по ветру. Затрепетал взметнувшийся на единственной мачте парус – огромный, белый с широкими красными полосами.

– Суши весла! – сплюнув, распорядился кормщик.

Сам же тотчас же налег на рулевое весло, большое и тяжелое, удерживая галею на единственно верном пути. «Сверкающая Валькирия» – так гордо именовалось судно, узкое, длинное, низкосидящее, с крепкой обшивкой из дуба и снабженным длинной рукоятью рулевым веслом. Верткое и быстроходное, оно легко вмещало полсотни воинов, это не считая сидевших в один ряд гребцов и команды, вместе называвшиеся галеотами.

И снова волна... И ветер... И соленые брызги, с шумом разбившиеся об бушприт.

Стоявший на носу, у абордажного мостика, вождь улыбался – он и не должен был ничего говорить, лишь только вот так вот стоять, картинно опираясь на сверкающую в солнечных лучах деву, время от времени размахивая мечом и оглядываясь на разместившихся на узкой палубе воинов – вот уж кто были молодец к молодцу: все, как один, здоровущие, косматые, с угрюмыми рожами висельников и убийц! Одеты, кто во что горазд – у кого-то имелись кожаные, с блестящими металлическими бляшками, панцири, кто-то щеголял и римской лорика-сегментата, и чешуйчатой лорика-скуамата, и даже галльской кольчужкой – лорика-хамата, большинство же были по пояс голыми, всю одежду их составляли узкие штаны да обмотки, тщательно оплетенные крепкими ремешками из выдубленной лошадиной кожи. Вооружение всего этого сбро... тьфу, тьфу – великих воинов Водана! – также было весьма разнообразным – короткие и длинные мечи, широкие абордажные сабли, дротики, дубинки, секиры, имелись и короткие, с хищными стрелами, луки. На корме трепетал длинный – синий с зеленым – вымпел с вышитым золотом изображением Водана – жестокого германского бога.

«Где же купцы?» – думал про себя Гейзерих, стоя на носу и расставив ноги, он знал – они обязательно должны быть, эти гнусные торговцы, которых так легко и приятно будет сейчас

щипать... вот уже пора бы им появиться, давно пора, может, вот как раз сейчас, из-за того мыса...

– Уа-а-аууу!!! – громогласный рев вдруг потряс судно.

Вождь улыбнулся – ну, наконец-то, ну вот они...

Кургузые купеческие суда показались из-за мыса, три неповоротливых и, видимо, груженых чем-то весьма ценным, «круглых» кораблика... Что ж, трепещите, трусливые купчишки! Сегодня – день Водана и силингов!

Повинуясь жесту вождя, кормчий махнул рукой помощнику, задававшему ритм гребле. Тот ударил в медные диски... Раз-два... еще раз, еще... мерно, быстро, еще быстрее... Моряки проворно спустили парус – он теперь не нужен, они – лишь помеха...

Раз-два... раз-два...

Весла поднялись и мерно опустились, и снова поднялись... Оглянувшись, Гейзерих невольно улыбнулся, залюбовавшись умелой работой гребцов – раз-два, раз-два...

Ага! Купчишки заметили грозное судно силингов!

Замедлили ход – слышна была ругань кормщиков... пытаются уйти, вновь скрыться за мысом... напрасные надежды!

– Во-дан! Во-дан! Во-дан! – в такт гребцам орали воины, выли, улюлюкали, потрясая мечами и копьями, кто-то уже в нетерпении грыз свой щит...

– Во-дан! Во-дан!

Едва не выпрыгивая из воды, «Сияющая Валькирия» неслась, словно летучая рыба. Вообще-то можно было бы сейчас и не спускать парус... опустить лишь тогда, когда судно подойдет к купцам на расстояние полета стрелы. Гейзерих знал, как это сделать, он прекрасно умел обращаться с парусами... Но на этот раз – ладно, сойдет и так, с веслами – ах, как красиво, как завораживающе-мощно! Как перекатываются мускулы у гребцов...

Раз-два... раз-два...

– Во-дан! Во-дан!

Раз-два, раз-два, раз...

Что такое? Откуда здесь, за мысом, взялись эти приземистые, вытянутые, словно хищные рыбы, суда?

– Дромоны!!! – гулко закричал шкипер. – Дромоны! Это ромейский флот! Что будем делать, вождь?

Гейзерих ничего не сказал, лишь сдвинул на лоб шлем, радужным нимбом сверкающий в водяных брызгах. Лишь взмахнул мечом – вперед! Пристало ли славным силингам бояться как-то измененных ромеев? Да мы расколошматим их всех, клянусь Воданом!

Вперед!

Гребцы ускорили темп, и вот уже ходкое судно пиратов ударило тараном в борт вражеского корабля. Ромеи, как видно, не ожидали подобной наглости! Дромон вздрогнул и сразу осел, набирая носом воду...

– Во-дан!!!! – ахнул на все море вопль.

Вождь предостерегающе поднял руку – ветер трепетал его алый плащ, небрежно заколотый золотой фибулой в виде головы какой-то фантастической птицы. Нет... этот дромон сейчас – не добыча. Пусть тонет, а вот тот, что спешит к нему на помощь... судя по развевающимся красно-желтым стягам – флагманский... Вот его и... вот его...

На носу вражеского корабля застыл ромейский витязь – голоногий, в короткой кольчуге, в позолоченных поножах и наручах. Глухой серебристый шлем закрывал почти все его лицо, глубоко в прорезанных щелях яростью сверкали глаза, и длинный, жаждущий крови варваров, меч нетерпеливо дрожал в руке воина, и синий плащ трепетал за его могучими плечами.

Это был Елизарий, великий дука ромеев – командующий всем флотом древней и вечно юной Византии.

Не терять скорость... главное – не потерять скорость, вернее – вновь ее набрать. А ну, шкипер... а ну, помощник... Раз-два, раз-два, раз...

Суда сближались. Убыстряя ход, они неслись прямо друг на друга – «Сияющая Валькирия» и флагманский дромон ромеев. Вот сейчас они столкнутся, вот сейчас...

Бабах!!! Вот прямо – таран на таран... Треск ломающихся весел, и грохот такой, что даже заложило уши...

Едва удержавшийся на ногах Гейзерих усмехнулся – вот теперь настало время для пира мечей и копий, время волнующей пляски секир, время распоротых животов и дымящихся, вываливающихся на палубу кишок, время отрубленных голов, время битвы!

Вперед, славные силинги, не посраим чести предков! И да поможет нам Водан, Донар и все прочие боги...

– Уа-у-у-у!!!

Оттолкнувшись ногами от палубы, Гейзерих перепрыгнул на борт вражеского корабля... о, он хорошо знал, как именно следует прыгать... и как именно вести себя там, на дромоне... Ухватиться за высокий вздыбленный нос... и ладно, что нога едва не соскользнула с тарана, теперь уж все равно, теперь уж вождь силингов здесь, а позади – вот точно так же прыгают, вгрызаются в ряды врагов славные воины, ибо смерть вождя-хевдинга – что может быть позорнее?

А молодой хевдинг, красивый, как бог войны и смерти, уже сбросил с плеч мешающий битве плащ – алый, затканый золотом, он упал в воду, намок... Ничего! Сегодня будет много таких плащей, и еще лучших! Много богатства, много добычи... и много славы – один корабль силингов против трех ромейских дромонов! И это еще не считая робко прижавшихся к бережку купцов. Впрочем – чего из считать-то?

Звените, мечи! Пенитесь, волны! Дуй ветер, дуй! Пой песнь славных хевдингов моря!

Оп!

Оказавшись напротив ромейского дуки, Гейзерих взмахнул мечом... сражаться он умел не хуже, чем обращаться с парусом и веслом.

Дзин-н-н-нь!!!

Однако и Елизарий оказался рубакой не из худших. Вот славно! Это и в самом деле, славно! Победить в честном бою храброго воина – что может быть лучше? Что может быть поприятней? Разве что... гм-гм... прелести юных критских рабынь, что покорно ждут сейчас в трюмах купцов? Хотя – что рабыни, и что – битва? Музыка битвы, песнь стрел – вот она, настоящая жизнь, а смерть – лишь ее продолжение!

Еще удар!

На этот раз выпад произвел ромей, едва не воткнув холодное жало клинка хевдингу в шею. Ага, воткнул... не тут-то было! Уклонившись назад, Гейзерих резко дернул меч вверх, переводя удар в иную плоскость, враг ударил еще, и еще... хевдинг лишь усмехался, выбирая благоприятный момент для атаки... ага, вот...

Краем глаза молодой вождь силингов видел, как и слева, и справа, и впереди – везде – бьются с ромеями его люди, верная дружина, так что подлого удара сзади можно было не опасаться... разве что – шальной стрелы...

Оп!

Влево! Резко – влево, как будто именно с той стороны и задуман удар... Пусть враг в это поверит, пусть дернется... ага!

А вот теперь – получай...

Удар!!!

И растерянный взгляд в прорезях шлема... И выбитый из руки вражий клинок, медленно – нет, это так казалось, что медленно – падающий в море...

А теперь – кулаком в грудь! Не стоит убивать мечом безоружного. Да, дука в кольчуге... но Гейзерих – парень хоть куда! Силен, очень силен – и как бить, знал...

Удар... один только удар могучего кулака... могучей длани... И ромей, потеряв шлем, полетел в воду, следом за своим мечом...

Вот это славно, славно!

Слава Водану! Слава Донару! Слава Тюру!

Ага, этот дромон уже наш! Еще остался один...

– Черт? А это еще что такое? Откуда здесь взялся этот гнусный кораблик?

Хевдинг сплюнул и выругался. Кораблик, действительно оказался гнусный – тархтящая старым, давно не перебранным движком, шхуна с французской надписью – «l'Etoile».

Глава 2. «L’Etoile» и компания

*...они поручили
челн теченьям;
сердца их печальны...*

«Беовульф»

О, этот хитрый дьявол Алим Кишанди вроде бы оказался человеком дела! Нет, конечно, пришлось поторговаться, и алчный контрабандист выудил из всех последние деньги... а, впрочем, не такие уж они и были большие, эти деньги, вряд ли больше десятка тунисских динаров у каждого, а у этих нищих, из Кот-д'Ивуара – и того меньше, все, что смогли скопить.

Сидя на палубе «L’Etoile», у ржавого, с ошметками светло-зеленой краски, борта, Луи косился краем глаза на своих попутчиков... нет, лучше сказать – невольных спутников – обездоленных африканских парней, таких же, как и он сам, искателей лучшей жизни. А куда было податься искать лучшую жизнь этим беднякам – беднякам, знающим более-менее сносно французский – как не во Францию? Благо земляков там уже было – до дури, а спрос на черную работу не падал. Беглецы – нет, беженцы – черной работы не боялись, боялись таможенников, пограничников, жандармов и всех прочих – Евросоюз давно уже ужесточил квоты на иммиграцию, точнее сказать, урезал их совсем. Оставалось одно – пробиваться вот как сейчас – нелегально, на шхуне старого тунисского контрабандиста Алима Кишанди, чтоб он подавился своими динарами! Хотя... нет, нет, дай ему здоровья Иисус Христос и Пресвятая Дева, если бы не он... Да и черт с ними, с деньгами, там заработаем, лишь бы доплыть, лишь бы добраться... пробраться – лучше уж так сказать. Лишь бы пробраться, а там... А там – молочные реки, кисельные берега... там...

Луи закрыл глаза, силясь представить себя... гм-гм... ну, скажем, на Елисейских полях, почему бы и нет? В ярко-зеленой, расшитой золотом ливрее ресторана «Лидо»... А носят ли служащие ресторана ливреи? Швейцары – наверное... да если и не носят, какая разница? Еще говорят, в Париже не хватает водителей городских автобусов – вот бы выучиться! – правда, это уж мечта так мечта! Все равно, что катать туристов по Сене на «Батомуш» – маленьких речных трамвайчиках.

– Мадам-месье, прошу вас... посмотрите направо – всемирно знаменитый музей д'Орсе с полотнами импрессионистов, налево... черт его знает, что там налево? Площадь де ля Конкорд, кажется... ну да – сobeliskом. Так! Налево – площадь Конкорд, направо – музей д'Орсэ, с импрессионистами... Кто такие импрессионисты, Луи не знал, хотя и был любознательным юношей, но вот слово почему-то запомнилось – уж больно было красивым, из той, лучшей жизни, что грезилась, что приходила порой в сладких голодных снах в убогой хижине на окраине Нгуэро – племенной деревеньки ибо на самой окраине Нигерии, на границе с Нигером. Да – Нигер и Нигерия – два разных государства, Луи устал уже объяснять это толстяку Аннолезу из Кот-д'Ивуар и его компании – таким же сирым, убогим и неразвитым, как и сам Аннолез... и как они еще французский-то выучили? Хотя – французский в Кот-д'Ивуар все ж таки язык государственный... как и в Нигерии – второй, наряду с английским – как и в соседнем Нигере, откуда этот гнусный краснорожий Нгоно – фульбе, скотовод, кочевник... Сволочи они все, это фульбе, хуже туарегов, ишь, ухмыляется, харя красная... у фульбе вообще не только морда, вся кожа красноватого оттенка, словно бы пропиталась кровью, ну да – они же убийцы, эти проклятые фульбе! Недаром у всех них тонкие – как у гончих собак! – носы и такие же тонкие – змеиные, ну, точно – змеиные! – губы. Убийцы, убийцы... Луи невольно поежился и тут же отвел взгляд, случайно столкнувшись с карими глазами Нгоно. Такие, как этот Нгоно, фульбе, явились в деревню в ночь, точнее сказать – из ночи. Убийцы в длинных накидках. У

всех были копья, а у одного – главного – автомат! Китайский – «калашников». Они убивали всех, не оставив в живых никого – вырезали поголовно, лишь Луи удалось спастись, спрятавшись на дне выгребной ямы. И стоны – страшные стоны соплеменников – все время преследовали его по ночам, хотя прошло уже... А сколько, интересно, прошло? Так... Луи задумчиво поскреб затылок. Сейчас ему пятнадцать... шестнадцать почти, а тогда было – восемь? Десять? Да, что-то около этого. И так-то жили, прямо сказать, в голоде, а уж после налета фульбе... Он-то, Луи Боттака, был ибо. Их и убивали за то, что они – ибо. Давняя племенная вражда... Сейчас фульбе были сильнее. Даже не сильнее – неувимее! Ибо – земледельцы, фульбе – скотоводы-кочевники, попробуй, поймай их! Откочую в Нигер, а там... Проклятые, проклятые фульбе, убийцы, нехристи... вот уж действительно, нехристи – натуральные идолопоклонники, язычники, чего уж там, таким только убивать.

Сам Луи, конечно, тоже не был крещен с рождения – это уж потом, когда выбрался, скитался, пришел к дальней родственнице в Кано – хороший, большой, город – четыреста двадцать тысяч!!! – настоящий мегаполис – для Африки, конечно – с почти-что-небоскребами и современными памятниками. В Кано много кто жил: хауса, йоруба, ибо, ибибио, канури, те же проклятые фульбе... Там и тетка жила... троюродная, кажется... набожная такая старушка, звали ее тетушка Адель, она и в начальную – бесплатную – школу новоявленного племянничка пристроила и отвела к кюре, в церковь. Кюре тоже был ибо – добродушный, толстощекий падре Ансельм.

Эх... хорошая была жизнь, жаль, тетушка померла от какой-то болезни. В тот год многие померли...

В школе Луи учился неплохо – учителя были строгие – чуть что, линейкой по рукам били, в угол на толченый кирпич ставили – не забалуешь! Их стараниями Луи и французский выучил, и о Париже узнал... вообще-то английскому тоже учили, в Нигерии ведь оба этих языка – государственные, – но, школа находилась при католической миссии, а там англичан не очень жаловали, больше – католиков-французов. Нет, конечно, английский Луи тоже знал, но так, плохо, куда хуже французского... Однако тот язык, на котором общались эти парни из Кот-д'Ивуар или те же фульбе – ух, краснорожие! Это был не совсем французский... какое-то его подобие. Впрочем, даже на этом «пиджине» беженцы друг друга понимали... вот и сейчас Луи, наострив уши, услышал, как сидевший на палубе у самой мачты Нгоно, покосившись в его сторону, бросил своим сквозь зубы: ишь, мол, этот гнусный ибо так глазами и зыркает, наверное, резать хочет, сволочь...

И – гад! – специально по-французски все это произнес, не на фульбе, чтобы, значит, «гнусной сволочи ибо» все понятно было.

Ла-адно, подождите еще! Еще, бог даст, поквитаемся.

Луи специально отвернулся, а потом и вообще встал да пошел себе, насвистывая какую-то прилипчивую мелодию... старую, еще деревенскую, песню, племенную ибо, какую когда-то пела убитая налетчиками фульбе мать. Походил – качало, и оттого закружилась голова, да и вообще, потянуло блевать... наверное, было бы что в желудке, может, и выbleвал бы, а так...

Уселся в тени кормовой надстройки, прижался спиной к фальшборту и, сняв с шеи медное распятие-крестик, принялся начищать его об джинсы, старенькие, много раз штопаные, выданные как гуманитарная помощь. Начищал, полировал, думал... Потом достал из специально пришитого к рубашке кармана паспорт... полистал. Хоть и без всяких виз, но документ есть документ, всегда сгодится. Полистал, убрал... и снова задумался...

Нет, вообще, Кано – хороший город, из всех африканских городов – а Луи, когда пробирався в Тунис, видел и нигерские, и алжирские города и даже оазисы в Сахаре – самый лучший, самый красивый, но... но вот места в нем Луи после смерти тетушки, увы, не было. Ведь все жили кланами, а он, получается, пришлый... никто! А раз ты никто, то и звать тебя никак, и никому ты не нужен – лишний человек, лишний рот... а лишние рты бедной Африке не нужны

– обуза! И некуда податься – ну вот совсем некуда: даже разгрузить чего – попробуй сунься, там уж все меж своими поделено, лучше и не мечтать... Чего только Луи после смерти тетки ни делал! Милостыню просил – тоже, много-то не подадут, а еще и смотри, как бы не попасться на глаза профессиональным нищим – уж точно зарежут, или уведут в джунгли, к колдунам, – а уж те разберут по косточкам, по органам, в буквальном смысле слова разберут – печенька, селезенка, легкие, роговицы – все в черном колдовском деле сгодится! Бывали случаи, Луи сам несколько подобных историй знал... Ужас!

Вот и решил сваливать... Насобирав денежек, так, мелочь, потом как-то повезло – от автовокзала одной богатой женщине (нет, скорее, просто – зажиточной) вещи поднес... потом так и стал около автостанции ошиваться, стараясь не попадаться на глаза местным. Но те, конечно, все равно узнали, подстерегли, избили... хорошо не убили и колдунам не отдали, проявили, можно сказать, гуманизм. А еще хорошо, что все заработанные денежки – что не проел – Луи с собой не носил, припрятал на церковном дворе, у отца Ансельма. Он же, отец Ансельм тоже помог, и очень неплохо помог – посадил в попутный грузовик до Агадеса. Агадес – это уже Нигер, это уже – до Франции – почти полпути... ну, не полпути... пусть треть... четверть... не важно, главное было – первый шаг сделать. Луи и сделал, спасибо отцу Ансельму.

Кюре перекрестил на прощанье, крестик вот подарил, ничего особо желать не стал, лишь улыбнулся: мол, французский ты знаешь, не пропадешь, доберешься. Так и случилось, не пропал...

В Агадесе вот встретился с такими же беженцами из Кот-д'Ивуара, с Мали. Те парни с Берега Слоновой Кости – Аннолез и его братия – почти всю Французскую Африку пересекли, да что там – почти – всю! Кот-д'Ивуар (который Берег Слоновой Кости), Буркина Фасо (которая Верхняя Вольта), Мали (эта как только ни называлась), Алжир... Из Нигера в Алжир беженцы с караваном пошли, с берберами. Верблюды, колючки, скрипящий на зубах песок... а ночи холодные – зуб на зуб не попадал, брр!!! К тому же берберы их не просто так с собой взяли – использовали, можно сказать, заместо рабов – в самом прямом смысле! Парни и тюки какие-то на себе тащили, и прислуживали, и все, что угодно... вплоть до самого, не к столу будь сказанного. Луи – тоже, а куда денешься? Бросят в пустыне – кто там найдет чьи-то кости? А и найдут, так... Человек в Африке – невелика ценность.

Луи держался... трудно было, иногда даже вообще – невозможно, но держался. Слезы глотал пополам с песком и едкой – от костра из верблюжьего помета – сажей, все вспоминал... нет, не мать... отец давно, еще в самом раннем детстве на охоте погиб, а убитую фульбе мать, сестер, братьев и прочих родственников вспоминать было горько. А тут и так несладко, к чему еще и воспоминанья эти? Лучше вот... что там дальше-то, если по Сене, на «Батомуш»? Мост Александра Третьего? Нет – мост Искусств.

– Все сидим? – на палубе показался Алим Кишанди, хозяин судна.

Кто он там был, араб, бербер или вообще еврей, Луи не особенно интересовался. Знал одно – месье Кишанди тот еще выжига! Мало того что он забрал в оплату за «провоз» все, что у несчастных беженцев имелось, так они еще и горбатились на него три месяца подряд, совершенно бесплатно... то есть в счет будущего, конечно же. Жили на портовом складе – развалюхе, снятой для них ушлым контрабандистом в Карфагене, близ рю Виржилль. Древние развалины, не особенно-то и людный порт, невдалеке – за авеню Хабиба Бургиба – однокорейная железнодорожная ветка. Карфаген... Говорят, в древние времена это был жутко знаменитый город, Луи сам об этом читал в школьном учебнике. Да уж, были времена, но они давно прошли, и ныне Карфаген – всего лишь пригород Туниса, правда – с древними развалинами, римскими термами и национальным музеем, что располагался в бывшем соборе Людовика Святого. Луи бы, конечно, хотел туда сходить, но увы, увы... Хозяин требовал работу!

От заката и до рассвета (как в нашумевшем фильме) беженцы ловили и разделявали рыбу – чем больше, тем лучше, Алим Кишанди не упускал случай показать свое недовольство, мол, только по доброте душевной и согласился, рискуя жизнью, переправить «этих бездельников». Ага, по доброте душевной... как же! Вкалывали, как рабы! Не только рыбой занимались, еще и ограду вокруг хозяйского особнячка поправили, а особнячок-то располагался в нехилом таком предместье – Сиди-Бу-Саид – с белыми и голубыми домами. Богатое, можно даже сказать, райское местечко, без всякого автомобильного шума – запрещено! Как и строить дома другого – не белого и не голубого – цвета – тоже. В общем, тот еще хмырь был «почтеннейший негодяй» Алим Кишанди, что уж тут говорить – эксплуатировал дармовый труд на всю катушку.

Правда, похоже, не обманул – вот сейчас вот плыли. На Корсику – было там одно место, и были верные люди... помогали...

– Если вдруг пограничный катер, мы – мирные рыбаки из Бизерты, просто немного сблизись с пути, судно-то – старое, – обмахиваясь газетой, инструктировал почтительно столпившихся вокруг беженцев месье Кишанди... Кишанди-реис – так он любил себя называть. – Как подойдем к деревне – я скажу – переправитесь на лодке... а уж там, если попадетесь – ваша вина, вам и отбрехиваться, ясно?

– Ясно, господин реис.

Ну, а что тут еще-то скажешь?

Луи только добавил еще:

– Месье! Газетку оставьте почитать... пожалуйста.

Кишанди-реис прищурился, но газету дал:

– Можешь потом выкинуть или это... по-другому как-нибудь употребить, – захохотав, контрабандист поднялся в рубку.

Вот в этот-то момент судно едва не врезалось в древние суда, схватившиеся в суровой морской битве. Немного одуревшие от вынужденного безделья беженцы смотрели во все глаза.

– Глянь, глянь, чего там!

– Смотри, он ему сейчас башку отрубит!

– А этот вон упал...

– А тот-то! Тот!

– А этот...

– Чего тут такое делается-то, а?

Ну, Аннелез, ну, башка тупая! Сразу видно – Берег Слоновой Кости. Диагноз, можно сказать...

Луи усмехнулся:

– Это – морские разбойники, пираты. Сейчас, дружище Аннелез, они и на нас кинутся, так что спасайся!

– Что, и в самом деле – пираты? – озабоченно переспросил парень.

– Маленький ибo тебя разыгрывает, братец! – обернувшись, с ухмылкой пояснил Нгоно.

– Проще говоря – дурит.

– Да я шучу просто!

Дурит... ну, это ж надо так сказать! Сразу видно – фульбе. Сволочь краснокожая.

– Это они, Аннелез, кино снимают.

– Кино? Ах, да... А где же камера?

– Да во-он, на том катере, – Луи показал рукою, и д'ивуарец понятиливо закивал:

– Вижу. А чего они нам кулаками машут? Чего мы им сделали-то?

– Чего-чего... Непонятно? В кадр влезли! Можно понять – снимали себе, снимали древность и вдруг – на тебе, «Л'Этуаль» во всей красе, с чадящим двигателем, некрашенная...

Фульбе – сволочуги! – неожиданно расхохотались.

– Так наша шхуна на древний корабль похожа!

– Ага... такую в кино увидят, так зрителей точно стошнит!

Хозяин, Кишанди-реис, тоже любовался на киносъёмки – высунувшись в иллюминатор, разглядывал суда и артистов в бинокль, иногда цокая языком, непонятно – то ли осуждал, то ли восхищался.

Впрочем, все это длилось недолго – шхуна быстро миновала «пиратов» и, повернув от мыса на север, резко прибавила ходу.

Когда киношники скрылись за кормою, Луи вновь уселся на свое место, раскрыл газету...

– О, грамотный? Какие мы умные! Ну, что там пишут?

Фульбе! Проклятые фульбе! Вот уж уроды... и носит же таких земля?

– Эй, ибо! Чего пишут, спрашиваю?

– Да так... – Луи вовсе не собирался ни с кем заводиться и, уж тем более, с этими долговязым фульбе.

Ну, пересеклись их пути на какое-то время – так ведь не навсегда же, день-другой-третий – и все! Расстанутся они и никогда больше – Бог даст – друг друга не увидят... Хотя могут и встретиться... торгуя сувенирами у Эйфелевой башни или в Версале.

Луи быстро просмотрел газету – «Дю Монд», кажется, или что-то вроде... нет, «Тунизи суар»...

– Пишут, туннель вот-вот откроют... На торжество приедет премьер-министр Италии...

– Ага, откроют, – один из случившихся рядом матросов презрительно скривился. – Сколько уже лет его строят, этот туннель, а все никак не могут построить. Чего там до Сицилии-то – всего-то сто пятьдесят километров – и тех вовремя не могут прорыть!

– Еще пишут, суда в Средиземном море пропадают... – косясь на столпившихся вокруг фульбе, Луи продолжил дальше: – Как раз вот в этом районе, где мы... И вот, профессор какой-то пропал. Француз, доктор Фредерик Арно, физик и философ, член Академии... Портрет его тут...

Юноша помахал газетой под носом у главного фульбе – Нгоно.

– Ну и профессор! – ухмыльнулся тот. – Чудище какое-то, а не профессор.

Ну, что тут сказать? Фульбе – он и есть фульбе, и этим все сказано! Отсутствие даже начального образования на лбу во-от такенными буквами выписано! Можно подумать, этот парень в жизни своей видел хоть одного профессора... Луи скрыл презрение и усмехнулся:

– Нет, я вот думаю, как раз наоборот – вид у этого месье Арно как раз самый что ни на есть профессорский! Он на Эйнштейна чем-то похож – такой же белоголовый, растрепанный... усы – точно, профессорские – борода клинышком... Написано – исчез вместе со своей яхтой...

– Ого! У него еще и яхта?

– Так он же профессор!

– Ну, почему в мире так? У одних – всё, у других – ничего, а, парни? Ладно, хватит с профессором, что там про пропавшие суда пишут?

– А пишут – уже пять кораблей исчезло, – охотно пояснил Луи. – Небольших таких, рыбацких... ну вот как наша шхуна.

При этих словах его Нгоно испуганно замахал руками:

– Но но, ты это... не каркай!

И что-то зашептал, видать, какие-то свои, языческие, молитвы. Фульбе, они суеверные.

– Треугольник между Сицилией, Сардинией и Тунисом в наше время прозвали – «Малым Бермудским», – Луи нарочно повысил голос, уж больно нравилось ему пугать фульбе. Ишь, как слушают – аж глаза выпучили, смотрите, от страха не лопните.

– Конечно, суда могли и утонуть, – искоса поглядывая на Нгоно, продолжал читать Луи. – Но, к примеру, яхта профессора Арно загадочно исчезла во время полного штиля. И где? В самом, можно сказать, густонаселенном районе, где никогда не было никаких природных

катаклизмов. Вот журналисты и пишут... матросы с находившихся в этот момент неподалеку судов заметили лишь какое-то странное зеленоватое свечение и...

– Врут все твои журналисты, – тихо оборвал Нгоно. – Они уже дописались, что скоро Луна на Африку упадет!

Луи пожал плечами:

– Ну, почему только на Африку? Просто мир сжимается, про это многие газеты пишут. И Луна, естественно, тоже становится ближе... но упадет она на землю примерно через десять тысяч лет, так что нам пока беспокоиться нечего!

– Луна? Через десять тысяч? – вдруг оборвал малиец, скромный, вечно молчаливый парень, звали его Бенжамен, Бенжамен Кашанси. – А вы Сириус в небе видели?

– Сириус? – фульбе – и не только они – озадаченно переглянулись.

– Да, Сириус, – малиец повысил голос. – Я-то на него каждый... ну, почти каждый день... ночь то есть... смотрю – мы так зрение проверяем. Так вот! Точно вам говорю – он все ярче и ярче! Так... так не бывает просто! Не должно быть!

– Ну вот, – подмигнув своим, усмехнулся Нгоно. – Теперь еще и Сириус на нас свалится.

Парни засмеялись... и вдруг вздрогнули, услышав многократно усиленный выносным репродуктором голос реиса.

– Внимание всем! – жестко произнес Алим Кишанди. – С левого борта приближается неизвестное судно. Судя по всему – это военный корабль. Пограничники – итальянцы или французы. Прошу не паниковать – мы все еще в нейтральных водах.

– Не паниковать, – с прищуром глядя на быстро приближающееся судно, невесело усмехнулся Бенжамен. – Чего ж он сам-то паникует? Ишь... через репродуктор стал кричать. Не мог просто спуститься на палубу, так сказать...

– Может, не захотел просто. Поленился.

А Луи ничего не говорил, снова вытащил паспорт, повертел в руках... завернул в обрывок газеты, которую только что читал, и теперь просто смотрел на чужой корабль... и вовсе не походивший на военный. Те обычно серые, этот же – бело-голубой, как дома в предместье Туниса Сиди-Бу-Саиде... И пушек никаких нет... одна только огромная полусфера...

– Это спутниковая антенна, – тихо пояснил Бенжамен. – Я читал про такие.

Читал? Луи оглянулся – а этот малиец ничего, развитый... не то что тупые недоумки фульбе!

А бело-голубой красавец корабль, нагнав «Л'Этуаль», между тем замедлял ход... и это почему-то никому на шхуне не нравилось – ни реису-хозяину, ни его матросам, ни – уж тем более – беженцам.

Веяло – явственно веяло – от этого бело-голубого кораблика какой-то не вполне осознанной угрозой.

– Смотрите!!! – вдруг воскликнул Луи, увидев, как ровно посередине ослепительной белой полусферы вдруг пролегла зияюще-черная трещина. Трещина ширилась... и вот уже полусфера раскололась надвое, явив наружу странной формы антенну... или нечто, напоминающее антенну... или какую-нибудь лазерную пушку, которую, впрочем, никто из находившихся на борту шхуны не видел, а потому не мог о ней и судить.

– Смотрите, смотрите! – испуганным голосом закричал вдруг какой-то матрос. – Эта штука... она ведь... она – на нас...

Он не договорил – внезапно вырвавшийся из антенны – или что там это было – луч, тонкий и ярко-зеленый, вдруг превратился в параболу, а потом и вовсе в какой-то непонятный шар, словно цепкими лапами обхвативший шхуну... Море вокруг вздыбилось, огромные, с десятиэтажный дом, волнищи, возникли неизвестно откуда...

– Господи Иисусе... – округлив глаза, крестился Луи. – Святая Дева...

Окружающий мир вспучился, а море словно бы открыло огромную пасть, поглощая несчастное судно...

– Куда нас несет, куда? – уцепившись за леер, в отчаяньи завопил Луи.

И снова сверкнуло зеленое пламя... и мир вокруг померк. И наступила тьма.

«Л'Этуаль» исчезла, как и не было. А море снова стало спокойным и гладким. И ласковые волны бились в борт быстро уходящего прочь бело-голубого кораблика, с каким-то цифрами вместо названия и синим, украшенным желтыми звездами, флагом Евросоюза на корме.

Глава 3. Умеют ли дельфины улыбаться?

*...и юна, и разумна, и ласкова,
хоть и мало зим провела она в этом доме.*

«Беовульф»

– Ну, что ты еще заказала? – молодой человек, жеманный блондинчик лет двадцати – двадцати пяти, в кремовых шортах и разноцветной рубашке апаш, хмуро посмотрел на сидевшую с ним за столиком девушку – симпатичную, нет, даже – красивую, брюнетку с яркими голубыми глазами.

Ох, как на нее посматривали арабы, неторопливо потягивавшие местное слабенькое пиво «Сельтия» за соседним столом. Даже языками прищелкивали, один аж подмигнул, когда девушка невзначай обернулась.

Нет, она все-таки была не брюнетка – просто темно-русая. Падающие на плечи волосы, белая блузка, легкая голубая – в цвет глаз – юбочка.

– Вот, скажи, бэби...

– Сколько раз тебе говорить, не называй меня бэби!

– Да ладно, уймись, – блондинчик махнул рукою. – Короче, ты что, типа вот эту фигню жрать собралась?

– Как бы да!

Оба говорили по-русски, да они и были русскими, туристами, недавно прибывшими в соседний аэропорт тунисского города Монастира, родины Хабиба Бургиба – первого президента Туниса. В городе имелся и соответствующий мавзолей, куда, правда, молодые люди так еще и не сходили... да и вообще не собирались, а больше валялись на пляже да еще хотели заняться дайвингом.

– Вот что, тебе мало, да? – кипятясь, юноша обвел рукой ломившийся от только что принесенных закусок стол. Тунец, морковь, свекла, креветки эти огромные, стейк, бараньи ребрышки...

– Ну, хватит уже, утомил, – девчонка лениво потянулась, короткая блузка ее приподнялась, обнажив стройный животик... что вызвало дружное уханье арабов.

– Эти еще козлы, – блондинчик неприязненно покосился на соседей. – Сидят... Нет, чтоб шли бы, работали!

– Ты в жизни своей много работал! – издевательски усмехнулась девушка. – Что же касается еды, то это вот, что сейчас принесли, я давно хотела попробовать...

– Вот это гнусное месиво? Похоже на дорожную грязь.

– Называется «бкайла» – мясо и сосиски, тушенные в черном горошке...

Молодой человек в ужасе округлил глаза:

– Катя! Ты и в самом деле собираешься это есть?

– Да, собираюсь, – девчонка взяла в руки вилку, поднесла месиво ко рту... и блаженно зажмурилась. – Умм! Действительно, очень вкусно. Попробуй!

– Нет уж, уволь! И вообще, пора кончать эту обжираловку, мы же с тобой сегодня собирались в Тунис. Туда вся наша компания как раз заявилась – Леха, Колян, Максик, девчонки... Все из нашего клуба – эх, зажжем! Поехали, хватит тут сидеть! Сейчас поднимемся, заберем вещи...

– Девчонки, это те самые, с которыми ты... – Катя попыталась кое-что уточнить, однако нетерпеливый спутник ее уже поднимался, бросив официанту три двадцатидинаровые купюры... Вполне достаточно. Даже с лихвой.

– Мерси боку, месье, – официант вежливо наклонил голову, добавив еще что-то по-французски. С таким же успехом он мог говорить и на любом другом языке – молодой человек не знал никакого, хотя английский учил, вернее – родители заставляли.

А вот Катя... Катя – другое дело. Она-то все понимала, и французский, и английский, а захотела бы – так и арабский выучила.

По узкой лестнице они поднялись наверх, в номер. Широкая кровать, кондиционер, узкое, прикрытое традиционными синими ставнями окно.

– Ну и скучища же здесь, в этом чертовом Сусе! – блондинчик распахнул большой, на колесиках, чемодан. – Ничего, сейчас вызовем такси и скоро будем в Тунисе...

– А по-моему, речь шла о каком-пригороде... Ла-Марса, кажется.

– Ну, не цепляйся ты к словам, надоела уже!

Девушка усмехнулась:

– Ах, вот как ты заговорил, Герочка. Надоела?

– Вечными своими подначками надоела! – молодой человек рассерженно сплюнул на пол. – Может, хватит строить из себя умную?

– А я и не строю, – Катерина уперла руки в бока, губы ее задрожали, вот-вот сорвется, отнюдь не в плач – в бой. – Я и есть умная. В отличие от тебя, Герман!

– Ну и уматывай, если такая умная! – Герман перешел на крик, черты холеного смазливом лица его исказились, став какими-то по-детски обидчивыми. – Обойдусь и без тебя!

– Да что ты говоришь – обойдешься? Языков ты не знаешь, по карте ориентироваться не знаешь – пропадешь без меня-то... у-тю-тю... только не заплачь!

– Сука! – молодой человек схватил Катю за руку, размахнулся, намереваясь ударить...

Не вышло!

Казавшаяся такой незащитной и хрупкой девчонка ловко перехватила его за запястье, вывернула руку на излом...

– У-у-у, – Герман в бессильной злобе завыл. – Пусти-и-и, сука...

– Это тебе за суку! – Катя тут же ударила его коленом в живот, и, бросив скорчившегося парня на кровать, усмехнулась. – Ну? Еще подраться хочешь?

Вне себя от гнева, Герман вытащил из чемодана складной нож-бабочку, выхватил внезапно, подлю – Катерина как раз отвернулась к зеркалу... Заметив какое-то шевеление, в последний момент отскочила в сторону – блестящее лезвие лишь порвало юбку.

– Ах ты гад! – она ударила Германа с ноги, на этот раз – в полную силу, пусть даже и сил этих имелось не так уж и много. Ударил хорошо – в челюсть, молодой человек отлетел в угол, заныл:

– Су-ука-а-а...

Словно больше других слов не знал.

– Еще раз обзовешься – убью! – подняв упавший на пол ножик, Катерина задумчиво потрогала лезвие пальцем. – На полном серьезе – убью. Никто и искать не будет. Что сверкаешь глазками, дурачок? Что ты обо мне вообще знаешь? Только имя?

Девушка заводилась, это было видно, и так слишком уж долго сдерживалась, и глупому обормоту Герману сейчас лучше помолчать бы, так нет – вякал. Правда, уже больше не ругался – усвоил урок – только лишь ненавидяще сопел:

– Мссс... Я ж тебя ссс... с собой взял, вытащил...

– Ага, вытащил. Ну и дурак! – девушка скривилась. – Это ты, наверное, думал – взял девочку потрахать... Ан нет! Это я тебя взяла! А сейчас – на черта ты мне нужен...

Катя подошла к чемодану, склонилась:

– Много мне не надо, я не жадная... Пятьсот евриков вполне даже хватит...

– Это мои пятьсот евриков!

– Заткнись, тварь! – девчонка по-настоящему рассердилась. – Не твои – а твоих родителей, без которых ты и рваного рубля бы не заработал. Маменькин сынок! Ненавижу таких, как ты!

– О, как заговорила...

– Да, а ты думал? Сам по себе ты – никто, ноль без палочки. Ой, надо же – на восемнадцать лет папочка с мамочкой сыночку фирму туристическую подарили... И что, много ты в туризме понимаешь? Даже английский не удосужился выучить, козлик безрогий. А туда же – крутого из себя строишь...

Вытащив пачку «Житана», Катерина нервно шелкнула зажигалкой и закурила.

– Может, я все-таки поднимусь? – криво улыбнулся Герман. – Во-он в то кресло сяду.

Девушка махнула рукой:

– Садись. Так... вот мои пятьсот евриков... Мои, мои – не сверкай глазками-то, не надо, никто здесь тебя не боится... ни тебя ни твоего ворюги папочки...

– Не смей касаться моего отца, ты!

– Ляму завали! Не то сейчас еще получишь... – Голубые глаза Катерины сверкнули такой яростью, что на этот раз даже Герман, при всей своей глупой инфантильности, счел за лучшее прикусить язык.

– Козлик ты, как и все твои дружки, такие же дебилы...

– Может, хватит обзывать-то?

– Нет уж – раз ты первый начал... Ты, и такие как ты – сынки богатеньких буратин родителей – самые настоящие паразиты, глисты. Никакого от вас толку!

– От тебя много...

– Много! – Катя поднялась на ноги. – Я, между прочим, после того, как отца... три пиlorамы держала... ну, две с половиной, третья – на паях... и с мужиками справлялась, не с такими, как ты и твои молокососы-дружки.

– Во! Во! – видя, что непосредственной угрозы для него нет, Герман вновь подал голос. – Лес воровать – дело нехитрое.

– Ага... что бы ты знал, дитяtko!

– И не стыдно?

О, он все же во многом оставался таким же капризным и избалованным ребенком, каким был лет восемь-десять назад, никак не хотел взрoслеть. А зачем? При таких-то родителях?

– Мне стыдно? – Катерина неожиданно расхохоталась. – А тебе, и таким, как ты, не стыдно? Я в жизни всего сама добилась, в отличие от некоторых, которым все – на блюдечке с голубой каемочкой... нате, деточки, жируйте! Вот тебе, Герочка, «Порше» – катайся, зайчик... что губки надул, ласковый? У всех ребят – «Бентли»? Мамочка понимает, мамочка купит «Бентли»...

– Ну, хватит тебя издеваться-то! Самой, можно подумать, пиlorамы не по наследству достались...

– Ага, как же! Ты попробуй еще их получи! В лесу прокуроров нету... и закон один – закон силы.

– А ты, значит, у нас сильная!

– Сильная! И умная. Иначе б давно в лесу закопали. Или голову бы отпилили «Штилем».

– Чем-чем?

– Ой, чучело! Это пила такая.

– Вот кто нашу экологию портит! – издевательски ухмыльнулся Герман. – Не стыдно лес воровать-то?

– А папочке твоему бюджет пилить – не стыдно? Что замолк? Ну, вот и меня не спрашивай. Ишь, завякали черти городские – лес, лес, экология... Хорошо вам, на всем готовеньком. Попробовали бы в глуши пожить, а еще лучше – там родиться. Сдохли бы! Вон твоя сеструха

двоюродная, коровища гладкая, катается себя на «бэхе», у самой ни кожи, ни рожи, ни умишка особого. А я чем хуже? Дядя Петя мой, тракторист, почему на старом «Запорожце» ездить должен? Меньше работает? Да, вы у себя в городе перетрудились, бедные, мозоли на задницах натерли... Ты вот в какой школе учился, точнее – штаны протирал? В лицее с английским уклоном. А у нас в поселке была одна восьмилетка – и ту закрыли. А у дядюшки Пети, между прочим, трое детей – и чем они хуже тебя? Правда, сейчас двое уже в университетах учатся... учатся, а не дурака валяют. А не воровал бы дядюшка лес – учились бы? На какие, интересно, шиши? И только не надо говорить, что такие, как я и мой дядюшка, крадем у детей и внуков будущее. Почему ради твоего будущего наши дети должны сейчас жить в нищете? Потому что деревенские, быдло? Вот уж дудки! На-кося, выкуси!

Катерина резко выбросила вперед сложенную из пальцев «фигу» и засмеялась:

– Я, между, прочим, тоже сейчас не на «Жигулях» езжу. Потому что не считаю себя хуже городских дур! Ладно, проехали...

Докурив, девушка выбросила окурочек в пепельницу и, сменив разодранную юбку на шорты, повесила на плечо рюкзачок.

– Адье, мон шер ами! Не поминай лихом.

И ушла, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Спустилась по лестнице вниз, на рецепшен, мило улыбнулась портье и вышла на улицу, любуясь морем и зарослями финиковых пальм.

Вообще-то Герман ей давно надоел. Двадцать четыре года, а по уму – полный подросток, лет пятнадцати и даже того меньше. Истинный маменькин сынок! Ничем, кроме купаний, пьянок и девок, не интересуется... в музей Хабиба Бургиба – и то едва затащить удалось, а Катерина с детства была любознательной, ей все посмотреть хотелось, не только на пляже задницу греть да по кабакам шляться. В общем, поссорились – и славно! Давно надо было уйти. Эх, хорошо!

Катя вдруг улыбнулась, весело и задорно, так, что попавшиеся по пути арабы разом вывернули шеи, а проезжавший мимо таксист резко сбавил скорость и забибикал. И вот уже поехал рядом:

– Куда прикажете везти, мадемуазель? В Тунис? О, там так много развлечений! Куда больше, чем в Сусе. А Сиди-бу-Саид? Вы бывали в Сиди-бу-Саиде? Это сказка! Садитесь, вмиг довезу...

Девушка расхохоталась:

– Спасибо, месье, мне пока нравится и здесь, в Сусе.

– Ну, как знаете, мадемуазель, – разочарованный таксист прибавил скорость, и его красный «Пежо-406» быстро скрылся за поворотом.

Свернув в тенистый сквер, Катерина уселась на лавочку у мягко журчащего фонтана и задумалась. Хотела было закурить, да постеснялась – девушка все-таки... и так-то – в шортах, да еще и курит... Тунис – мусульманская все же страна, что бы там ни говорили.

Так... Куда теперь? Здесь рядом, в Порт Эль-Кантауи, есть клуб подводного плавания. Может, пойти? А вдруг туда зайвится Герман? Оно, конечно, черт-то и с ним бы, но... но, все равно, как-то неприятно. Наверное, она зря с ним так жестко. Родителей не выбирают – вот и вырос безвольный инфантильный сопляк, весь интеллект которого не поднимается выше осуждения достоинств дорогих авто и доступных девок. Ладно, проехали... И что-то в этот Порт Эль-Кантауи расхотелось. Ну его к черту, в море нырять... Лучше в музей какой-нибудь... в Тунис! Вообще, погулять, наконец, по столице, по улице Шарля де Голля, у Французских ворот, полюбоваться собором Сен-Венсан де Поль... Да, да – в Тунис! Эх, зря она отвергла услуги таксиста. Ничего... Тут и автобусы ходят – еще и дешевле... Правда – в основном ночью. А еще можно на маршрутке – поискать авто с красной полосой...

Докурив – вообще-то она давно уже бросала, вернее – пыталась бросить это гнусное дело, – Катерина вышла из сквера и направилась вдоль тенистой улицы, мимо отелей – вот где-то здесь и должна была бы быть стоянка маршруток... Ага – вот!

Мимо, фырча двигателем, как раз и пронесся микроавтобусик «Форд» с красною поло-сою... Не остановился – водитель лишь с видимым сожалением пожал плечами: мол, совсем нету мест, что поделать.

Девушка махнула рукой следующей машине – показалось, что такси... Нет, не такси – просто прокатная. Синий, не столь уж и новый «Ситроен»...

Автомобиль неожиданно остановился, водитель – симпатичный седенький старичок в соломенной шляпе, высунулся в открытую дверцу. – Вас подвезти, мадемуазель? Куда скажете?

Вообще-то, он ничуть не напоминал сексуального маньяка, скорей уж чем-то походил на какого-нибудь профессора, ну да – на Эйнштейна, портрет которого висел в кабинете физики, в поселковой школе, где когда-то – не так уж и давно – училась Катя. Кстати, очень даже неплохо училась.

– Мне вообще-то надо далеко, в Тунис.

– О-ля-ля! В Тунис! Так я туда и еду... ну, почти туда, возвращаюсь в Карфаген, там у меня яхта. Садитесь, садитесь, мадемуазель, буду очень рад столь милой попутчице... Кстати, меня зовут... – в этом месте старичок несколько замялся, правда, Катя не обратила на это никакого внимания. – Меня зовут Альфред, Альфред Бади, я занимаюсь... ммм... антиквариатом.

Этот антиквар казался таким милым, несколько старомодным в своей смешной шляпеканотье... и так искренне улыбался.

– Что ж, если вы не против... Я могу заплатить за бензин.

– Ну, что вы, что вы, мадемуазель, я же все равно еду.

Девушка таки села в машину, поехали, и мягкий морской ветер задул в окна – хорошо! Катерина поправила съехавшие на кончик носа противосолнечные очки и представилась:

– Катя.

– Катя? Какое странное имя... – прибавляя газу, антиквар покрутил ручку настройки приемника, поймав какую-то французскую станцию...

– Почему странное? – милая пассажирка пожалала плечами. – Обычное имя. Русское.

– Так вы русская?! – удивился водитель. – В самом деле из России?

– Из самой настоящей.

– Вы очень хорошо говорите по-французски, почти без акцента.

– Спасибо, месье... месье Бади.

– Называйте меня просто – Альфред.

– Нет уж, лучше соблюдать расстояние.

– Ну, как хотите, милая мадемуазель.

Старик не настаивал... впрочем, не такой уж он и был старик – да, пожилой, наверное, лет под пятьдесят или чуть больше, но не такой уж старый...

– «Уже в который раз таинственно исчезла очередная рыбацкая фелюка», – прорвался сквозь музыку голос диктора. – «Говорят, что к этим странному событию имеют прямое отношения странные опыты известного французского физика, профессора Фредерика Арно, который...»

Антиквар поспешно... пожалуй, даже слишком поспешно... перешел на другую волну – известная французская певица Ализе перепевала старую песню Мадонны «Ла исла бонита»...

– Ой, оставьте, оставьте! – тут же попросила Катерина. – Мне эта песня нравится... Конечно, если вы...

– О, да, да, мадемуазель – слушайте.

Серое асфальтовое шоссе стелилось под колесами автомобиля, справа глубокою синевою вставало море.

– Очень красиво! – восхищенно промолвила девушка. – Как на картине Моне – «Терраса в Сент-Андрессе»!

– Вам нравится Моне?

– О, конечно! И вообще, все импрессионисты нравятся.

– А я, увы, плохо разбираюсь в живописи... Непростительно для антиквара, верно?

– Ну что вы. Я вижу, у вас книжка на заднем сиденье... Фредерик Бегбедер... Можно взглянуть?

– О да, да, конечно...

– «Девяносто девять франков». Хороший роман, мне понравился.

– А, так вы ее читали?

– Да. Правда – по-русски, – Катерина выставила локоть в окно и улыбнулась. – Вообще, мне нравится Бегбедер, и еще – Леклезье – «Золотая рыбка».

– Увы, не читал – некогда.

– Там про африканскую девушку, которая сделала себя сама... сама строила свою жизнь... трудную, очень... Здорово написано. Как будто про меня.

– Вы впервые в Тунисе?

– Да.

– А в Париже вы не были?

– Увы... только один раз. Но обязательно поеду еще раз! Может быть, даже этой осенью.

От Суса до Туниса – всего-то около сотни километров, добрались за полтора часа. Месье Бади сбавил скорость под указательным знаком на Карфаген:

– Сейчас я вас завезу... Вам конкретно в какое место?

Катерина махнула рукою:

– А все равно! Знаете что? А поехали в Карфаген. Там ведь, наверняка есть музеи, какой-нибудь недорогой отель, думаю, тоже найдется.

– О, музеи там есть! Весь город, как музей – древнее жертвенное место – тофет, пунический квартал, археологический парк, термы Антонина, музей Карфагена на холме Бирса. Что же касается отеля – позвольте порекомендовать вам семейную гостиницу «Ганнибал» на авеню Тита Ливия – там очень уютно и спокойно, и как раз рядом со всеми достопримечательностями. Одноместный номер с душем обойдется вам где-то около тридцати динаров, но, при желании, можно сторговаться и дешевле.

– Спасибо! Тридцать динаров меня вполне устроят.

Славным человеком оказался этот месье Бади! Довез до самого отеля, даже проводил на рецепшен, и только после того, как Катерина договорилась обо всем с портье, попрощался:

– Желаю вам хорошо провести время, милая мадемуазель Катя!

– Вам тоже удачи – бон шанс!

В сопровождении услужливого портье девушка поднялась в номер, действительно, оказавшийся очень уютным, пусть даже и небольшим – с широкой и мягкой постелью, душем, телевизором, холодильником и мерно жужжащим кондиционером.

– У нас здесь есть небольшой ресторан, – получив чаевые, с улыбкой подсказал портье. – Если мадемуазель желает поужинать – милости просим. Традиционная тунисская кухня во всей ее красе. А сколько сладостей!

– Вот сладости – это вряд ли. Берегу фигуру.

– О, вам есть, что беречь, мадемуазель!

Приняв душ, Катя сменила блузку на такой же белый топик, подумав, накинула сверху полупрозрачную рубашку, тоже ослепительно-белую, и, водрузив на нос очки, спустилась на улицу.

Было уже часа четыре дня, жара уже спадала, но все же тащиться в музей сейчас как-то не очень хотелось, лучше было бы искупаться в море, куда девушка сейчас и направилась, держа путь к пуническому порту. Шла пешком, неспешно, глаза по сторонам, на остатки крепостных стен, белеющий на холме собор Людовика Святого – он же – музей Карфагена. Все же зайти? Нет... жарко. Однако внутри наверняка царит приятная прохлада...

И тут вдруг, по пути, на одной из улочек Катерина увидела месье Бади. Антиквар вел себя довольно странно – оглядывался по сторонам, словно бы не желал, чтоб его узнали...

Катя хотела было подойти, поздороваться... но почему-то раздумала – мало ли какие у человека проблемы? Быстро осмотрелась по сторонам и юркнула в расположенный рядом салон тату с изображением синего играющего дельфина на вывеске. Салон так и назывался «Голубой дельфин», немного подумав, девушка вошла... даже из чистого любопытства – татуировки в мусульманской стране? Интересно.

Обернулась – увидев сквозь стеклянную дверь, как антиквар садится в машину... тоже – прокатную, но уже не в ту, что была раньше. В черный «Пежо»... Меняет машины... зачем? Впрочем, кому какое дело до чужих странностей?

Ладно, уж коли зашла...

А внутри ничего особо интересного не было!

Обычный салон, каких полными полно в Питере или Москве, да в любом более-менее крупном городе. Вообще-то Катя давно уже хотела сделать себе татушку, этакий маленький партачок, где-нибудь... ммм... нет, не в самом интимном месте, но и не так, чтобы на виду.

– Что желаете, мадемуазель? – высокий темнокожий парень, вполне симпатичный с виду, улыбаясь, протянул журналы. – Прошу вас взглянуть. Пожалуйста, садитесь вот сюда, в кресло... включить вам свет?

– Нет, нет, спасибо, я вижу.

Обычные татушки – вензелями, загогулинами – Катерине никогда такие не нравились. Что-нибудь бы... Вот! Веселый такой, синий... нет, скорее, все-таки – темно-голубой дельфин с желтым брюхом. Небольшой, всего-то сантиметра два.

– Улыбающийся дельфин? – хозяин салона не переставал улыбаться. – Его многие выбирают. Симпатичный.

– Вы сказали – улыбающийся? А разве дельфины умеют улыбаться?

– О, конечно, умеют! – этого темнокожего парня вовсе не нужно было тянуть за язык. – Дельфины – они же, как люди!

– Ну, раз как люди – делайте! – решила Катя.

– Прекрасно, мадемуазель! Где вам будет угодно?

– Ммм... На спине. У самого копчика.

– Как скажете... Вот, попрошу пройти, ложитесь... Не беспокойтесь, мадемуазель – все абсолютно безболезненно и стерильно. Вот только купаться я бы вам сегодня не рекомендовал...

В двойном зеркале салона Катерина внимательно рассмотрела татушку – очень понравилось! Подтянула шорты, расплатилась – не так уж вышло и дорого – и, довольная, вышла на улицу... к морю, наверное, теперь и не нужно было идти. Тогда – в музей? Или нет – все ж таки к морю. Побродить по песку, полюбоваться прибором...

Прокат водных мотоциклов. Вот это – именно то, что нужно! Следуя указанному на рекламном указателе пути, Катерина спустилась по крутой лесенке вниз, к пунической гавани, и, пройдя немного по пляжу, свернула влево... потом еще немного походила – так и не могла отыскать этот чертов прокатный пункт.

У одного из причалов чернокожие парни, весело переговариваясь, загружали увесистыми мешками старую шхуну. Потные, голые по пояс, тела их, казалось, имели какой-то голубоватый

оттенков, может быть, потому, что в них отражались волны, такие же голубые, как глаза Кати? И – высокое бирюзовое небо... Прав был Жан Кокто, когда писал о «голуботелых неграх»...

– Что-то ищете, мадемуазель? – один из грузчиков – худенький большеглазый парнишка лет шестнадцати – поставив на сходень тяжелый мешок, вытер со лба капли пота и улыбнулся.

А он неплохо говорит по-французски – отметила для себя Катерина и тоже улыбнулась:

– Ищу прокат водных мотоциклов. Судя по указателю, он где-то здесь должен быть.

– Да, здесь, – сверкнув белыми зубами, охотно подтвердил парнишка. – Только вы напрасно надеетесь, мадемуазель.

– Это почему же? – девушка недоуменно повела плечом.

– Да потому что киношники все уже арендовали. Все, что может хоть как-то держаться на воде.

– Киношники?! Какие еще киношники?

– А вон, видите – старинное судно? Ну, типа старинное... – парень показал рукою, и тут же его окликнул какой-то человек с шхуны: работай, мол, а не болтай.

– Все, мне пора, мадемуазель, – со вздохом подняв мешок, попрощался юноша. – Бон шанс.

– И тебе удачи, – Катя помахала симпатичному негру рукой и, вскинув глаза, прочла написанное на корме название судна – «л'Этуаль». «Звезда» – честно говоря, не самое подходящее имечко для столь старой и неказистой посудыны.

– Меня зовут Луи, мадемуазель! – обернувшись со сходней, прокричал парень.

Катерина его уже не слышала – сойдя с пирса на пляж, искала глазами киношников... Ага!!! Ну, вот он, старинный корабль – весь обвешанный круглыми красными щитами драккар... или как он там назывался? Впрочем, драккары – это все же в Скандинавии, а здесь... а здесь галеры должны быть... или эти, как их – биремы, триеры и прочие.

Интересно, про что здесь фильм снимают? Про Карфаген, наверное, про что же еще-то? Ганнибал, римляне и все такое прочее из древней истории, которую, к слову сказать, Катя знала плохо... ее вообще в России все нормальные люди знали плохо – проходили когда-то классе в пятом-шестом... так, больше картинки рассматривали.

Разувшись, девушка зашла в воду, любуясь, как древний корабль, точнее – его копия, медленно и величаво швартовался к узенькому причалу... туда же подошел и катер с кинокамерами, прожекторами и прочим киношным скарбом. И с киношниками – разумеется – всякими там режиссерами, помощниками, операторами... Подойти, что ли, ближе?

Подумав, Катя так и сделала, да и не одна она была такая любопытная: у причала уже толпились туристы – крикливые женщины, мужчины, дети – всем было интересно посмотреть на артистов, Катерине – тоже. А вдруг там сам Джонни Депп?

– Так, господа, отдыхаем до утра! Лешенька, дорогой, смотри, ведь договорились насчет спиртного...

Девушка вздрогнула: какой-то грузный человек произнес эти слова в мегафон, произнес по-русски... явно по-русски... а потом врубили песню, Катину любимую – «Ла исла бонита».

Мадонна ее сейчас пела или Ализе – было все равно, Катерина лишь подпевала... вообще-то она знала пару куплетов, даже подбирала на гитаре аккорды, правда, давно, классе в десятом... Хм... Давно? А так ли это давно было-то?

Насвистывая в такт музыке, Катерина проскользнула в толпе к синему микроавтобусу – именно туда и шли одетые в старинные одежды артисты, среди которых... Среди которых девушка вдруг заметила... Нет! Она даже глазам своим не поверила! Елена Малинина! А рядом с ней... Господи! Сам Алексей Стрепов! Ну надо же! Он же у нее когда-то на стенке висел, в виде цветного портрета!

– Алексей, Алексей! – отодвинув плечом какую-то дебелую тетку в полосатом купальнике, Катя быстро преградила артистам путь и, извиняюще улыбнувшись, попросила автограф.

– Ого, да тут все наши люди! – обернувшись, довольно ухмыльнулся Стрепов... О, красавец! Суперзвезда! – Девушка, это вы просили автограф?

– Да-да, я, – Катерина не верила своему счастью – кумир ее не столь уж и давней юности, явившийся из детских снов, говорил сейчас с ней, улыбался, стоял рядом!

– Как вас зовут, девушка?

– Катерина... Катя...

– А где расписаться-то? И чем? Слышь, Валентин, а ну-ка дай ручку... Фломастер? Тоже пойдет. Ну, так где?

– А вот здесь! – девушка быстро повернулась спиной. – Прямо на майке!

– Отлично! – восхитился актер. – Что ж, удачи вам, Катя.

Стрепова уже чуть ли не силой тянули в автобус.

– И вам...

Катя помахала отъехавшим киношникам и, улыбаясь, пошла в город, все так же насвистывая «Ла исла бонита».

Ласковое вечернее – да, уже вечернее – солнышко гладило девушку своими нежными золотисто-оранжевыми лучами, отражаясь в синей глади моря сверкающей широкой дорожкой. Дул легкий ветерок – бриз – с моря тянуло свежестью, запахом морской капусты и солью.

Обогнув океанографический музей, Катя остановилась, обернулась, еще раз полюбовавшись на море, на древний корабль, величественно покачивающийся у причала. Интересно, эти киношники... они и завтра снимать будут? Скорее всего – да. А что, если взять напрокат бинокль? Спросить в отеле – где их дают? Или лучше купить? И так, и сяк можно. А потом наблюдать за всем процессом съемки, забраться хотя бы во-он на ту скалу, на тот камень, или даже – с лестницы... а лучше – с водного скутера, если будут они в прокате.

Ну надо же – Алексей Стрепов! И его автограф – вот тут, на топике!

Назавтра девушка встала рано, приняла душ, надела красивый купальник и нарядную белую блузку, после чего, наскоро перекусив, отправилась к морю, не забыв прихватить с собой добротный цейсовский бинокль, любезно предложенный ей портье.

– О, нет, не надо денег, мадемуазель! Пользуйтесь. Только, пожалуйста, не потеряйте – память о прадедушке. Он, видите ли, сражался в рядах армии Роммеля. Лис пустыни – слышали про такого?

Еще бы не слышать. Фашистяга – фашистяга и есть, не очень-то их Катя жаловала – в войну много кого из дедов-прадедов поубивало.

Ладно. Черт с ним, с Роммелем, главное – бинокль – вот он. И – фотоаппарат, жаль вчера не сообразила воспользоваться.

Пройдя пунический квартал со старинными домиками и остатками древних развалин, Катя вприпрыжку спустилась по каменной лестнице вниз, к морю...

– Ла исла бо-ни-та...

Черт! Вот ведь привязалась песня! Теперь уж дня три не отвяжется... Так! Где же расположиться? Скала, черт побери, уже занята – там какие-то мальчишки сидят, рыбу удят... можно их, конечно, и шугануть... ну да ладно. Вот тот квадратный камень у самых волн – он-то как раз подойдет, хорошо, догадалась прихватить покрывало – полосатое, толстое – и не лень же было нести! Ну, тут как раз такой случай, когда охота пуще неволи.

Забравшись на камень, девушка расстелила покрывало, разделась и достала из сумки бинокль. Ну, вот – все, как на ладони! Вот – причал, вот – древний корабль, вот – киношники, а вот – Алексей Стрепов! Кумир детства.

Так... они как раз отправляются... Может, когда будут проходить – через бинокль фотоаппаратом взять? Получится ли? Получится, не получится – а попробовать-то кто мешает?

Катерина приготовила фотоаппарат, дождавшись, когда древний корабль и катер с киношниками направились в море, заглянула в бинокль... Вот, как раз удобный момент... Черт!

Яхта, белая, стремительно быстрая, с чуть наклоненной мачтой, пронеслась под парусом мимо... Девушка проводила красивое судно биноклем и невольно вскрикнула, узнав в стоявшем за штурвалом матросе... того самого пожилого антиквара, месье Альфреда Бади! Антиквар выглядел не очень-то радостным – мощная цейсовская оптика позволила во всех подробностях рассмотреть выражение его лица. Странное выражение, словно бы месье Бади опасался кого-то. И все время затравленно оборачивался назад... А что у нас сзади? А ничего такого страшного, если не считать весельный корабль киношников и... и белый теплоход с большой полукруглой антенной. Явно не пассажирский теплоход, скорее – научный. Какие-нибудь гидрографы-геофизики...

Яхта, теплоход, киношное судно и катер – а за ними скутеры и прогулочные катамараны – именно в таком порядке все и проследовали мимо Катерины. Девушка еще немного посмотрела в бинокль, а потом плюнула и пошла купаться. А что еще делать-то? Жарко.

Она приходила сюда и завтра, и послезавтра, и вообще – целую неделю. Киношники все никак не могли доснять свой фильм, а Катя просто по вечерам приходила купаться. Однажды, заплыв довольно далеко, даже услышала ругань, а потом и увидела ее причину. Старая рыбацкая шхуна с гордым именем «Л'Этуаль», поднимая бушпритом брызги, неторопливо плюхала параллельно с киношниками. Те, конечно, ругались. Еще бы – вдруг да этакая кикимора возьмет да попадет в кадр?!

– Ну, проплывай! – весело кричала вслед удаляющейся шхуне Катя. – Проплывай же! Не мешай людям работать.

А под конец недели ей как-то повезло – в прокате оказался свободный скутер. Ух, как обрадовалась девчонка! Заплатив, запрыгнула в седло, рванула, заложила вираж, так, что вспыхнувшие радужно-разноцветные звезды показались на миг выше солнца!

Еще вираж! Еще прибавить скорость!

Ух, и здорово! Куда бы сплавать? Киношников еще нет... да вряд ли они и будут сегодня снимать – небо над морем явно хмурилось, исходя мелкими синевато-дымчатыми облаками. К дождю? К грозе? К шторму?

Но сейчас все было хорошо, классно было! Нестись вот так, чтоб соленый ветер в лицо, чтоб пенные брызги... Ради этого стоило потерпеть и зануду Германа!

Оп! Снова тот теплоход с антенной. Догнать? Да запросто!

Дав полный газ, Катерина бросила скутер к белому научному кораблю... вот и корма. Названия нет – просто какой-то номер. И двое в белых фуражках. Как странно они смотрят на скутер! Вот один куда-то побежал... доложить капитану?

Ну и ладно. Обогнуть вас кружочком? А, пожалуй!

Снова взревел мотор, и Катя быстро оказалась с другого борта судна. Помахала рукой – кому, сама сейчас не знала. И вдруг увидела, как полукруглый чехол антенны треснул почти пополам... как поднялась какая-штука... И вырвался из нее зеленоватый луч! И вскипела волна... нет, волны! Господи, неужели – шторм? Вообще-то к тому все и шло, но чтоб вот так, внезапно...

К берегу! Немедленно к берегу! И – как можно быстрее!

Увы, девушка не успела даже развернуть скутер – злобная крутоспинная волна настигла ее, опрокинула, швырнула, накрыла полностью, с головой...

– Помогите! Помогите! – изо всех сил закричала Катя.

Тщетно... Волны становились все страшнее, все выше, а спасительная – или просто казавшаяся таковой – корма белого научного судна исчезла. И – снова волна... И черная злая влага вдруг сдавила грудь... и уже невозможно стало дышать...

Последнее, что увидела девушка – это скользкий бок ухмыляющегося дельфина. Разве дельфины умеют улыбаться? Разве... Или это вовсе не дельфины... вовсе не... вовсе...

Глава 4. Зеленая луна

*Ликовала дружина —
в жизни я не видал
большей радости
в бражном застолье.*

«Беовульф»

– Ой, какая луна зеленая! Нет, правда, правда... сам посмотри! Ну, Саша, ну, не спи же!
– А кто спит-то? – Саша – Александр Иванович Петров – молодой человек двадцати восьми лет, шатен, с карими глазами и небольшой пижонской бородкой, потянулся, поиграл мускулами, уж, слава богу, было чем играть, ни ростом, ни статью Господь не обидел, да и умом тоже... вот только удачливостью и счастьем – ну, да это как посмотреть...

– Нет, милая Леночка, это не луна зеленая, это глаза у тебя зеленые! Ишь, как сверкают...

Так и хотелось добавить – «словно у некормленной кошки», в другое время Александр бы и не постеснялся, добавил бы, а сейчас не хотелось обижать девушку... ведущая актриса все-таки, бабок в день зарабатывает, сколько сам Александр Иванович – в год... ну, ладно, не в год – в месяц. Господь Бог не дурак – одним ум дает, другим красоту, третьим – деньги. Редко так бывает, чтоб и то, и другое, и третье – вместе, в одном флаконе, – а вот Леночке повезло, и красивая, и богатая, только вот с умом... Ой, на что женщине ум, когда деньги запросто так с неба валяются? Сиречь – от киностудии, от продюсеров, как же – гламурную суперзвезду пригласили!

Поднявшись с постели, молодой человек подошел к окну, распахнутому в звездную ночь, жаркую, терпкую, южную, притянул к себе девушку, погладил по спине... нет, все-таки она очень красивая, особенно сейчас – обнаженная, трепетно-манящая в призрачном лунном свете... Ах, какой стан, какие, бедра, какая шейка! Вот только актриса, увы – никакая. Впрочем, в постельных сценах – вполне даже ничего, а вот, что касается всего остального...

– Ой, Сашка, какой ты сильный! – Лена провела пальцем по груди Александра, тот крепко обнял девушку, с жаром целуя в губы...

– Нет, нет, – томно опустив ресницы, та притворно попыталась вырваться. – Ну, ведь только же... И глаза у меня, кстати, не зеленые, а серые... с таким вот зеленоватым отливом. А луна – зеленая. Зеленая! Зеленая! Зеленая! – девушка капризно поджала пухлые губки.

– Ладно, ладно, зеленая, – не выпуская актрису из объятий, Саша скосил глаза... действительно – зеленая! Впрочем... это не луна... это какой-то луч... словно сверкнуло что-то далеко в море. – На северное сияние чем-то похоже.

– Что похоже?

– Ну вот этот вот блеск.

– А...

Девушка погладила Александра по плечу и вдруг, словно кошка, фыркнула:

– Однако у тебя и тату!

– Какое тату? – Саша хлопнул глазами и ухмыльнулся. – Ах, это...

На левом предплечье его синел штурвал и якорь, обвитый лентой с надписью «Товарищ» – повезло, служил в юности на этом прославленном бриге, с тех пор и паруса знал как свои пять пальцев.

– Что, не нравится?

– Конечно, не нравится! – Леночка смешно сморщила носик. – Не айс! Совсем не айс. Слушай... а давай-ка мы тебе эту татушку сведем, а сверху какой-нибудь такой крутой партачок сделаем. Цветной, разумеется. Можно рыбку или, там, паука...

– А кошечку? – молодой человек закусил губу, чтоб не рассмеяться.

– Какую еще кошечку?

– Ну, татушку... Кошечку хочу, никакой паук мне не нужен!

– Кошечку... – девчонка закашлялась, и Александр ласково похлопал ее по спине.

Потом погладил, поцеловал и, легко подхватив в объятия, утащил обратно в постель...

– Ах... – актриса томно рассмеялась. – Экий ты неутомимый, Сашка! Ну, настоящий каскадер, не зря тебя сюда взяли!

Саша лишь усмехнулся, лаская девчонке грудь – ну конечно не зря! А как же?

Ну, во-первых, он вообще на киностудии штатным каскадером работал, особенно в том, что касалось морских сцен – всяких там утоплений, прыжков, ныряний с отвесных скал и прочих абордажей. Во-вторых, с продюсерами был неплохо знаком, и раньше еще встречались, в-третьих... гм... в-третьих... в-третьих, может, повезло все-таки? А что, почему это кому-то другому может повезти, а ему, Александру Иванычу – фиг? Да что же это за несправедливость такая?

Продюсерам (Сашкиным хорошим знакомым) все лавры «Пиратов Карибского моря» спать не давали, вот и решили замутить что-то подобное, на такую же подростково-беспроявленную тему... идиоты, нет, чтоб на Достоевского замахнуться или там, на Герцена – «Былое и думы». Какие драмы можно было бы снять, какой разгул страстей, какие психологические типы... куда там! Все по легкому пути норовят идти – бабла нарубить по-быстрому... с другой стороны, на хороший-то фильм и актеры нужны такие же... вот именно, что актеры, а не такие... прости, господи... как Леночка (хотя, против нее как человека Саша ничего не имел, еще бы...) или вот главный герой – Гейзерих, предводитель вандалских пиратов... то есть не Гейзерих, конечно, а тот, кто его играл... ну, отыскали! Тоже еще, нашли актера – Лешеньку Стрепова – по сравнению с ним и Леночка – Сара Бернар. А Лешенька, мало того, что «голубой», так еще и играть ни хрена не может, ему б только по «ящику» крутиться во всяких там «звезды на льду, подо льдом, на скотном дворе и в прочих, тому подобных гнусностях». Ну, разве настоящий актер до подобных дурацких шоу опустится? Разве только от лютого безденежья.

Впрочем, была в Лешеньке и одна хорошая черта... даже две – выпить был не дурак и на Александра Иваныча походил, как родной братец... ну, пусть – как двоюродный. Похожи, что и говорить, только что Лешенька малость послабже да и жеманнее, что уж тут скажешь?

Вот, наверное, за эту похожесть Сашу и взяли... сюда вот, в Тунис – тут все снимали, уж больно продюсерам хотелось, чтоб – «на развалинах Карфагена». Так вот он, Карфаген, сбывшись мечты идиотов! Вот прямо в распахнутое окно пансиона – россыпь огней... не таких уж и ярких. Рю Виржилъ, Рю де Суффет, авеню Хабиба Бургибы – типично карфагенские улицы. Финикийские, м-да... Рядом, внизу, магазинчики – универсамы «Монопри» и – чуть дальше – «Касторама» – тоже типично карфагенские... как и вывески на французском языке – он тут, как в Украине и Белоруссии – русский. Все понимают, все говорят – в меру своего разумения.

А вообще, этот Карфаген – пригород Туниса – очень даже уютное местечко. Недорогой частный пансион, спокойствие, развалины – термы Антонина Пия, совсем рядом, вот, буквально две минуты пройти – жертвенник-тофет, от пунов еще остался, камешки эти уж точно, Ганнибала помнят, по крайней мере – должны. Позади, за железнодорожной веткой – но тоже не особенно далеко – холлом Бирса с остатками крепостных стен и собором Сен-Луи – там сейчас музей Карфагена. Сходить бы, да некогда – все работа, работа... Продюсеры спешили, не любили зря тратить денюжки... тогда, спрашивается, какого черта сюда потащились? И на Черном море могли бы ничуть не хуже снять, так нет, подавай им Средиземное! Хотя, по деньгам, наверное, здесь еще и дешевле выйдет. Да и дней солнечных – без счета, снимай – не

хочу! Планету Татуин из «Звездных войн» как раз тут и снимали... ну, не на самом побережье, конечно.

- Бабуин? – Леночка удивленно моргнула. – Какой еще бабуин?
- Татуин, говорю...
- А, ты про татушку!
- Тьфу ты... Да нет! Про «Звездные войны».
- Ах, про войны...

На прикроватной тумбочке лежал небрежно открытый Коэльо, Лена его «типа читала», как и Мураками, Уэльбека... так было принято в ее гламурном кружке, похвастать иногда – «а вот у Коэльо», «читала вчера Уэльбека – мне не понравилось». Саша иногда думал – вот бы кто-нибудь издал книжку – «Сто модных авторов», типа – «Все русские классики в кратком пересказе для тех, кто не умеет читать», такая книжка мгновенно бы стала бестселлером, раскупили б влет.

– А здорово ты сегодня Лешеньку подменил! Классно так стоял, а волны вокруг – брызгали. Нет, правда-правда – классно!

– Ну, Лешеньку я не подменял, – Александр хмыкнул. – Это чисто моя была работа, каскадерская. Лешеньке завтра, хм... с тобой в постели играть.

Девушка неожиданно улыбнулась:

– Он сможет, даром, что... Ой!

Зябко поведя плечом, Леночка схватила любовника за руку:

– Что это там, за окном? Слышишь? Там, внизу, кто-то ходит! Ой, Сашка, мне страшно!

– Не бойсь! – обняв девчонку за плечи, молодой человек поискал в тумбочке сигареты, не нашел, и вспомнил, что вот уже второй год бросал курить... месяц уже не курил! И ни капельки не тянуло. Если куда и тянуло, то вот, к Ленке в постель, да еще – выпить, а с этим тут были проблемы, как бы что ни говорили, а Тунис – страна в большинстве своем мусульманская.

– Нет... там явно кто-то ходит? Может, пойти хозяина разбудить?

– Ага, его добудишься, как же!

Хозяин сего уютного трехэтажного особнячка с обширным двором и садом, месье Арон Ашкензи, был тунисским евреем, человеком весьма не бедным и не глупым, но в общем-то – в быту весьма аскетичным и чуждым всяких фривольностей, если что себе и позволял – так это власть поспать, а что – не такой уж и большой недостаток. Вот только, если уж засыпал, так хоть из пушки пали – не разбудишь!

– Посиди пока... – поцеловав девушку, Александр накрыл ее покрывалом, а сам на цыпочках подошел к окну... выглянул...

– Ну? – нетерпеливо прошептала Леночка. – Чего там?

– Тсс! – сделав зверское лицо, Петров обернулся. – Там уже не только ходят... лезут!

– Лезут?! Куда?

– Как это куда? К нам, конечно. Ну, в смысле – к тебе!

– Саша! Мне страшно! Надо позвать кого-нибудь!

– Не надо... А вот одеться мне, пожалуй, следует!

Быстро натянув футболку и джинсы, молодой человек притаился у окна с видом заправского заговорщика и, приложив в палец к губам, прошептал:

– Будем брать сами!

– Сами?! Ты что, с ума сошел, что ли? Я рисковать не...

– Бонжур, месье! – высунувшись в окно, громко поздоровался Александр. – Точнее сказать – бон суар! Помочь забраться?

Нагнувшись, он протянул руку, помогая залезть в комнату запыхавшемуся толстяку Валентину – ответственному за свет, реквизит и воду.

– Привет, привет, Сашок, – отдышавшись, дружелюбно улыбнулся толстяк. – Ху-у... едва ведь забрался... Эй, Леша... – он свесился с подоконника вниз. – Ты где там?

– Лезу...

В окне показался исполнитель главной роли Лешенька Стрепов – красивый, как молодой бог – в гламурных узеньких джинсиках со стразами и блестящей рубашке.

– Привет! Что, тоже не спится?

– Не спится...

– А мы за вином ходили!

– Вот как! – Александр хлопнул в ладоши. – И что, нашли?

Лешенька хвастливо ухмыльнулся, кивая на кофр за спиной Валентина:

– Нашли! А как же? Зря, что ли, ходили... Только вы это... тсс... Как бы Саныча не разбудить!

Саныч – это был режиссер – Максим Александрович Сидровцев – тоже весьма знаменитый, правда, не такой знаменитый, как Лешенька.

– Сейчас выпьем! – азартно суетился осветитель. – Лена, у вас стаканы есть?

– Пара найдется – вон, на тумбочке.

– Еще я могу принести, – Саша направился к двери. – Вино в «Монопри» брали?

– Ага... нет там вина! В «Кастораме» взяли, в Тунисе. Какие-то моряки с утра еще все раскупили... а нового в магазин не завезли, не успели, знаете ведь как тут с вином.

– Моряки? – Александр удивился – на рейде в торговой гавани сегодня стоял только один иностранный корабль – турецкое научно-исследовательское судно с большой полусферической антенной. Турки раскупили вино? Вот уж вряд ли... Значит, никакие это не турки... по крайней мере команда.

А может, это «аспиранты» все выпили?

«Аспирантами» режиссер Саныч – а за ним и все – именовал сценаристов, причем проносил это слово с неким оттенком презрения. Саша как-то спросил – почему так? Не Саныча спросил – Валентина, тот оказался в курсе, пояснил, мол, сценарий – полное фуфло, больше для какого-нибудь индийского фильма подходящий – с потерей главным героем памяти, с разлученными в детстве сестрами-близнецами, короче, «Зита и Гита», другого сценаристы («аспиранты», ха!) придумать ничего не могли... но оказались то ли родственниками, то хорошими знакомыми одного из продюсеров – вот он и порадел родным человечкам, к работе пристроил, даже вот сюда, в Тунис взял, хотя толку тут от них было – как от козла молока.

– Так почему «аспиранты-то»? – допытывался Александр.

– Да потому, – Валентин с шумом откупорил бутылку. – Один из них в какой-то районной газетке работал, а там у них, в районе, съезд эсперантистов проходил, на международном уровне, наш типчик, конечно, слышал звон, да не знал, где он, однако статейку махнул – правда, эсперантистов с аспирантами перепутал, так вот заголовок и выдал «Молодые ученые съезжаются в наши края!».

– Да зачем журналистам в чем-то разбираться-то? Это и невозможно, они ведь обо всем пишут, – неожиданно усмехнулся Лешенька. – Я вот как-то раньше следаком работал, после школы милиции...

– Чего?! – Сашка чуть стакан не выронил от такой новости. – Ты – и в ментовке?

– А что? Думаешь, сразу Робертом де Ниро родился? Три года отпахал, как миленький... ну, чтоб в армию не идти. Так с тех пор вообще прессу читать не могу... Ты наливай, Валентин, чего смотришь?

– А? Сейчас-сейчас...

Похоже, и для осветителя прошлое гламурной звезды – это была новость. Из разряда тех, про которые пишут в таблоидах.

Выхлебав винище одним глотком, Лешенька снова подставил стакан:

– Наливай, не спи!

Снова выхлебал... так никакого вина не напасешься! Закурил:

– Читаешь криминальные статьи – просто уши вянут. Про голимую кражу пишут – «ограбление», про грабеж – «обокрали». Ну, я понимаю, конечно, что все не охватишь, что не Достоевские, но в том, о чем пишешь, разбираться-то надо, ну хотя бы чуть-чуть. А то вот еще напишут – «завели дело на Пупкина»! Заводят дешевую шлюху в номер! Или патефон. Уголовные дела не «заводят», их «возбуждают». Что, трудно написать – «возбуждено уголовное дело в отношении Пупкина»... или там – «по факту кражи»? Или вот еще – «дело закрыто»! Прекращено надо говорить, а «закрыто» – это винный магазин, а не дело. Вот уж точно – «аспиранты»... и, главное, учиться-то ничему не хотят! Хотя... с другой стороны – может, оно и правильно? Может, у них установка такая? Зачем законопослушному обывателю знать, как функционируют милиция и прокуратура?

– Ай, Лешка, что ты заводись-то? – накинув халатик, усмехнулась Леночка. – Ты на наших сценаристов посмотри... Ладно. Пойду вниз спущусь, за стаканами.

– Так есть же два!

– Ну да, вот еще, по очереди, что ли, пить будем?

Она вышла, мягко прикрыв дверь.

– Красивая баба, – бросив недокурную сигарету в горшок с каким-то цветком, Лешенька с некоторым цинизмом в глазах взглянул на Сашу: – Ты ее, что ли, трахаешь? Извини за вопрос.

За такие вопросы вообще-то нормальным мужикам морды бьют... но вот этому... да он, похоже, и вовсе не ждал ответа – уже третью бутылку пил, можно сказать, в одну харю. Снова закурил, подошел к окну, сплюнул:

– А мне так не дала, жопа с ушами! Говорит – ты вечно пьяный и вообще, не в моем вкусе. Надо же, слова какие знают... начитаются всяких Коэлий, потом строят из себя «битте-дритте фрау-мадам».

Валентин с Сашей удивленно переглянулись:

– Не дала?! Тебе?! Так ты же... гм...

– Хотите сказать – «голубой»? – суперстар неожиданно расхохотался. – А вот вам фиг! Прикидываюсь просто... Вы даже представить себе не можете, какие в гей-сообществе бабки крутятся, какие там связи! Без их помощи мне бы ни за что в актеры не выбиться. Сидел бы сейчас в райотделе, расследовал бы с утра до позднего вечера всякую гнусь за зарплату в двенадцать восемьсот. Потом, в конце концов, спился бы и помер... Что смотрите? Сейчас-то я почти и не пью... ну пять-шесть бутылок винища в день – это я не считаю, вино не водка. Давай, Валентин, наливай...

– Может, Леночку подождем?

– Да ну ее... Есть тут и кроме нее девки – вон хоть Светка с Катькой... ассистентки... Честно сказать – обе хороши! Ну, будем!

– Да ты это... – выпив, Александр вытер ладонью губы, – конспиратор.

Лешенька приосанился:

– А то! Я, может быть, никудышний актер, но следователем когда-то был неплохим – логика поставлена, уж это без хвастовства. Скажу вам, опять же, не хвастаясь, я совершенно точно знаю, что надо делать, чтобы считаться звездой, – тут артист снова выпил и начал загибать пальцы. – А – дружить с таблоидами, в особенности – с «желтой» прессой, время от времени подбрасывать им всякие дутые скандалчики, бэ – мелькать на разных закрытых тусовках, вэ – и не на закрытых тоже – типа всяких «танцев на льду» или там «необитаемых островов»,

песни опять же можно петь, что я и делаю – правда, без слуха и голоса, но это вовсе не важно, важно – по ящичку чаще мелькать! Не будешь мелькать – забудут, сдуется суперзвезда, и очень быстро.

– Не, не говори так, – подольстил Валентин. – У тебя же – талант!

– Талант у меня к уголовным делам... был. Да весь вышел... а, что говорить... наливай! Ты, кстати, Сашок, тоже свой истинный талант в землю зарываешь. Ты ж классный повар, я знаю! Так чего в каскадеры подался? Бабла больше? Сомневаюсь... хороший повар, да в приличном кабаке бабок загребают не меньше, а, пожалуй, и куда больше... Валентин, наливай! Эх, снова живем! Ноу фьючер!

Нет будущего... Вот так и сказал. И был абсолютно прав, ибо никакого будущего у Земли – в качестве планеты – не было. Мир сжимался, медленно, но верно приходя к коллапсу. Кто-то из ученых говорил, что этим процессам подвержена вся Вселенная, кто-то им оппонировал – нет, мол, не Вселенная, а только Земля, в одном все были едины – процесс идет и катастрофа неминуема... правда, лет через тысячу... или десять тысяч – в этом разброс был большой.

Пришла Леночка со стаканами, налили и ей. Лешенька уже хорошо накачался, и нес какой-то пьяный бред:

– О, в этом пансионе не все чисто... я имею в виду постояльцев... хотя и хозяин – та еще бестия, палец в рот не клади. А уж жильцы...

– Да какие тут жильцы, – раздраженно фыркнула девушка. – Нет ведь никого, кроме нас.

– Нет, так были, – загадочно усмехнулся актер. – Вот, в день нашего заезда старичок один по двору шлялся... Он ведь явно кого-то боялся... или скрывался... Одежку все время менял, шляпу надевал с полями, очки – в общем, вел себя, как примитивные, насмотревшиеся шпионских саг дурни – ну, разве в шляпе дело? А уж темные очки – они только внимание привлекут. Он еще и волосинки к дверям клеил – я как-то увидел, – чтобы, значит, увидеть, ежели кто чужой без него войдет.

– Ой, Леша, – Леночка томно потянулась. – Вечно тебе невесть что мерещится. Ну, старик и старик – обычный. Я так его и не запомнила вовсе, а ты, Саша?

– И я не запомнил, – каскадер пожал плечами. – Какое мне дело до всяких там стариков? И действительно... какое дело?

Они пили почти до самого утра – поспали потом часика три-четыре – и, проснувшись, Александр, как обычно, отправился на утреннюю пробежку – постановщик и исполнитель трюков (а Саша совмещал здесь обе эти должности в одном лице), несмотря ни на что, должен был держать форму.

Бегал он всегда одинаково, по одному и тому же маршруту – проходя через развалины тофета, начинал с улицы Суффетов, добежал до терм Антонина, сворачивал на широкую авеню Хабиб Бургиба и уже по ней возвращался к пансиону. Не такой уж и хилый получался кружок, и Саша всегда засекал по секундомеру время, с гордостью замечая, что с каждым днем бегал все лучше – на секунду-две.

Хотя, конечно, скорее всего дело, было не в нем. А все в том же – во времени, точнее – в пространстве. Мир вокруг вот уже несколько лет, как сжимался – это было доказано, об этом писали во всех газетах, и многие люди первое время жили в ожидании неминуемого конца света. До того, как в масс-медиа не появились сообщения о том, что коллапс, конечно, будет... но не сейчас, а лет как минимум через тысячу. Ну, все так, о чем и говорили ночью.

Через тысячу лет ничего не будет! Ни Земли, ни – быть может – Вселенной... Осознавать такое было как-то неприятно!

А вдруг ученые мужи ошибаются? Вдруг, нет никакой тысячи лет, вдруг обещанный коллапс наступит вот уже через год-другой, через месяц, завтра? Такие настроения тоже имелись и время от времени набирали силу.

Три секунды! Вот уже – на три секунды быстрее! Черт... Саша сплюнул под ноги. Нехорошо все это. Может, ну его на хрен, этот секундомер? Выкинуть его, что ли? А и выкинуть!

Недолго думая, молодой человек замахнулся и забросил сверкнувший на солнце прибор в розовые кусты.

– Бонжур, месье!

Черт!

Полицейские! Эти-то откуда взялись? Хотя... вон их автомобиль... бесшумно подъехали... ха, это ж электромобиль – чего ему шуметь-то? Теперь точно заставят уплатить штраф, скажут – а чего это вы тут мусорите? Вещицами какими-то кидаетесь...

– Бонжур...

– Говорите по-французски, английски?

– Лучше по-английски.

– Хорошо, – полицейский инспектор в белом, с блестящими пуговицами, мундире, представившись, перешел на английскую речь: – Проживаете у господина Ашкензи, не так ли?

– Да, именно так...

Неужели уже и до полиции дошла весть о ночной пьянке? Соседи стукнули? Возможно – здесь такое в ходу.

– Можем мы с вами поговорить?

– Да пожалуйста, – молодой человек пожал плечами, и инспектор, указав на лавочку в тени деревьев, улыбнулся.

– Нас интересует ваш бывший сосед по пансиону, профессор Фредерик Арно.

– Профессор? – Саша озадаченно поскреб затылок. – А! Это такой седой старик, что ли?

– Да-да, именно – седой. У него еще имелась яхта.

– Имелась?

– Он, видите ли, исчез... вот вместе с яхтой и исчез, словно в воду канул.

– Так, может, действительно – в воду? – усмехнулся молодой человек.

Полицейский покачал головой:

– Не думаю. Неделя стояла спокойная, а профессор – опытный яхтсмен. Так что вы о нем можете сказать?

Александр пожал плечами:

– Да ничего. Я его вообще не видел. Так, если только мельком. Вам бы с хозяином пансиона лучше поговорить.

– Поговорили уже. Значит, о профессоре Арно вы ничего не можете сказать?

– Абсолютно!

– Что ж... жаль.

Вежливо попрощавшись, инспектор зашагал к машине, Александр же, пожав плечами, направился в пансион. Парило. В блекло-синем небе ярко сверкало белое знойное солнце.

– Ты где был?! – с порога накинулся один из продюсеров. – Мы тут тебя по всему пансиону ищем!

– Да, как обычно, бегал... Потом с полицейским инспектором беседовал.

– С полицейским? Ах да, он сюда тоже заходил.

– Так что случилось-то? Профессор нашелся?

– Какой профессор? Ты это о чем? Тоже, что ли, пьяный?

– Тоже? – кажется, Александр начал догадываться о том, что произошло.

– Понимаешь... Лешенька, сука, вчера нажрался... а он ведь запойный, черт! Короче – простой у нас... Вот мы тут подумали и решили... крупным планом – тебя! Вы ж похожи!

– Меня?! – ошарашенно переспросил молодой человек. – Нет, ну вы даете... Нашли артиста!

Продюсер схватил Сашу за руку:

– Послушай... да что там играть-то? Просто вечером выйдем в море на двух судах – нам обязательно на фоне заката снять надо. Тебе даже и говорить ничего не придется – Лешенька потом своим голосом все озвучит, просто постоишь, руками помашешь... Ну! В конце концов, это ж ты с Валькой-осветителем Лешку ночью споили...

– Кто кого споил... Ха! Что, Ленка вломила?

– Короче, Саня – надо!

Вообще-то сегодня Александр планировал отдохнуть, развеяться... в музей сходить... может быть... Но раз такое дело...

– Ну, раз такое дело...

– Вот и славненько! Вот и по рукам! Ты только в обед сходи к костюмерам – что-нибудь получше тебе подберут.

«Получше что-нибудь подобрать» – так когда-то в далеком детстве говорила мать, увы, давно уже покинувшая сей бранный мир, а отец умер еще раньше. Родных братьев-сестер у Саши не было, зато всегда имелось множество друзей-приятелей, в том числе, так сказать, и женского пола – герл-френд, – вряд ли все многочисленные случайные связи Александра – как вот сейчас, с Леночкой – можно было бы считать чем-то серьезным.

«Получше» – оказалось шикарной ярко-зеленой туникой из тускло блестящего шелка, золоченым поясом с привешенным к нему устрашающих размеров бутафорским мечом – двуручным, явно оставшимся от съемок какой-то рыцарской картины, толстенной – конечно же, медной – цепью на шее и высоких ботфортах со шпорами. Вот-вот... только шпор морскому вождю вандалов и не хватало! Да и были ли тогда шпоры-то? Вообще-то зря продюсеры кинулись на вандалов, могли б себе спокойненько забабахать фильму про тех же карибских пиратов... или про берберских, даже еще лучше – как раз, так сказать, в натуральном антураже, и ходил бы сейчас Александр при длинной бородище и в чалме, изображая знаменитого Аруджа Барбароссу или его братца Хайреддина, или – скорее всего – и того, и другого сразу.

– Чего кривишься, Санек? Цепь не нравится? – подмигнув, рассмеялся Валентин – заодно со всем прочим он еще заведовал и реквизитом.

Каскадер хмыкнул:

– Да нет, цепь хоть куда, меня меч смущает – больно уж здоровущий. И эти еще, шпоры... я ж не на коне скакать собрался!

– Про меч, Саня, ты прав, – садясь на сундук, согласно кивнул реквизитор. – Не было в те времена таких вот мечей, да и ботфортов со шпорами не было... Ну, не было? И что? Зрителю все равно – лишь бы крови побольше да баб поголее! Сожрут, тут и думать нечего.

– Чего они вообще про вандалов снимают...

– Так они это... германцы типа, а Геныч, второй продюсер – арийцев во как уважает!

– Ага, теперь понятно, – Александр потянулся и подкинул в руке меч. – Тоже еще, фашистенок недобитый. То-то я смотрю, он все время «Рамштайн» слушает... Слышь, Валик, я что, с этой дурой таскаться должен?

– Можешь пока куда-нибудь положить, – реквизитор пожал плечами. – Только на съемки взять не забудь, уж сделай милость... Вот насчет ботфортов... погоди-ка... там у нас сапоги от какой-то волшебной сказки остались... по Пушкину.

– Что по Пушкину, сапоги?

– Да не сапоги – сказка! В них, в сапогах-то, этот... как его, дядька Черномор ходил! Хорошие сапожки, красивые, красные такие, на каблучках, тебе, думаю, впору будут... поискать?

– Нет уж, спасибо! – вежливо поблагодарил каскадер. – Ты еще труселя красные предложи, как в «Нашей Раше»! Как-нибудь обойдусь и ботфортами. Кстати, мне бы часы для съ-

мок сменить – там, на циферблате, арабские цифры – вдруг случайно в кадр попадут, – а в те времена римские в ходу были.

– Римские? – задумчиво переспросил Валентин. – Даже не знаю, у кого такие и есть... Ладно, поищем... Постой! Какие, на хрен, часы?!

Саша довольно хохотнул:

– Да шучу, шучу я!

Прожекторы, с разрешения местного префекта – или как он там назывался? – поставили на самой конечности мыса – как раз для ночной съемки. Закат закатом, а и после него режиссер решил снимать, чтоб два раза «пиратские» ладьи на буксире в море не вытаскивать, буксир, он тоже немаленьких денег стоил. Как и префект.

Грохоча мотором, буксир как раз сейчас разворачивался, зацепив тросом сразу две ладьи – цугом, одна за другою. Вот здесь вот, сразу напротив мыса, и должно было развернуться действие. Оранжево-красный, пурпурный даже, закат, золотисто-алая дорожка на волнах, черные тени скал, затяжной поцелуй на фоне все этой благодати – вот уж против этого Александр ничего не имел, в главной роли была, естественно, Леночка. Хотя... что он с ней, не нацеловался, что ли?

Одну камеру тоже установили на скале, рядом с прожекторами, другую – для крупных планов – в пиратской ладье, третью – на всякий пожарный – в моторной лодке, где уже распорядился мелкий, как бес, ассистент режиссера, махал руками, ругался да орал в микрофон на гребцов и команду буксира:

– Потравливай, потравливай, кому говорю! Да потравливайте же! Да кто так потравливает?

А на горизонте, между прочим, уже появились тучки... маленькие такие, полупрозрачные, синие... Никто на них и внимания не обратил, кроме капитана буксира. Тот живенько развернул свое суденышко и что-то закричал в рацию...

– Чего? – недовольно обернулся сидевший в ладье оператор. – Чего он там хочет-то?

Саша прислушался к доносившемуся из портативной рации хрипу:

– Ругается... Говорит – скоро ветер усилится, а ночью шторм будет – он в таких делах понимает.

Резко качнувшись, ударилась о борт ладьи моторная лодка с режиссером, Саньчем.

– Шторм? Ночью? – Саньч пригладил растрепавшиеся от ветра волосы, коими тщетно пытался прикрыть явно просвечивающую на голове плешь, что получалось плохо. – Ну, так до ночи успеем. Все, хватит болтать! Поехали. Мотор! Хлопушка! Я сказал – хлопушка, мать вашу! Саша, Леночка – к бушприту... целуйтесь!

На съемку поцелуя ухлопали часа полтора – то режиссеру не нравилось небо, казалось не слишком романтическим, то оператора не устраивал свет, то звезда Леночка капризничала – видите ли, замерзла.

– Замерзла? Так дайте ей коньяку, черт с ней! – матерился в мобильник Саньч. – Только смотрите, немного... Что?! Дайте, сказал, пару глотков!

Леночка враз охлобыстала полбутылки, остальное допил Сашок на пару с оператором – ив самом деле, было от чего замерзнуть: солнышко уже скрылось, внезапно задул ветер, злой и неожиданно холодный, прямо-таки пронизывающий насквозь. Или это так просто казалось?

А режиссер, между прочим, радовался!

– Здорово! Черт побери, здорово! Эти волны... скалы... какая фактура... ах! Снимаем! Снимаем немедленно!

И снова Александр и Леночка целовались – теперь уже на фоне аспидно-черных, взметающихся почти к самому небу волн!

Ну, конечно же, к самому небу волны не взметались, просто оператор умел так снимать, однако все же волнение было довольно большим... да еще и ветер...

Черт!!! А ведь у скалы-то – камни!

Оторвавшись от жарких губ кинозвезды, Саша явственно увидел в свете прожекторов яростные буруны в окружении грязной желтовато-белой пены. Камни! Ну, ясно – камни, Александр понимал это, как никто другой. То-то буксир побыстрее убрался!

Между прочим, именно туда – на камни – и сносило сейчас обе ладьи.

– Надо уходить! – свесившись через борт, Саша закричал режиссеру. – Саныч! Сворачивай нафиг съемку. Там камни! Камни!

Режиссер оказался понятливым, живо распорядился:

– Ребята, шабаш!

Закрутил головой:

– Где же этот чертов буксир?

– Так сам же ты его и отпустил, Саныч!

– Да... отпустил... И что теперь?

– А ничего! – Александр уже едва перекрикивал угрожающе свистевший в снастях ветер.

– Вы ту ладью в бухту тяните... а я тут один, отойду за мыс...

– Куда? Какая мышь?

– За мыс, говорю! Там можно пройти, потом с подветренной стороны подойду, причалить... Только слышь, Саныч, ты туда людей пошли, чтоб помогли, приняли швартовы.

– Что?! Ага... Понял! – режиссер понятно закивал, помогая перебраться в моторную лодку Леночке, вовсе не выглядевшей испуганной. Ну, конечно, после полбутыля коньяка на пустой-то желудок.

За Леночкой последовали оператор и двое актеров второго плана, изображавшие... а черт их знает, кого они там, по фильму, изображали?

И едва только последний успел спуститься в лодку, как налетела такая волница, что всем мало не показалось! Огромная, черная, с блестящей от света прожекторов и луны спиной, она подкралась незаметно, как хищник подкрадывается к своей жертве, ударила, стараясь перевернуть... ну, хоть что-нибудь... Не вышло! Саша уже успел закрепить кормовое весло и теперь потянул на себя шкот, ставя ладью по ветру.

– Справишься?! – забыв про рупор, громко закричал режиссер.

Александр поднял вверх большой палец и улыбнулся:

– Конечно! Что тут справляться-то? Я же все-таки моряк.

И, помахав всем рукой, половчее перехватил шкот... Ладья оказалась отличной, еще бы – обычная, лишь слегка закамуфлированная, местная рыбацья лодка – по ветру шла неожиданно хорошо, ходко, без особого труда Александр обогнул мыс, а дальше уж было совсем просто...

Да! Только не врезаться в случайно оказавшийся прямо по курсу корабль... Судя по сферической антенне – красивое научно-исследовательское судно... А! Те самые турки, что выпили в «Монопри» все вино!

Проходя мимо корабля почти что вплотную, Саша помахал рукой – дескать, все в порядке, обойдусь и без вашей помощи...

И вдруг что-то произошло!

Молодой человек явственно ощутил это... словно бы утлое суденышко вдруг провалилось в какую-то невообразимо глубокую яму... в какую-то прогалину между волнами... волнищами, высотой... с пятиэтажный дом! Черными, литыми, страшными!

И луна прямо над головой вдруг вспыхнула яркой зеленью... нет, это с корабля пустили луч... прожектор... Господи, почему он зеленый-то? И почему... почему так сдавило виски?

На какой-то момент отважный моряк вдруг потерял сознание, а когда очнулся – странного корабля уже не было, да и волны стали поменьше, но ветер все так же свистел...

Сменив галс, Александр направил лодку к берегу... там уже как раз разложили костры, успели... Молодец Саныч, не подвел, распорядился – а то плохо бы пришлось в темноте. Там, конечно, галечный пляж, но все-таки...

Вот между теми двумя костерками как раз и приткнуться...

Подгоняемая ветром ладья чутко слушалась паруса... до берега оставалось совсем немного, вот еще чуть-чуть, и...

Черт!!!

Что за хрень? Откуда здесь этот огромный камень?!!! И ведь костры... они же как раз там, словно бы специально...

Ну и что делать?

А выход теперь один – прыгать, и черт с ней, с ладьей, пусть уж потом Саныч сам разбирается...

– Придурки-и-и-и!!!

Ухватившись за шкот, молодой человек выпрыгнул из обреченной ладьи и, сбитый налетевшей волной, треснулся головой о камень.

Глава 5. Придурки

*Беглец злосчастливый
незванным гостем
вошел под своды...*

«Беовульф»

Ну, это точно были придурки! Нет, в самом деле! Едва только Саша очнулся – а он вряд ли провалялся в отключке больше пяти минут, – как неведомо откуда набежали какие-то полуголые люди, в большинстве своем молодые мужчины, полуголые, с ярко горящими факелами, у многих в руках были ножи и какие-то короткие палки... Копья? Здесь тоже кино снимают? Нет... какие там копья, скорей – остроги. Рыбаки... Так какого же черта...

Какая-то кошмарная – из фильмов ужасов – рожа склонилась над лежащим парнем. Александр попытался подняться... его тут же сбили с ног, схватили, поволокли куда-то по пляжу.

Ясно! Приняли за ночного вора! Дескать, плавал себе потихонечку, проверял чужие сети. В полицию, небось, тащат, сволочи.

– Эй, эй, месье! Я не вор! Я – артист, мы тут кино снимаем! – молодой человек лихо радочно вспоминал французские слова... Кто-то с неожиданной яростью пнул его под ребра, что-то злобно бросив.

Заткнись! – понятно было и без перевода.

Черт... как трещит голова... прямо раскалывается. И какая-то слабость во всем теле, а перед глазами какие-то круги... зеленые... как луна.

Куда они его тащат? И где, черт побери, город?

Александр попытался осмотреться – насколько позволяли возможности, – но ничего толком не увидел, кроме размахивающих факелами оборванцев, кроме отражающейся в море луны, кроме загадочной темноты ночи, полной сияющих звезд.

Ага... вот, кажется, пришли... Какая-то деревня. Глинобитный забор, хижины... непонятного назначения строения, низенькие, с плоскими крышами... сараи, что ли?

Пленника затащили во двор, осветили факелами. Из дома вышел какой-то важный толстяк в длинной хламиде и с бородой, все набившиеся во двор придурки принялись ему кланяться и – по очереди – что-то говорить. Лепетали быстро-быстро, языка Саша не понял, но это точно был не французский и не английский, не арабский даже. Берберы? Люди пустыни? Явились в город промышлять? Что, вот так нагло? Под носом у полиции? Или – полиция в доле?

Все эти мысли табунами коней пронесли в голове Александра, еще не оправившейся от полученного удара. Толстяк подошел ближе. Выкрутив руки, пленника поставили на колени прямо в теплую пыль, кто-то схватил его за волосы, вздернув голову, так, чтоб толстомясы́й бородач мог видеть лицо.

– Я – иностранец! Ай эм форинэ, же суи этранже! – на всех языках выкрикнул каскадер.
– Я – русский! Рашен. Рюс! Гражданин России!

Никакого эффекта. Лишь толстяк внимательно смотрел на висящую на Сашкиной шее цепь. Ту самую, реквизитную, из позолоченной меди.

– Ишшь!!! – рванув с шеи цепь – хорошо, поддалась! – злобно прошипел толстомясы́й.
– Аурум! Ишшь!

Все вокруг почтительно молчали. Потрескивали факелы, и полная луна висела над головой тусклой перезрелой грушей.

Как видно, что-то заподозрив, толстяк подкинул цепь на руке и, попробовав не зуб, с презрением сплюнул:

– Купрум? Хо? Купрум!

Ну да, медь, не золото, что ты хотел-то? Александр же не браток какой-нибудь, на всю голову отмороженный, а можно сказать – артист!

– Купрум!!! Ишшь!!!

Недовольно оскалившись, толстомясый хлестнул по лицу пленника цепью... Александр рванулся, и, выдернув руку из чьих то цепких лапищ, хлестанул обидчику в морду!

– На, гад! Получи, беспредельщик чертов!

И тут понеслось!

Воспользовавшись внезапно возникшим замешательством, пленник отнюдь не терял времени даром – вырвавшись окончательно, ударил с ноги одного, другого... перепрыгнул через упавшее наземь тело, нагнулся, подхватив выпавший у кого-то из руку факел – махнул перед чьей-то оскаленной рожей:

– Ну? Давай, подходи, кто смелый!

Странно, но смельчаки здесь нашлись, и даже в большом количестве! Они кинулись на Сашу, словно крысы, с разных сторон, молодой человек ударил одного, второго... факел выкинул – ну, в самом-то деле, не жечь же им живых-то людей!

А те не стеснялись – в ход уже пошли палки и камни, одна увесистая каменюка угодила пленнику в грудь... черт...

Александр упал и почувствовал, как в грудь уперлось что-то острое... острога, что ли? Да, похоже на гарпун... Неужели убьют, сволочи?

Нет, все же не решились.

Тот самый толстяк – ага, скула-то опухла, погоди, старая сволочь, что-то еще с нею утром будет! – снова подошел ближе, опустил на корточки... и неожиданно ослабил, казалось, и вовсе без всякой злобы. Просто потрогал мускулы на руке Саши и снова прошипел:

– Ишшь! Ишшь!

Покивал, ухмыльнулся и, махнув рукой, отправился в дом.

А пленника тут же связали, рывком вздернули на ноги и, проволочив по двору, впихнули в сарай. Дверь позади со скрипом закрылась.

– Ну, вот, – упав на глинобитный пол, с некоторым оттенком удовлетворенности прошептал Александр. – Наконец-то хоть какая-то определенность. Можно полежать, отдохнуть, подумать. Эй! Есть здесь кто живой?

Он повторил вопрос на двух языках – французском и английском. Кажется, в дальнем углу кто-то зашевелился... Ну да, так и есть! Вот уже и спросили:

– Асдинг? Силинг? Ромей?

– Русский я, Сашкой звать. Александр – можно. А ты-то кто будешь, брат? И кто эти сволочи? Ну, нароют они на свой хребет, псины!

– Германикус эго сум... эго сум германикус, номес – Ингульф.

– Ингульф? Красивое имя. Ингульф Германикус... почти по латыни.

– Латинус – нон! Германикус сум!

Голос казался подростковым, звонким, только каким-то усталым. Да уж, станешь тут усталым.

– Ингульф эго сум... Ки эс ту?

Гляди-ка, по-испански он говорит, что ли? Очень походе на французский.

– Ки э тю? – кто ты?

– Я Александр... Же суи Александр... Рюс. Рашен.

– Александер Рюс... Карфагенъенсис?

– Говорю тебе – русский я. А ты, значит, испанец... эспаньол?

– Ингульф. Ингульф эго сум.

– Да понятно, что Ингульф, понятно. Ты как здесь оказался, парень? Тоже эти сволочуги схватили?

Дальнейшая беседа, однако, не заладилась – мало было понятных для общения слов, да и голова у Саши гудела, словно церковный колокол в какой-нибудь престольный праздник. Плюс ко всему – темно. И – вопрос – стоит ли еще этому соседу доверять? Может, он-то как раз и есть – вор. Может, его-то и за дело схватили. Да и вообще – утро вечера мудренее.

– Ну, Ингульф, не знаю, как ты, а я пока спать... Судя по голосам – нас во дворе караулят, да и стены тут вроде бы без щелей. Ладно, завтра посмотрим, поглядим – что к чему?

Он готовил куша. Так называлось это, вне всяких сомнений, одно из самых изысканных блюд тунисской кухни. Готовилось оно очень непросто, – но то было Александру только в радость, именно от этой изысканной сложности он и получал наслаждение – как в процессе готовки, так и потом – при, так сказать, поедании – не один, конечно же, а в компании красивой девушки или – черт с ними! – друзей.

Взяв нежную лопатку специально выбранного на местном рынке ягненка, Саша тщательно натер ее оливковым маслом, смешанным с солью, розмарином, мятой и кайенским перцем, положил все в глиняный казан и, плотно закрыв крышкой, поставил на медленный огонь. Теперь осталось приготовить хариссу – для этого понадобится жгучий перец-чили, тмин, чеснок, кориандр... если еще осталась и мята, то можно и ее пустить в дело – в оливковое масло – тщательно все перемешать, пока не получится этакая густая паста, вот ее-то потом и добавить в кускус – гарнир из пшеницы или варенной на пару манки.

Ну вот, пока возился с приправами, кажется, подоспело и основное блюдо! Вытерев руки о фартук, Александр приоткрыл крышку... понюхал, смежив от удовольствия веки...

Пахло каким-то дерьмом!

Выругавшись, молодой человек открыл глаза... Откуда-то сверху, из узенькой щели в двери, в сарай, где он все так и валялся связанным, проникал тусклый дневной свет. Голова трещала, прямо раскалывалась, саднила грудь...

– Ммм... – застонав, Саша попытался сесть... С третьей попытки – получилось, прислонился к глинобитной стенке спиной, осмотрелся: в углу, прижав коленки к груди, спал какой-то парень... ну да – вчерашний собеседник. Боже, какой же он грязный! И одет... соответствующе – какие-то узкие, оборванные – до грязных исцарапанных коленок – штаны, похоже, что их козлиной шкуры, точно такая же грязная жилетка, надетая прямо на голове тело, никакой обуви – босиком. Волосы длинные, спутанные, непонятно какого цвета... Клошар, настоящий клошар, бродяга!

Однако черты лица явно европейские – это было видно даже при таком тусклом свете. Совсем еще молодой парень... подросток... лет, может, пятнадцать, или где-то около. Да-а... такой явно мог украсть что-нибудь, под это дело наверняка замели и его, Александра, хотя он-то тут не при делах – Бог свидетель.

Застонав во сне, парень перевернулся на другой бок, спиной к Саше. Руки у юного клошара вовсе не были связаны, а вот запястья каскадера туго стягивали веревки... или какие-то кожаные ремни. Ну, конечно... после вчерашней-то драки!

Снаружи быстро светлело, вот уже послышались чьи-то голоса, ругань... потом, кажется, кто-то кого-то побил...

Кое-как поднявшись на ноги, Александр внимательно осмотрел дверь, довольно-таки массивную, такую с ноги не выбьешь, особенно если и засов снаружи так же хорош. Да, наверное, засов здесь хороший, стали бы они использовать плохой засов? Если б так – то этот парнишка-клошар давно сбежал бы...

Черт... жалко, щель высоко, под самым косяком – не рассмотреть, что там во дворе делается, остается только слушать. Саша приложил к теплой доске ухо – все то же: ругань, крики,

ага – смех! Довольный такой, можно даже сказать – залиvistый. Девичий или детский. Похоже, не все так грустно, товарищи!

Молодой человек обернулся – показалось, будто тот парень, в углу, снова зашевелился... Нет, спит... Разбудить? А зачем? Ну, можно попросить его развязать руки... у него-то они не связаны!

Саша подошел ближе, наклонился... Глинобитная стена над спящим была вся испещрена различного рода похабными рисунками и надписями, в большинстве своем – непонятными, скорее всего арабскими... хотя, нет, вот тут, кажется, по-французски – «Ж, этэ иси – я был здесь – Луи Боттака. Нигерия». Нигериец... Ну, ясно – наверняка тоже ворюга, в хорошую же компанию он, Александр Иваныч, попал! Надо бы поменьше якшаться с этим соседом, не дай Бог, примут за сообщника, ведь теперь, конечно же, обоих потянут в полицию, или, на худой конец, к старосте отведут, или кто тут у них в деревне за главного? Нет, скорее всего – без полиции уж точно не обойдутся. И это – хорошо, тунисские полицейские – хоть тот же давешний инспектор – произвели на Сашу приятное впечатление – все, как один, вежливые, все говорят по-французски... ну, по-французски в Тунисе вообще все говорят, а вот что касается вежливости... то это, может, они с туристами такие вежливые, а с обычными-то местными ворюгами у-у-у... Показания выбивают, не хуже чем в России-матушке, а может быть даже еще и лучше.

Александр пожалел уже о том, что вчера распустил кулаки. Хотя, с другой стороны – а как было не распустить? Сами же, козлики, и спровоцировали. И все же, все же, уж теперь-то надо бы вести себя осторожнее – с официальными лицами, упаси боже, не собачиться, упирать на то, что он – Александр Иванович Петров – добропорядочный иностранец, так сказать – гость.

Вообще-то интересно, где он сейчас находится? Суденышко уж никак не могло отнести далеко, ну, не в Бизерту же! И сама столица – город Тунис, и пригород ее, Карфаген – где-то совсем рядом, километрах, может, в пяти – десяти. Цивилизация! Поскорей только встретиться бы с официальными лицами... попросить позвонить... нет, даже пусть сами позвонят... а с этим вонючим пацаном – ни в коем случае не общаться, не дай бог, снаружи разговоры услышат, скажут – уж точно, сообщнички! Поди, потом, доказывай, что ты не верблюд.

Неприятно покосившись на спящего, Александр уселся на корточки у двери, ожидая... чего – было пока не очень понятно. Хотя нет – ну ведь хоть кто-то да должен же был прийти!

Снаружи кто-то утробно закричал – ишак, что ли? – и спящий в углу оборванец, наконец, проснулся, уселся, скрестив ноги и, смачно зевнув, сказал:

– Сальве!

– Бонжур, – ухмыльнулся Саша. – Эт ву дорми бьен?

– Бене? – хлопнув ресницами, удивленно переспросил пацан. – Нон бене, нон!

Каскадер лишь рукой махнул:

– Да не знаю я твоего дурацкого языка, парень! – и, спохватившись, добавил: – Лучше давай помолчим.

Оборванец, видно, не понял – все пытался заговорить, даже подошел, дотронулся до руки Александра, до веревок... или ремней... нет, скорее, все же это были ремни. Предлагает развязать? Ну, нет уж – тогда точно решат, что они оба – сообщники.

– Не надо меня развязывать! Нон, нихт, ноу!

В этот момент за спиной у молодого человека скрипнул засов, дверь распахнулась... и обоих узников бесцеремонно вытолкнули во двор. Жмурясь от солнечного света, белого и неудержимо яркого, Александр попытался построить в уме французскую фразу – «Пожалуйста, позовите российского консула», – но сделать этого ему не дали, с силой пнул в бок. Потом, приставив к груди острогу, развязали руки... даже позволили оправиться, и уже больше не связывали, наоборот, взвалили на плечи какой-то тяжелый мешок – тащи!

Каскадер счел за лучшее не спорить – пожалуй, не следовало нарываться на неприятности. Такой же мешок получил и его грязноногий спутник, для парня ноша оказалась явно не по плечам, выхода со двора он споткнулся, упал... и шедший позади громила с кулаками, размером с капустный качан, выхватив из-за пояса плетень, несколько раз с силой ударил несчастного. Бил умело, с оттягом... Александр поспешно отвернулся – не его это дело. Может, за дело били этого гавроша, может, у них, в этой деревне, именно так и принято...

Закусив губу, парнишка вскочил на ноги, взвалил на плечи мешок и, пошатываясь, зашагал к морю. Да-да, именно туда они сейчас и шли – узники с мешками, верзила с кнутом, двое парней с острогами и тот самый важный толстяк, которому вчера вечером Саша от души смазал по морде. А и поделом!

Толстячина, похоже, зла не держал, наоборот, поглядывая на пленника, улыбался, время от времени даже пробовал на ощупь мускулы и довольно приговаривал:

– Ишшь!

И что он шипит, как змея? Неужели никакого нормального языка не знает? Ладно английский, но уж французский-то – должен.

Глаза постепенно привыкали к яркому солнечному свету, и Александр исподволь осматривался, надеясь увидеть невдалеке какой-нибудь псевдонебоскреб или жилой квартал, да на худой конец римские развалины. Впрочем, развалины-то как раз и были... но не совсем развалины. Даже – совсем не развалины! Охрентельных размеров амфитеатр белел мрамором в паре километров от узкой, спускающейся к морю тропинки! А ведь здорово отреставрировали, сволочи, прямо зависть берет – вот бы у нас в России так, и почаще!

Оставшаяся позади деревенька – скопище самых убогих хижин! – не шла ни в какое сравнение с... гм-гм... памятником древнеримской архитектуры, мало того, низенькие глинобитные строения словно бы прятались за деревьями и густыми кустами.

– Ишь! Ишь! – оглядываясь, шипел толстомясый.

Одет он был как-то странно – в длинную ярко-зеленую тунику, тюрбан и сандалии. На остальных же парнях не было ничего, кроме длинных набедренных повязок, их смуглые до черноты тела, похоже, давно уже привыкли к яркому жгучему солнцу. Ну, еще б не привыкнуть, они ж местные. А с одежкой у парняг, судя по всему, была напрягуха – пара молодых людей, закинув на плечи свои гарпуны, пару раз уже пробовали пальцами тунику Александра и вполголоса переругивались. Делили, что ли? И на кой черт им эта грязная тряпица?

Наконец, один из парняг не выдержал, забежав вперед, поклонился толстому и что-то угодливо сказал, показывая на Сашу.

Толстяк задумался, почесал бороду... кивнул.

Радостный парняга с воплем подбросил высоко вверх острогу, ловко ее поймал и, как только процессия подошла к лодкам, вприпрыжку подскочил к Александру, делая недвусмысленные знаки – скидавай, мол, рубашечку, поносил – хватит, дай и другим поносить.

– Да бери, жалко, что ли! – стащив через голову тунику – рваную и грязную – каскадер швырнул ее парню, и тот живенько надел ее на себя и важно приосанился. Двое его напарников – такой же тощий, с острогой, и здоровенная оглоедина с кнутом – восхищенно зацокали. Оглоедина даже хлопнул новоявленного модника по плечу – мол, классный прикид, чего уж!

Вообще-то, не очень-то это было характерно для относительно процветающего Туниса – такие вот выходки! Нет, если б рваную одежду отняли где-нибудь в Буркина-Фасо или Руанде – то нет вопросов, удивления бы это никакого не вызвало, но здесь... Все же как-то странно.

Положив мешки в большую, привязанную к черному камню лодку, конвоиры уселись туда же, пленникам же велели лечь на дно. В воду... ну, по такой жаре это было даже приятно.

Кстати, шагах в двухстах от местной пристани, на камнях, Александр заметил остатки своей ладейки... именно остатки – не было уже ни мачты, ни весел. Да и обшивки в большинстве своем – не было. Что тут сказать? Молодцы, ребята – управились быстро. Впрочем, черт с

ней с ладьей, не особенно-то Саша по ее поводу и расстраивался – это пускай уж потом киностудия с местными судится, его-то какие проблемы? То-то, что никаких.

Оглоед сноровисто поднял парус, кто-то из парней оттолкнулся веслом – поплыли. Погодка стояла прекрасная – дул легонький ветерок, мягко покачивая на волнах лодку. Брошенные у кормы мешки оказались у самых ног толстяка, тот жмурился от солнца, словно обожравшийся халявной сметаной кот, и время от времени, зачерпывая ладонью воду, лил ее себе на потную шею.

Плыли хорошо, ходко, оглоед управлялся с парусом довольно умело... как, впрочем, и с плетью – по пути доходяга гаврош несколько раз ронял пресловутый мешок – соответственно, за это и получал на орехи, довольно стойко, словно само собой разумеется, перенося все удары. Даже не пикнул, хотя здоровяк бил от души – Александр краем глаза это видел, хотел даже вмешаться, но... В конце концов – кто ему этот косматый ворюга? Может, он уже такого успел натворить, что его и убить мало. А что? Подростки – они уж по жизни такие, на всякую гнусную пакость более чем способные!

Судя по тени от паруса, лодка, выйдя в открытое море, резко свернула... потом – еще раз, и все так же круто. Огибали мыс, и Саша невольно залюбовался, как ловко менял галс оглоедина. Профессионал – видно сразу. Низко сидящая в воде посуда не только не черпанула бортом волну – а ведь вполне могла бы, – но даже и брызг подняла очень мало. На шверботных гонках этот склонный к легкому садизму здоровяк наверняка отхватил бы приз.

Минут через двадцать, после того как свернули, парус был снят, и парни, побросав свои остроги, схватились за весла. Сверху над лодкою нависали высоченные мачты, почему-то казавшиеся аспидно-черными на светло-голубом фоне неба. Послышались чьи-то громкие голоса, резко запахло свежельвленной рыбой, тающей на жарком солнце смолой, еще какой-то хренью...

Вот, наконец, суденышко со стуком ткнулось бортом в причал. Понукаемые гарпунами и плетью, пленники выбрались на горячие от солнышка камни, черные, с белыми солеными проплешинами испарившихся волн. Саша поудобнее примостил на правом плече мешок... и ахнул, едва только поднял голову.

Ослепительно-белый город выростал, казалось, прямо из моря! Город из волшебной сказки. Белые, с красными крышами, дома, утопающие в густой зелени садов, беломраморные храмы с портиками, серовато-желтые зубчатые стены. Город-крепость! Боже, ну и красотища...

Получив чувствительный тычок в спину тупым концом гарпуна, Александр и вовсе не обратил на него внимания – когда тут такое! Горячие мраморные плиты мощеной площади нещадно припекали пятки – Саша был босиком, его ботфорты давно уже прихватизировали «гостеприимные» деревенские жители.

Вокруг растекалась разноязыкая, пестро одетая толпа, такая, какой и следовало быть в любом восточном городе, высокие крыши портиков отбрасывали благодатную тень, по краям улиц горделиво возвышались прекрасные статуи, изваянные в классическом римском и греческом стиле. Часть пьедесталов почему-то пустовала, кое-где виднелись остатки беломраморных женских ножек... А остальная часть где? Туристы, что ли, разобрали на сувениры? Да-да, именно – это какой-то туристский центр, даже автомобильное движение запрещено – ни одной машины Александр так пока и не видел. И скутеров не было, даже велосипедистов – и тех. Сплошная пешеходная зона!

А вот, прямо впереди, на овальной небольшой площади, высокое, песочного цвета, здание. Отель? Полицейский участок? Хорошо бы...

И вся эта красота – в нескольких десятках миль от Туниса!

Вообще-то, этот город казался немного странным, хотя странным, в глазах европейцев, и пристало быть всем восточным – а уж тем более африканским – городам. Крепость, храмы,

широкая центральная магистраль и узкие, тенистые улочки – в этом-то не было ничего такого необычного, как и в шумящей, словно морской прибой, толпе. Нет... все же, и толпа казалась странной... и дома... Почему?

Поспешая следом за толстяком, Саша поспешно анализировал, выбирая удобный момент для того, чтобы сбросить нахрен мешок, да сигануть, бежать... А надо ли? Ведь, уж действительно, лучше подождать полицейского разбирательства. Да и куда бежать-то? В какой стороне столица? Вот, если бы попалась на глаза стоянка такси, тогда бы... Такси, хм... Молодой человек усмехнулся – у него и денег-то нет! Ни динара. Уж придется пешком... Нет! В полиции надо попросить разрешения позвонить. Сначала в консульство, а потом – в пансион, чтоб наши не волновались, они ж его, небось, ищут. Может, и в полицию уже обратились... да, может... Шутка ли – человек пропал! Да не простой человек – турист! Иностранец! А туризм для Туниса – золотая жила. Так что, в случае чего, толстяку и всем этим деревенщинам мало не покажется. Скорей бы только отыскать полицейский участок... Или – полицейский – вот, что-то не мелькала в толпе круглая фуражка ажана!

И вот еще... вот еще... Александр, наконец, уяснил для себя всю странность – среди людей, в толпе, он никак не мог отметить туристов. Ни цветных бермудов, ни белых шорт, на соломенных шляп, ни темных противосолнечных очков – ничего этого не было! Вот уж, действительно, странно. Для кого тогда пешеходная зона? Для местных? Не смешите мои шнурки... кстати, шнурков-то нет... как и обуви. Так что это еще вопрос – кто кому должен?!

Где же, черт побери, полиция? Где вывеска... вывески... А вывесок-то и нет! И в этом была вторая странность. Нет никаких – ни на арабском языке, ни – дублирующих – на французском! И куда же они все делись?

Нет, убежать пока рано, главное сейчас сообразить – куда, собственно, бежать-то?

Ага... вот, кажется, пришли куда-то.

Какое-то длинное приземистое строение, сложенное из серовато-желтых камней, тянулось на полсотни шагов вглубь застроенного небольшими домишками квартала, явно бедняцкого, почти без всякой зелени и словно бы припорошенного желтоватой песчаной пылью. Рядом, на узкой и грязной улочке, располагались какие-то лавки, в которых торговали посудой, лепешками, оливковым маслом и всяким таким прочим, у одной из лавок и сгрузили мешки, после чего вся процессия направилась как раз к тому длинному зданию. Подошли... Толстяк постучал в ворота. Кто-то что-то спросил – не из-за ворот, из маленькой, расположенной тут же, пристройки. Толстяк ответил. Постоял немного. Вошел... Вышел он минут через пять, не сказать, чтоб особо довольный, но и не безрадостный, следом за ним из пристройки показались двое молодых людей, выглядевших, как типичные, сбежавшие из психушки придурки: в куцах – до середины бедер – балахонах, в смешных сандалиях с высокой оплеткой, в круглых кожаных шапочках. У каждого на поясе висел угрожающе длинный кинжал в потертых ножнах. Немного потоптавшись у самых ворот, парни, поднатужившись, отодвинули засов и, обернувшись, призывно махнули рукой.

– Ишшь! – злобно вылупившись на пленников, толстяк подтолкнул обоих к воротам.

– Эй, эй, – запротестовал было Саша. – Мы так не договаривались!

И снова два гарпуна уткнулись ему в грудь. И что тут было поделывать? Приходилось подчиниться... пока...

– Что ж, – молодой человек демонстративно пожал плечами. – Надеюсь, хоть в этом сарае найдутся более-менее приличные люди, с которыми хотя бы поговорить можно было!

И правда, надоело уже, когда никто вокруг нормальной речи не понимает!

Они вошли оба, один за другим – Александр и его юный спутник, точнее сказать – сотоварищ по несчастью. Ингульф... так его звали.

Массивные ворота за спиной бесшумно закрылись, видать, петли оказались хорошо смазанными, а засов – тот да, заскрипел. С полминуты поморгав, Саша дождался, пока глаза привыкнут к полумраку, после чего осмотрелся и громко спросил:

– Спик англиш? Парле ву франсе?

А так никто и не откликнулся! Да и народишко тут собрался – упаси, господи! Почему-то одни мужчины, причем самого разного возраста, от совсем еще небольших, лет десяти-двенадцати – детей до почтенных седобородых старцев. Причем все, как на подбор – тощие, и полуголые... а некоторые – так и совсем без одежды.

А грязь-то кругом! А вонь!

Это что же – местная каталажка, что ли? Похоже, что так. Ну, сволочи, погодите, вот явится хоть кто-нибудь из администрации...

Из дальнего угла вперед, к воротам, где растерянно застыли вновь прибывшие, неожиданно выступил полуголый коренастый мужик в цветастом фартуке... или что у него там было вместо штанов. До чрезвычайности смуглый, но явно не негроид, скорее какой-нибудь бербер, кривоногий, с широкой, густо заросшей черным курчавым волосом грудью и плоским, похожим на блин, лицом, очень неприятным, с ярко выделяющимися скулами и длинным изогнутым носом, он улыбался... нет, скорей – ухмылялся, показывая крепкие желтые зубы, и ухмылка эта почему-то жутко не понравилась Александру.

– Ну, чего лыбишься-то? – угрюмо спросил молодой человек. – Слышь, мужик, ты вообще кто?

Саша не был достоин и взгляда... ну, разве ж только так, мельком. Зато его юный спутник... Коренастый обнял его, как родного брата, погладил по плечам, поцеловал, зашептал что-то...

Ингульф резко оттолкнул навязчивого мужика, так, что тот едва не упал... Нет, не упал, удержался-таки на ногах – и тотчас же на плоском лице его заиграла гнусная ухмылка.

– Хэк!!! – подскочив к юноше ближе, коренастый ударил себя в грудь кулаком и гордо обернулся, обводя глазами собранную в узилище шушеру. Большинство помалкивало, но нашлись и такие, что поддержали коренастого одобрительными выкриками. А тот явно вызывал Ингульфа на драку!

Парень это тоже сразу же сообразил и праздновать труса не стал – живо сбросил мохнатую свою жилетку на пол – ее тут же кто-то втихаря и подобрал, так, что потом и не нашли, – и, выставив вперед правую ногу, издал зычный клич, чем-то похожий на тот, что совсем еще недавно орал на носу бутафорской ладьи и сам Александр в роли вождя вандалов Гейзериха.

– Водан! Донар! Тор!

Вот что-то типа подобное...

На спине у Ингульфа Саша заметил татуировку – большая такая, почти во всю спину, змея, свернувшаяся изумрудно-зелеными кольцами. Да уж...

– Герулл!!! – пригнувшись, злобно ощерился коренастый.

Он закружил, цепко ступая босыми ногами по утоптанному песку пола, прищурился и, вытянув вперед руки, зашевелил пальцами, словно бы намеревался вцепиться противнику в горло, и теперь лишь выбирал удобный момент. И вот... гад! прыгнул!

Однако и юный знакомец Саши тоже оказался не лыком шит! И не таким уж он был доходягой, нет – молодой, крепенький, поджарый, словно волк.

Оп-па! Резко метнувшись в сторону, он поставил коренастому подножку, еще и рукой подтолкнул – плоскорылый так и покатился по полу, едва не в угол. Но тут же вскочил, злобно шипя и сверкая глазами, и, без всякой передышки, снова бросился в бой... Ингульф встретил его в прыжке, ударив обеими ногами в грудь – коренастый завыл и снова покатился по полу. И опять так же быстро вскочил на ноги – ну, прям ванька-встань-ка!

Постоял, примериваясь... бросился, прыгнул... Ингульф махнул кулаком, однако на этот раз удар его не достиг цели – плоскорылый оказался хитрее, вмиг упал в песок, прижался, метнулся вперед хищной тенью... оп! Ухватил замешкавшегося парня за щиколотки, дернул... Ингульф упал на спину, дернулся... безрезультатно! Коренастый уже набросился сверху, сдавил лапищами горло...

– Ну, нет, так не пойдет! – бросившись к дерущимся, Саша коротко, без замаха, ударил плосколицего ладонями по ушам.

Тот завыл, отпустил парня...

– Все, говорю! – сурово произнес Александр. – Брек!

И в тот же момент на него бросилось двое. Один – лысый до блеска, – второй – с колтуном на голове...

– Ах, вы так?

Лысого Саша остановил прямым ударом в челюсть, того, что с колтуном – достал ногой, с ноги же ударил и метнувшегося было на выручку своим коренастого, потом снова обернулся к пришедшему в себя лысому, подпрыгнул, нанес удар рукой в шею.

За десять секунд успокоил троих!

Да уж... не такие уж они оказались бойцы, так, один эпатаж только! Да и драться, по сути, не умели, ясно было видно – ни о боксе, ни о дзюдо, не говоря уже про карате, не имели вообще никакого представления, привыкли брать нахрапом да наглостью. А Сашка драться умел – тот же бокс, карате, дзюдо – всего понемногу.

– Ну? – он сурово взглянул на утирающего хлынувшую из носа кровь коренастого. – Может быть, еще кто-то хочет рыпнуться?

И скосил глаза на тех двух... Господи – ну и доходяги! В чем только душа держится, а туда же – драться. Судя по всему, среди всего этого сброда только коренастый и был способен на более-менее хороший бой, да и то больше так, чисто по-детски, с вращанием глаз, угрозами и размазыванием по сусалу юшки.

– Мххх!!!

Что-то глухо буркнув, коренастый понуро потащился в свой угол. Никто за ним не шел – даже бывшие защитнички, те, наоборот, по-собачьи заглядывали Александру в глаза и несмело улыбались.

– Ну что, друг Ингульф, – Саша посмотрел на подростка. – Похоже, мы тут теперь мазу держим!

Ингульф улыбнулся, что-то сказал по-своему, потом добавил уже более-менее понятно:

– Ту эс виктор!

Ну, ясное дело – победитель!

Это здесь поняли все, правда, большинство восприняло все довольно-таки равнодушно, однако нашлись и такие, что попытались задобрить нового жоака, чем могли. Вот тот же лысый, наверное, стремясь загладить свое нехорошее поведение, подвел к Саше за руку голого мальчика и, похлопав того по заднему месту, цинично осклабился: мол, бери, угощайся, вот я какой человек – ничего для нового господина не жаль!

– Ну, вот только гнусностей не надо, а? – ухмыльнувшись, победитель, насколько мог вежливо, отказался от такого подарка и, махнув рукой приятелю, уселся у ближней к воротам стены, слева.

– Вот тут, дружище, мы пока и будем жить.

Юноша улыбнулся и уселся рядом. Тут же, невдалеке, примостились и лысый, и тот, что с колтуном. Главные здешние доходяги. И все этак посматривали, улыбаясь – мол, не нужно ли чего?

– Вот ведь привязались, гады! Шугануть их, что ли? Ладно, пусть себе сидят. Интересно, долго мы все здесь сидеть будем? Ты не знаешь, Ингульф? Нет? Вот и я не знаю. А вообще,

если долго, то хорошо и поесть бы... или хотя бы попить – во рту уже давно пересохло. Хотя... – Саша поморщился. – Заразу бы тут какую-нибудь не подхватить, вот уж еще не хватало! Тебе-то, Ингульф, хорошо, ты, я смотрю, ко всякой грязи да микробам привычный... а мне как быть? Гепатит тут какой-нибудь подцепить или, упаси, господи, спид – вот уж никак не хотелось бы! Эти еще тут... мальчиков предлагают, черти... Вы хоть на спид их проверяли? Нет? Так я и знал!

Александр пытался шутить, насколько сейчас мог – в принципе, его нынешнее положение, по здравому размышлению, вовсе не представлялось таким уж ужасным: ну, сколько его еще здесь продержат? Ну, день, два... вряд ли больше. А потом явятся полицейские. Или – судейские. Возможно – и те, и другие сразу. И тогда...

Ох, скорей бы отсюда выбраться! Черт... надо тогда еще было бежать, сразу, сбросил бы мешок, нырнул в толпу, уж как-нибудь добрался бы до более цивилизованных мест, с туристами, с полицейскими, с такси... Да, наверное, и надо было бы рвануть... Да вот, понадеялся, что здесь все удачнее выйдет. Ладно... Теперь уж, ежели появится удобный момент, так уж обязательно!

Снаружи вдруг скрипнул засов, ворота открылись, впустив солнечный свет и чистый, пусть даже и довольно жаркий, воздух.

Двое дюжих носильщиков внесли на длинной палке дымящийся чан – похлебку, что ли... Впереди шагали еще двое парней, с острогами... или нет – с короткими копьями! Да-да, именно так, вот до чего дошло уже! Этими самыми копьями они отгоняли бросившуюся было к пище толпу...

Вот, наконец, поставили... Нет, это была вовсе не похлебка. Какие-то овощи... вареная – небольшими кочанами – капуста, брюква, еще что-то подобное... Пахло, между прочим – гнилью, ну, на запах здешние обитатели не обращали никакого внимания, сами-то тоже не благоухали.

Один из парней выпрямился и что-то громко сказал... Узники жалобно и вместе с тем, нетерпеливо уставились на Александра. Ага... теперь, похоже, он был тут главным. Ну да, все как в игре – кто на Питере хозяин? или там – «Царь горы».

Подойдя к чану, молодой человек выбрал брюквину почище, то же самое сделал и Ингульф... ну а затем настала очередь и всех остальных, нетерпеливо переминающихся с ноги на ногу отщепенцев. Коренастый, кстати, подошел к раздаче самым последним... да-а... вот уж поистине – побежденный плачет!

Глава 6. Вилла

*...и сердце война
впервые исполнилось
недобрым предчувствием...*

«Беовульф»

Обеда узники не дождались, да и был бы ли здесь обед? Скорее всего, что нет. Просто вошли какие-то молодые люди с острогами... нет, наверное, все-таки лучше было бы говорить – с копьями, именно так – с короткими копьями, Александр уже этому не удивлялся, и все гадал – что за странный город? На побережье, с римскими достопримечательностями, но почему-то без туристов, без указателей, вывесок. Действительно, в высшей степени странное место.

Не особенно церемонясь, парни с копьями выгнали всех на улицу, под навес, пристроенный с дальней стороны сарая. Там же, рядом, располагалось что-то похожее на древнюю кузницу – какие иногда показывали туристам – все, как положено: меха, горн, наковальня, молоты-кувалды-щипцы – и дюжий, до самых глаз заросший кудлатой бородищей кузнец в кожаном, местами прожженном искрами фартуке. Рядом с наковальней, на широкой скамье, лежали цепи, по мнению Саши, антураж здесь совершенно излишний – ведь туристов-то все равно нигде видно не было. Так, может, придут еще?

При подходе узников, рядом с кузнецом возникли двое амбалов, тут же схвативших первого подвернувшегося под руки мужика – им, кстати, оказался лысый. Схватили, подтащили к наковальне, кузнец махнул молотом... оп! И прямо на глазах у Александра лысого заковали в цепи!

– Э!Э! Вы что творите-то?! Что за глупые шутки?

Острые копыта тут же уперлись в бока, и молодой человек понял – никто тут и не собирался шутить, даже не думал. Все делалось на полном серьезе, взаправду, и даже как-то буднично, словно бы и кузнец этот, и его дюжие помощнички, и охрана занимались насковозь – до рутины – привычным делом.

Сковали и Сашу – и довольно ловко, молодой человек и глазом моргнуть не успел. Заковали и грубо подтолкнули к навесу. Следом за ним тут же оказался Ингульф, парнишка звякнул цепями, неожиданно улыбнулся и ободряюще подмигнул – мол, ничего, бывало и хуже. Ну, бывало, конечно... Но чтоб вот так!

Ага... там, под навесом были и женщины, полуголые, без всяких оков, они испуганно жались к глинобитной стене. Никто ни с кем не разговаривал, все стояли понуро и молча. Александр исподволь осматривался – все те же беленые домики, крепостная стена, море, римский амфитеатр вдали... и небо. Огромное, светло-синее, словно потертые джинсы, небо. Оно тоже было неправильным, это небо, слишком уж чистое – ни силуэта какой-нибудь телефонной вышки вдали, ни небоскребов, ни даже инверсионных самолетных дымков – а ведь они должны быть, аэропорт совсем рядом. Ничего этого не было, и Саша начал уже подумывать, что его отнесло куда-то намного дальше, наверное, ближе к Бизерте... но – суда? Почему в море не видно судов? Нет, не этих рыбацких лодочек с белеющими парусами, а красивых пассажирских лайнеров, прогулочных теплоходов, каких-нибудь грузовозов, танкеров... Нет! Одни лодки!

И шмыгавшие взад-вперед людишки – похоже, здесь где-то рядом, вот, буквально за углом, располагался восточный базар, уж точно – судя по шуму. Людишки несли на плечах какие-то увесистые тюки, такие же тюки были навьючены на небольших осликах, кое-кто толкал перед собой небольшие тележки, груженные... да всем подряд груженные: глиняные горшки и кувшины, сырцовые кирпичи, какие-то тростниковые кипы...

Весь этот довольно шумливый народец одет был традиционно – в длинные развевающиеся хламиды, а кто и вообще – почти голый, лишь чресла прикрывали белые куски ткани. И никаких джинсов, шорт, маек. Наручных часов и мобильных Александр тоже что-то не заметил. Может – это фундаменталисты? Живут своей закрытой общиной под владычеством какого-нибудь муллы и в ус себе не дуют! Что им до прогресса? Однако, с другой стороны, такие вот общины, наверное, больше характерны для Ливии, а уж никак не для европеизированного Туниса, тем более – на кишашем туристами побережье!

Подумав, Саша решил для себя так – громко обратиться по-английски и по-французски к первому же человеку в джинсах, шортах или в майке с рекламой, в общем, к тому, у кого имелся бы хоть какой-то признак цивилизации. Пока молодой человек ничего подобного не видел, хотя внимательно за всеми проходящими наблюдал. А таковых уже столпилось много – именно у самого навеса. Кое-кто даже был в богато расшитых блестящими узорами одеждах, роскошных сандалиях, сверкающих драгоценными камнями, с цепочками, с золотыми браслетами на руках. Некоторых даже принесли слуги в красивых носилках-портшезах... экзотика, мать их за ногу!

Ага! Вот появился какой-то плюгавенький человечек, чем-то похожий на гнома из волшебной сказки (впрочем, тут все напоминало волшебную сказку). С непропорционально большой головой и большими оттопыренными ушами, он казался бы смешным, если б не тонкие, кривившиеся в нехорошей усмешке губы, и не глаза – мутно-карие, презрительно смотрящие, казалось, сквозь людей. Длинная белая накидка с короткими широкими рукавами была гному явно великовата, грязные полы ее волочились по земле.

– Ишшь! – коротко кивнув в ответ на поклон охранников, гном повернулся к любопытным и обвел всех пленников широким жестом – мол, чем богаты, тем и рады!

Толпившиеся у навеса людишки оживились, загалдели, кто-то уже схватил гнома за рукав, указал под навесом на кого-то из женщин... Эта оказалась совсем юная девушка, довольно – но не настолько, как местные – смуглая, однако с длинными рыжеватыми волосами, одетая во что-то напоминающее дырявый картофельный мешок с прорезями для рук и головы.

По знаку гнома – судя по всему, именно он и был сейчас здесь за главного – парни вытащили девчонку из толпы пленников и, ничтоже сумняшеся, сорвали одежду. Девушка не реагировал никак... лишь закрыла глаза.

– Хош, – гном с улыбкой погладил ее по бедру. – Хош!

Подошедший к девушке тип – похотливого вида старик с вздувшимися на узловатых руках венами – деловито осмотрел пленницу, придиричливо, словно новобранца на медосмотре. Безо всяких эмоций потрогал грудь, потом велел девчонке нагнуться, похлопал по ягодицам, заставил попрыгать, расставить ноги – заглянул и в лоно, даже пошарил там рукой.

Ой, до чего ж было мерзко на все это смотреть!

– Хош? – с гнусной ухмылкой осведомился у похотливца гном. И, растопырив пальцы, добавил что-то еще...

Да ведь ее продают, – наконец-то дошло до Саши. Нас всех здесь продают, вот что! И этих несчастных женщин, и коренастого, и Ингульфа и... и его самого тоже! Рынок рабов! Молодой человек слышал, конечно, что в Африке такие есть... и не только в Африке... но чтоб прямо вот так, на побережье? Возмутительная наглость, куда только соответствующие органы смотрят? Такое впечатление, что – туда же, куда и этот мерзкий старик – между ног несчастной пленницы.

Ага! Гном уже показывал четыре пальца... потом – после долгих пререканий – три... Торговались, ясное дело. На трех монетах и сошлись. Кроме девчонки, старый похотливец купил еще трех мальчиков, причем выбрал почище, и заплатил сразу оптом. Гном при этом делал расстроенное лицо – дескать, отрываю от сердца, – но, как только старый черт вместе со своими слугами и «покупками» ушел, принялся обрадованно подсчитывать барыш.

Вообще-то среди женщин по-настоящему красивых не было: пожалуй, только вот эта вот рыженькая девчонка, остальные же – либо старухи, либо совсем еще маленькие девочки. Впрочем, покупатели на них находились, как и на прочих доходяг – расчетливый гном, видимо, счел за лучшее не слишком загибать цены. Правда – это относилось отнюдь не ко всем. Уж, конечно же, многие посматривали на Александра, Ингульфа, коренастого – это явно были бы сильные и выносливые работники... вот хозяин и не хотел продешевить.

Уже ближе к полудню, когда живой товар уже оказался почти наполовину распроданным, гном вдруг со всех ног бросился навстречу некоему важному господину, которого несли в портшезе четверо здоровенных негров. Видать, по здешним меркам это был какой-то богатый и, может быть, даже очень влиятельный в местной общине человек, внешним своим видом походивший на римского рабовладельца-патриция, какими их изображают в учебниках истории Древнего мира. Тучный, осанистый, горбоносый, с тщательно выбритым двойным подбородком и светлыми завитыми волосами, он был одет в несколько – одна поверх другой – просторных туник из явно недешевых разноцветных тканей – лимонно-желтой, изумрудно-голубой, палевой. Самая верхняя туника, небрежно распахнутая, застегивалась на золотые – или просто позолоченные? – пуговицы, ремешки на сандалиях также были позолочены и сверкали на солнце.

– Сальве! – изогнулся в поклоне гном. – Сальве, онестус Нумиций!

– Гай Нумиций Флор! – с восхищением и плохо скрытой завистью прошелестело в толпе.

– Гай Нумиций...

– Сальве, Каймак, – «патриций» лениво махнул рукой, и носильщики, осторожно опустив портшез, помогли хозяину подняться.

Гном тут же подвел к нему Александра, небрежно ухватив за руку. Изогнулся, умильно заглядывая «патрицию» в глаза:

– Хош?

– Милес? – презрительно оттопырив нижнюю губу, тучный толстяк. – Милес германикус? Готус? Вандалус?

Александр только плечами пожал – и при чем тут готы с вандалами? Странный тип.

Не дождавшись ответа – да он его и не ждал, похоже – «патриций», внимательно осматривая рабов, указал пальцем на Ингульфа... и коренастого.

– Милес? Готус?

– Силинг! – юноша гордо выпятил грудь, и толстяк, тут же потрогав его мускулы, довольно улыбнулся.

– Бене, бене... Э? – он перевел взгляд на коренастого...

Тот в ту же секунду бросился на колени:

– Эго... эго нон милес... Эго – Миршак! Нон милес, нон.

– Бене, – внимательно осмотрев всех троих, «патриций» удовлетворенно кивнул и, обернувшись к гному, бросил:

– Окто денериус!

– Бене!!! Бене!!!

– ...пор трез!

Ну, эту фразу Александр тоже понял – восемь денежек за троих. Предложенная цена работорговца, судя по его искривившейся роже, устраивала не ахти.

– Фортес, фортес! – повернувшись, он пощупал Сашины мускулы. – Ах!!! Секс денариус!

Эт катур – пор дуо! – он кивнул на Ингульфа и коренастого... как там его – Миршак?

Ясно, набавляет, сволочь, цену – типа, оптом дешевле.

– Ай эм рашен ситизен! – обратившись к «патрицию», громко произнес Александр. – Же суи ситуаейен рюс!

С таким же успехом мог бы и добавить про «облико морале». Никакого эффекта слова Саши ни на кого не произвели – их просто не поняли. Или – может быть – просто не хотели понимать? Не может быть, что б такой богатый, изображающий из себя римского патриция, тип не владел хотя бы французским – уж этот-то язык в Северной Африке все знают. Хотя... «патриций», похоже, не африканец – явный европеец... или какая-то смесь. Смуглый – да, но глаза светлые... серые, кажется... или светло-голубые. Должен, должен хотя бы французский знать! Притворяется, сука... ладно, посмотрим, что дальше будет, может быть, удастся по дороге бежать. Эх, прояснить бы только – куда? Ладно полицейский участок, хотя бы какой-нибудь отель увидеть, может быть – просто автостраду, шоссе...

Тем временем продавец и покупатель наконец-то пришли к консенсусу. «Патриций», запустив пухлую руку в висевший на поясе кошель, отсчитал несколько блеснувших на солнце монет и, погрозив пальцем только что купленным невольникам – без глупостей, мол – кивнул своим.

Ага... кроме носильщиков, этого косившего под римлянина толстяка – судя по всему, редкостную гниду – сопровождали еще с полдюжины крепких бойцов с дубинками и большими ножами, больше напоминавшими опять же римские мечи – гладисы. Да, и еще позади тащилась запряженная парой волов телега с каким-то чаном... с известкой, что ли?

Носильщики – точнее сказать, их хозяин – не торопились, видать, не хотели выпускать из виду медлительную телегу. Впереди, перед портшезом, настороженно посматривая по сторонам и время от времени расталкивая зазевавшихся прохожих – всякую рвань, – шли двое парней, остальные же шагали сразу за пленниками, перед повозкой.

Александр невольно улыбнулся – ну и процессия! Это видел бы кто... хоть тот же Валентин, или Саныч, Ленка... Негры! Носилки! Патриций! Волы эти, чан... И – во всей, так сказать, красе – Сашка – полуголый, с цепями! Картина – лишь на съемках реальная... и вот почему-то – сейчас.

Пройдя узкими улочками, они вышли на какую-то большую площадь, тоже без всяких реклам и автомобилей – уж за этим Саша тщательно следил, – потом миновали крепостные ворота – натуральные крепостные ворота! – вышли на вымощенную желтоватым кирпичом дорогу шириной метров пять, по ней и пошли.

Дорога вилась меж невысоких холмов, усаженных оливковыми рощами и виноградниками, кое-где, в низинах, на полях колосилась пшеница, на полных сочной травой лугах пасся скот – коровы, козы, овцы. А море! Какое было море! Сине-синее, с разноцветными проплешинами парусов, оно, казалось, нависало над берегом, так, что вот-вот прольется. И – опять же! – никаких современных судов. Да куда ж они все подевались-то? И дорога эта... с позволения сказать – шоссе. Нет, хорошо, конечно, идти, да и ехать было бы удобно, гладко, но... ни дорожной разметки, ни знаков, ни многочисленных предупреждений – «Раппель!» А во-он на том холмике скорость вполне можно было бы и ограничить этак километров до пятидесяти, а то и до сорока.

Черт! А это еще что такое? Какое-то пожарище, пепелище и, судя по пеплу – совсем недавнее.

А чуть впереди, на холме – еще одно! Ни дома, ни сада – одни только закопченные стены. Странные дела, однако. Что же тут, банда поджигателей объявилась? Впрочем, там этим козлам и надо – ишь, взяли моду, людьми торговать. Интерпол на вас натравить – это как минимум!

Они шли, наверное, часа три, а то и больше, пока не оказались у роскошного особняка, раскинувшегося на склоне одного из поросших веселенькой зеленой травкой холмов, хороший был особнячок, двухэтажный, ослепительно-белый, с колоннами и плоской крышей – на крыше тоже имелась балюстрада и тенистый навес. А кроме всего прочего – обширный двор с садом,

целой рощицей с оливковыми и еще какими-то – какими, Саша не знал – деревьями, за которыми виднелся ухоженный виноградник, тянувшийся по всему склону холма вниз, к дороге. Что и говорить, поместье богатое... к нему вся процессия и свернула, шедшие впереди воины перешли на бег, вот застучали в ворота, да их уже заметил стоящий в надвратной башенке часовой.

О, хозяина здесь встречали с помпой!

Из распахнувшихся настежь ворот – крепких, обитых широкими металлическими полонами – выбежало человек двадцать челяди – иначе как было бы их назвать? В коротких белых туниках, кое-кто – в сандалиях, но большинство – босиком. В основном разновозрастные мужчины, от мальчиков до седобородых старцев, однако попадались и девушки... и очень даже ничего девушки – молоденькие, стройные, смуглокожие.

Несмотря на всю непостижимую абсурдность ситуации, Александр неожиданно для себя улыбнулся – девушки ему понравились, особенно после того, как они взглянули на него с явной заинтересованностью и симпатией.

На широких ступеньках особняка, тоже мраморных, как и поддерживающие карниз колонны, «патриция» встречала молодая женщина, на вид лет тридцати, высокая, с аппетитными формами и красивым надменным лицом. Кожа ее казалась вовсе не такой смуглой, как у окружающих, а облегающая тонкий стан туника вовсе не скрывала всех женских прелестей, скорей – их подчеркивала. Рядом с женщиной, слева и справа, стояли чем-то похожие на нее дети, мальчик лет десяти и года на два его младше девочка. Оба светловолосые, светлоглазые...

– Сальве, Нумиций! – женщина обняла сошедшего с носилок «патриция».

Тот ухмыльнулся, что-то сказал, показывая рукой на только что приобретенных невольников, потом нагнулся, по очереди поцеловал детей:

– Сальве, Авл! Сальве, Анна.

– Сальве, ностер!

Тоже говорят по-испански? Или это какой-то другой язык, португальский или даже латынь? А зачем им говорить меж собой по латыни? А затем же, зачем и изображать из себя патрициев – выпендриваются, с жиру бесятся, падлы!

Полуголые слуги проворно закрыли ворота, один из челяди – высокий худощавый старик, впрочем, вполне еще крепкий с виду – подошел к новым невольникам и, сделав повелительный знак – мол, следуйте за мной, не оглядываясь, зашагал по неширокой, усаженной кустами акации аллее куда-то за дом. На задний двор, наверное... Переглянувшись, Александр и Ингульф неспешно зашагали следом, за ними, что-то бурча себе под нос, тащился Миршак. Ох, что-то подсказывало Саше, что они еще намучаются с этим мерзким типом... Впрочем, с другой стороны, долго торчать на этой дурацкой вилле молодой человек явно не собирался – выяснить, что тут к чему, да рвать! Можно еще и Ингульфа с собой прихватить – неплохой, кажется, парень...

Сразу за особняком располагался двор с различными постройками, многие из которых были совершенно непонятного предназначения, вон тот грязный коровник, пожалуй, мог бы быть и повыше, так почему-то казалось Саше.

Вот именно к коровнику они сейчас и подошли – старик оглянулся, показав на строение, что-то сказал и, не останавливаясь, пошел дальше.

– Это что же, нас, что ли, здесь держать собираются? – догадался молодой человек. И, уже гораздо тише, добавил: – Одно утешает – что не очень долго.

Александр все-таки принял решение бежать при первом же удобном случае, в ожидании которого, конечно, было бы неплохо кое-что разузнать, разведать, хотя бы – примерно где они? И в какой стороне столица? Вообще любой город, автострада...

Оглянувшись на дом, молодой человек невесело усмехнулся – он тоже был насквозь неправильный, этот особнячок, неправильный даже на первый поверхностный взгляд – не

было спутниковой тарелки, вообще никакой антенны, и провода к домику не подходили... или кабель проложили под землей? Может быть, и так, а может быть... может быть, это просто логово какой-то совсем отказавшейся от цивилизационных благ секты! Ну да – сектанты! Тогда все понятно... Вот же черт, угораздило! Какие-нибудь ваххабиты... Хотя – а где же тогда все эти намазы, молитвы? Нету. Значит, не мусульмане, определенно – не мусульмане. А тогда кто? Какая-то особая секта, вроде последователей Муна или сциентисов, поклонников Рона Хаббарда. Сначала, значит, людей похищают, держат вот здесь, вдали от цивилизации, охмуряют... Потом – оп! – переписывая на них все свое, непосильным трудом нажитое, имущество! Да! Скорее всего – так оно и есть. Хотя опять же... какое такое имущество может быть у этого оборванца Ингульфа? Или у того же коренастого? Да никакого, кроме, пожалуй, вшей! Ну, их, конечно, можно использовать в работе... не вшей – нищих невольников. А вот его, Александра Иваныча Петрова, как явного европейца, уж точно примутся охмурять. И, раз уж это секта, побег может оказаться не таким уж и простым делом, здесь уж точно никому нельзя доверять. Разве что Ингульфу... так с этим парнем и не пообщаться толком, лишь только жестами.

Они прошли через весь двор, к дальней стене, прямо под которой уходил в бетонную трубу неширокий ручей, рядом с которым, под небольшим навесом от солнца, располагалась кузница, точно такая же, как и на рынке. Горн, наковальня, мехи, кузнец – дюжий дядька.

Он тоже оказался умельцем, расковав пленников буквально за пару минут. Только цепи звякнули, спадая, и вот уже, по мановению руки старика, словно бы ниоткуда, возникли вдруг бравые парни-охранники. Трое. По пояс голые, поджарые, двое – с копьями, у третьего же был лук и стрелы!

Старик закатил целую речь, время от времени грозно вращая глазами... говорил он, похоже, по-испански, точнее, на том же самом языке, на котором с Сашей пытался общаться Ингульф. Парень, да и Миршак, коренастый, прекрасно все поняли и даже переглянулись, однако старче на том не успокоился, а, повернувшись, что-то быстро сказал лучнику. Тот кивнул, вмиг стащил с плеча лук, проворно накладывая на тетиву стрелу... Оп! И сбитое с яблони яблоко в полсотне шагов от кузницы покатилося по песчаной дорожке.

Саша усмехнулся: мораль нехитрая – попытайтесь, мол, бежать, или чего другое дурное удумаете – сами видите, что потом с вами будет. Даже не потом – тотчас же! Так что лучше не выпендривайтесь, парни...

Глядя на все это, Александр вдруг до глубины души осознал, что его здесь могут убить! Вот так, походя, запросто, подстрелить из лука, словно какого-нибудь зайца. Или зарезать. Или еще как-нибудь.

Все эти мысли еще больше укрепили молодого человека в его решимости бежать отсюда, как можно быстрее... только действовать нужно было очень и очень осторожно.

– Лабор! – когда вновь вернулись к коровнику... или казарме... старик с усмешкой кивнул на лопаты – сплошь деревянные, лишь обитые узенькой железной полоской.

Саша не сдержал ухмылки: все понятно – жрать сейчас не дадут, а вот работать – это пожалуйста!

Взяв лопаты, все трое, ведомые стариком и под бдительным присмотром охранников, направились к окружающей виллу стене, которую как раз ремонтировали... нет, лучше сказать – перестраивали, делая куда как массивней и выше. Какие-то грязные голые люди месили ногами глину, делая из нее кирпичи – смешивали пополам с мелко нарубленным тростником, набивали квадратные формы, переворачивали – оп! – и готовому кирпичику оставалось лишь сушиться на солнышке. А потом – в стену его, в стену! Ишь, суки, – неприязненно подумал Александр про хозяев, – видать, те хотели получше отгородиться от нескромных взглядов. Журналистов на них нагнать! Пусть даже и глупых – «аспирантов» – еще и лучше, уж эти-то такого понапишут – мало не покажется!

До вечера работали, практически не разгибаясь. Особенно после того как кто-то из местных рабов получил вдосталь плетей от джозега надсмотрщика. Кровавые рубцы разорвали бедняге кожу... и способствовали повышению производительности труда. Ну, что может быть нагляднее подобного простого примера? Испробовать плеточку на своих плечах? Нет уж, увольте, ну его к черту – играть в такие игры. Лучше уж месить как следует глину. Работать добросовестно, чтоб не было никаких претензий... пока...

Еще повезло – Саша трудился в паре с Ингульфом, с приятелем, можно сказать, они уж к вечеру так насобачились, что выдали полторы нормы, вызвав скупую похвалу явившегося проверить ход работ старика и злобные взгляды остальных работяг, которым тут же вклепили по паре «горячих».

– Да-а, – грустно покачал головой Саша. – А мы тут, Ингульф, теперь, похоже, в штрейк-брейхерах. Как бы нам ночью темную не устроили!

А потом – у коровника – у барака – при свете факелов, перед тем, как разлить по грязным мискам похлебку, была проведена перекличка. Старик даже записал новых рабов – да-да, рабов, кого же еще-то? – ну уж, конечно, не в записную книжку, не в органайзер – в свиток... даже не бумажный, а... папирусный, что ли. Записал тростниковым пером!

Саша с презрением сплюнул: вот же уроды, даже в мелочах выпендриваются, сектанты хреновы! Неужели нельзя было шариковую ручку найти или, там, карандаш?

Низкое черное небо плевалось звездами, впрочем, любоваться ими долго не пришлось – после скудного ужина рабочую силу тот же час же загнали в барак – темный и грязный. Всего туда набилось человек тридцать, наверное, весь списочный состав рабов, исключая, может быть, домашнюю прислугу.

Напрасно Александр опасался темной! Ухайдакавшиеся за день невольники, словно подкошенные, валились на пол, на охапки гнилой соломы – судя по всему, каких-либо постоянных мест здесь ни у кого не имелось. Все сразу засыпали – кто-то храпел, кто-то стонал, кто-то метался во сне.

Саша тоже почувствовал вдруг навалившуюся усталость, тяжелую, отупляющую, невероятную – и как он ее раньше-то терпел? Казалось, так себе работенка – меси себе глину да выделывай кирпичи – технология со времен Древнего Египта не изменилась – ан, нет, вот они когда почувствовали, руки-то... прямо не пошевелить, как и ногами... а спина-то, спина... Словно чертей катал!

Ингульф – слышно было – уснул. Но тоже – стонал, и дыхание его было тяжелым.

А буквально на третий день, ближе к вечеру, Александр увидел вышку. То ли это была сотовая связь, то ли одна из опор высоковольтной линии – других просто могло быть не видно на склонах холма, а эта вот горделиво высилась на самой вершине. Наверняка оттуда можно было даже увидеть море – не так уж оно тут и далеко, километров пять, вряд ли больше.

Молодой человек как раз работал один – укреплял каркас возводимой стены бревнами, утрамбовывал... До башни было с полкилометра по открытой местности, особо никто за пленником не следил, как раз сейчас и можно было попытаться рвануть... хотя бы посмотреть, что там? Если высоковольтная линия – то куда ведет? Может быть, буквально там, за холмом – порт? Если же вышка сотовой связи, тога можно будет оставить записку ремонтникам, чтобы срочно сообщили в полицию. Должен же ведь хоть кто-то время они от времени обслуживать антенну. Да-да – именно так – сделать рывок, оставить записку – и быстро-быстро вернуться. Если убежать – его ведь будут ловить, искать, и, кто знает, может быть, жители окрестных селений тоже сектанты? Или, скорее, заинтересованы в поимке беглецов, скажем, за определенное вознаграждение. Все может быть – рисковать не стоит. А записка... Даже если она и

попадется на глаза тому, кому и не нужно бы – так ведь он, Александр, на ней автографа не оставит. Пойди, пойми – кто написал.

Молодой человек специально затянул работу, рискуя получить плетей, и надсмотрщик недовольно ворчал уже, а тот старик, что наблюдал тут за всеми – звали его Василин, – даже что-то сказал Саше строгим, не сулящим ничего хорошего – тоном. Ну, что тут поделывать? Надо же было хоть как-то затянуть работу – очень уж хотелось, чтобы завтра поставили именно сюда.

И поставили! И с запиской Александр вопрос решил – подобрал обломок меловой плиты, а написать уж можно было на чем угодно. С утра, стиснув зубы, взялся за работу, вкалывал без дураков, так, что Василин, подойдя, покровительственно похлопал его по плечу и что-то сказал другим рабам, видимо, ставил в пример... что явно не прибавило любви остальных невольников к Саше.

Надсмотрщик в общем-то не особо за ним и наблюдал – куда тут бежать-то? Сразу можно было заметить с башни. Потому-то молодой человек и решил – ни в коем случае не бежать, шествовать, не спеша, спокойно.

Вот улучил момент... Осмотрелся. Ага – широкая спина надсмотрщика маячила на другом конце двора. Часовой на вышке тоже отвернулся.

Наклонившись, Александр подобрал небольшое бревнышко, скорее просто – жердину или кол, положил на плечо и самой деловитой походкой зашагал к вышке. Шел не оборачиваясь – ах, знал бы кто, каких трудов стоило не перейти на бег! А Саша еще иногда и останавливался нарочно... делал вид, будто что-то рассматривал под ногами. Пару раз не удержался, скосил глаза на часового – не выстрелил бы! Нет... похоже, тот ничего такого не заподозрил.

Песчаные склоны холма были покрыты каким-то колючками и низенькими буровато-зелеными кустиками – не спрячешься при всем желании, и далеко не убежишь – все равно кто-нибудь да заметит. Потому, видно, и не следили, хватало других забот.

Неспешно продвигаясь к вершине холма, молодой человек невольно ежился, в любую секунду ожидая выстрела в спину. И в самом-то деле, что мешало часовому послать вдогонку беглецу пулю? Ведь оружие-то у него за спиной имелось... копье? Да, похоже... за дальностью не видно... Нет, наверное, не копье – карабин, не иначе!

Вот осталось шагов пятьдесят... и тут Александр увидел, что, похоже, зря шел. При ближайшем рассмотрении вышка оказалась сколоченной из крепких, беловато-серых от времени бревен. На вершине имелась небольшая площадка... с дровами и соломой... Следить за дорогой? За морем? Чтоб, ежели что, немедленно подать сигнал – огнем или дымом. Не легче ли просто позвонить? Так, может быть, здесь просто нет связи. А рации? Автономные рации – что мешало сектантам их завести? Ну не могли же они настолько отрицать прогресс, чтобы отказаться использовать заведомо полезные вещи?

Ах, какой вид открывался отсюда! Море! Зелень! Дорога... какое-то селение у самого горизонта. Не так уж и далеко. Сердце екнуло – теперь Саша хотя бы знал примерное направление побега.

На всякий случай написав на бревне – «Хелп ми. Калл ту полис – вилла», молодой человек вновь поднял на плечо дрын и – теперь уже куда быстрее – зашагал к вилле. Никто на него по-прежнему не смотрел, даже часовой – и тот отвернулся, поглощенный куда более приятным занятием – молодые служанки поливали сад, набирая из ручья воду в большие высокие кувшины.

Дойдя, наконец, до ограды, Александр перевел дух и, поплевав на руки, наклонился над недавно поднесенными кем-то из работников кирпичами... Приподнял...

– Хаш!!!

Внезапно возникший рядом – вот принесло же не вовремя! – старик Василин грозно нахмурил брови. Позади него, небрежно поигрывая короткими копьями и бичами, гнусно ухмылялись надсмотрщики.

– Нон бене! Нон! – брызжа слюной, старик указывал пальцем на вышку.

Понятно... Не стоило, мол, туда ходить, теперь будешь наказан!

По знаку Василина четверо дюжих надсмотрщиков накинулись на несостоявшегося беглеца... Саша, конечно, сопротивлялся, но силы оказались уж слишком неравны, к тому же кто-то ткнул его под ребра острием копья – мол, не стоит шутить, парень.

В общем, скрутили. Бросили наземь, попинав для порядка ногами. Так себе попинали, не сильно, могло бы быть и куда хуже, а так... Ну, разве ж так бьют? Даже, похоже, ни одного ребра не сломали!

Александр сплюнул с разбитой губы кровь и улыбнулся.

Зря улыбался! Обещанное наказание еще толком и не начиналось. Немного попинав невольника, надсмотрщики сноровисто подхватили его под руки и быстро потащили к заднему крыльцу... или – к черному ходу, как уж тут у них было принято называть запасной выход из дома. Из стоявшего рядом сарая тут же вытащили некое деревянное сооружение, отдаленно напоминавшее козлы для пилки двор вручную. Козлы... Действительно – козлы, только не для дров, нет, совсем для другого!

Саша слишком скоро понял – для чего. Для кого...

Запястья и лодыжки стянули ремни... В воздухе просвистел кнут...

Черт!!!

Ожгло! Будто током ударило – прямо по позвоночнику... Этак можно запросто и хребет перешибить. Правда чернокожий верзила-палач, как видно, не имел такой задачи – и лишь рвал кожу!

И все равно...

– Сволочи!!! – извивался под ударами Саша. – Ублюдки! Сатрапы!

От последнего слова ему почему-то вдруг стало смешно... слишком уж походило на монолог из старинного фильма с Леоновым.

– Сатрапы! Гниды казематные! Ой, чтоб вы сдохли... Ой!

Тут Александр вдруг сообразил, что ругался напрасно – русского языка местные «сатрапы и казематные гниды» уж точно не знали. Как, впрочем, и английского... хотя уж ругательства-то должны были понимать.

– Фак! Фак ю! Ой...

От боли Александр вновь перешел на родимую русскую речь... и как вдарил – по-матушке, по-матушке... Слышал бы кто понимающий – завяли бы уши!

Да и так... один косматый старик в рваной хламиде, седой, лохматый, чем-то похожий на знаменитый портрет Эйнштейна, удивленно замедлил шаг...

– Пидорасы! Тварюги! Мать вашу разэтак-так-растак! Ммм...

Наконец, экзекуция окончилась.

Едва не потерявшего сознание Сашку окатили теплой водой – холодной у них тут, у гнид этих, наверное, не было – развязали, вздернули на ноги... нет, снова куда-то потащили... ох, гады, что ж вы никак не уйметесь-то?

Ишь, еще и ржут...

– Суки гладкие!

Протащив избитого пленника по узкой аллее, его – словно куль с овсом – забросили в узкий глинобитный сарай. Еще и напоследок пнули... но так, незлобно – видать, понравилось, как бедолага ругался.

– Копыта уברי, петух гамбургский!

Нет... вот... захлопнулась дверь. Суки... Твари поганые! Нелюди! Сектанты гребаные. Ммм... аж спину-то саднит... и то, что пониже. Ни сесть, ни лечь... ну, разве что вот так – навзничь...

Александр отхаркался.

А эта сараюха у них, похоже, что-то вроде карцера. Аналог «холодной», точнее – «горячей», ишь, как раскалилась! А пить так и не дали, сволочи... хоть бы глоточек, хоть бы чуть-чуть... хоть немного...

Пить!

Вот хотя бы той, теплой водицы, которой поливали... а лучше бы – из ручья. Девчонки бы притащили кувшинчик... холодненькой... ах...

Пить хотелось жутко!

От ругани-то пересохло все горло, саднило даже, не хватало еще ангины... Нет... ангина – это, пожалуй, он тут подзагнул, перегрелся...

Чу?!

Кто-то сюда идет, что ли? Нет... ну, вот-вот, отодвигают засов... господи – а ведь темно уже! Ночь.

И прется же какая-то гадина!

Александр собрал весь свой сарказм:

– Кому не спится в ночь глухую?

А, может, воды принесли?

– Вы – русский? Я принес вам попить. Только тсс... не говорите громко.

– Спасибо...

Не говоря больше ни слова, Саша припал к узкой горловине кувшина... Вода! Водичка! Холодненькая! Из ручья! Господи, спасибо тебе, внял молитвам... охх, как хорошо-то!

– Теперь постарайтесь поспать, – шепотом посоветовал неведомый доброхот. – Завтра опять погонят на работу. Спокойной ночи.

– И вам спокойной...

О боже!

И тут до Саши наконец-то дошло! Как в двигателе с поздним зажиганием.

– Постойте! Вы кто?

– Как и вы – раб. Пленник. Меня зовут... Альфред Бади, антиквар из Суса.

– А я – Александр, Саша. Русский актер. Каскадер то есть... Но... вы знаете русский?

– В семидесятые учился в Москве. Институт имени Баумана, может, слышали?

– Ну, конечно!

– Там много наших училось...

– Но как же вы...

– Так же, как и вы... Решили с друзьями половить рыбки.

– Поня-атно... мы вообще где? И далеко ли до Туниса? Или Бизерты?

Ночной собеседник неожиданно рассмеялся, и в глухом, надтреснутом смехе его явно слышалась грусть... и даже – отчаянье.

– Мы очень и очень далеко от того Туниса, который вы знали. И вообще – от всего.

– Как это – очень далеко? Не могло же меня так вот унести! И все же надо отсюда бежать, немедленно.

– Наверное, надо, – согласно кивнул антиквар – в темноте Александр никак не мог разглядеть его лицо, но по всему чувствовалось, что это – старик – может быть даже тот, похожий на Эйнштейна. – Только... некуда.

– Как это некуда?

– Вы не поверите... Позвольте вас спросить, вы знаете, какой сейчас год на дворе?

– И какой же?

– Четыреста тридцать восьмой! Даже не тысяча четыреста... а просто – четыреста тридцать восьмой от Рождества Иисуса Христа.

– Да что вы говорите? От Рождества, значит...

Вот только сумасшедшего тут и не хватало для полного счастья!

Глава 7. Матрона

*Ласковым словом,
чашей медовой
был он привлечен...*
«Беовульф»

Июль – сентябрь 438 г. Провинция Африка

Четыреста тридцать восьмой год? Ну да, конечно... Скорее уж, этот господин антиквар – сумасшедший.

Поговорить с ним подробнее Саше удалось лишь дня через три, во время какого-то церковного праздника – похоже, все на этой вилле были христианами, включая пленников. Даже Ингульф – Александр глазам своим не поверил! – и тот молился: патер ностер и все такое прочее... А ведь в драке кричал совсем иное – Донар, Водан – все древние германские боги.

Ну, да бог с ним – пусть себе молится.

Смуглые девушки служанки украсили виллу цветочными гирляндами, надели на головы венки, да и вообще, все приоделись, даже невольникам выдали по чистому полотняному отрезу – типа парадно-выходной формы.

Из-за оливковой рощи ветер приносил отдаленные отзвуки колоколов – видно, там была церковь, деревня... Туда с самого утра и отправилась целая процессия – хозяин с хозяйкой и детьми, старик Василин и все прочие, кроме бдительно несших свою службу часовых и вот, новеньких – Саши, Ингульфа, Миршака... Антиквар тоже остался. Уселся рядом с Александром на ступеньках в тени портика, улыбнулся:

– Ну, как вам здесь нравится?

Саша хмыкнул:

– Да никак! И вообще, давно хотел у вас спросить – есть здесь поблизости хоть какая-нибудь автострада?

– Не поверили... – старик скорбно покачал головой. – Да, в такое трудно поверить. Однако смотрите сами... сколько вы уже здесь, около месяца?

Петров молча кивнул.

– И вот вспомните – видели ли вы за это время хоть какие-то приметы цивилизации? Туристские лайнеры, часы, автомобили? Даже инверсионных следов в небе – и тех не отыщете.

– Значит, в такую уж глушь забрались, – упрямо сдвинул брови Саша. – Я много таких мест знаю, восток Ленинградской области, например...

Молодой человек немного подумал и, взглянув собеседнику прямо в глаза, спросил:

– А вы, любезнейший, рвануть не хотите?

– Рвать? Порвать? – антиквар захлопал глазами – видать, уже подзабыл русский.

– Ну, бежать, я имею в виду, – пояснил молодой человек. – Как раз сегодня, по-моему, удобный случай...

– Бежать? – старик неожиданно расхохотался, сердито и громко. – Да вы хоть знаете – куда?

– А все равно, – отмахнулся Саша. – Куда угодно, лишь бы отсюда подальше.

– Эх, молодежь, молодежь, не слушаете вы стариков, – негромко пробормотал антиквар. – Поверьте, друг мой – эта вилла на данный момент для нас – самое безопасное место. Да-да, вы не ослышались! Именно так. Ничего особенно худого здесь с нами случиться не может...

– Ага, не может, – молодой человек передернул плечами. – Только плетей дадут... или вообще забьют насмерть.

Старик махнул рукой:

– Ну, это эксцессы... Сами-то посмотрите – зачем здесь невольники, то есть – вы? Исключительно для строительства укреплений – многовато, знаете ли, разбойников стало – и на море, и на суше, после того, как сюда переселились вандалы и аланы... впрочем, отребья хватало и до них.

– Вандалы, аланы... – Александр скептически усмехнулся. – Сами-то верите?

– Не хотел бы... – антиквар со всей серьезностью посмотрел на своего собеседника. – Но, увы, приходится. Хотя – ваше дело, можете и не верить. Попытайтесь бежать – убедитесь сами. Ничего вы здесь не найдете – ни дорог, ни машин, ни полиции – все это примерно через полторы тысячи лет появится... Ну, что вы усмежаетесь? Хотите бежать – ладно, черт с вами, только прежде нехудо было бы кое в чем разобраться и изучить... ну, хотя бы латынь.

– Латынь! – молодой человек хлопнул себя ладонями по коленкам. – Что ж, похоже, этот древний язык в нашей секте в ходу.

– Ну, вот, вы опять – в секте...

– А вам, судя по всему, здесь понравилось!

Старик нервно дернулся:

– Я же сказал – это сейчас самое безопасное место. Для, так сказать, адаптации, что ли...

Вот, судите сами – после того, как будет выстроена стена и башни, что будет с невольниками?

– Откуда я знаю? – Саша пожал плечами. – Может, на органы продадут...

– Тьфу! Скажете тоже...

– А вы, значит, по-другому думаете?

– Я не думаю, я знаю, – антиквар приосанился, глубоко запавшие, непонятного цвета, казались, сверкнули.

– Ну-ну, что вы там знаете? – подначил молодой человек.

– У Нумиция – кстати, его христианское имя – Константин – много земли, каждый из невольников получит участок, орудия труда, средства для постройки хижины – будете вроде как арендаторы, колонны – если уж так сказать. Жену, кстати, тоже могут выдать.

– Вот как! – Саша хлопнул в ладоши. – Даже жену! Я и говорю – секта.

Собеседник не обратил на его выпад никакого внимания, продолжал гнуть свою линию:

– Ну, или сами подыщите – хозяин не будет против... Впрочем, если вы сильный и смелый – вам предложат стать воином. Не за просто так, конечно.

– Да-да, – покивал Саша. – Участвовать в подпольных боях. Этакие гладиаторы.

– Гладиаторов здесь нет – христианство отрицательно относится к подобного рода зрелищам.

Молодой человек не удержался, хмыкнул:

– Вижу я, какие здесь христиане.

– Вы имеет в виду этого вашего друга, мальчика... как его – Ингульф?

– А что вы против него имеете? – насторожился Саша.

– Да ничего, – отмахнулся старик. – Просто, по здешним меркам, он – еретик, арианин.

Вандалы, аланы, свевы – и все прочие местные федераты – все ариане... или почти все.

– Кто-кто?

– Последователи Ария, священника из Александрии, учившего, что Христос – есть творение Бога-отца, и, следовательно, занимает в Троице подчиненное место. И было время, когда он не существовал. Арианство было предано анафеме на Константинопольском соборе лет за полсотни до этих времен, но, вот, с приходом варваров, вновь набрало силу.

Честно говоря, Александр прослушал все это вполуха – не очень-то его интересовали рассуждения на религиозные темы, тем более что рядом с портиком, шагах в двадцати, юная

служанка – из тех кто остался в доме, – грациозно нагнувшись, набирала из пруда воду в большой глиняный кувшин. Из одежды на девушке была лишь короткая – гораздо выше колен – белая туника, едва скрывавшая грудь. Тонкая талия, стройные бедра, смуглая, пропитавшаяся мягким солнечным светом, кожа, волосы – курчавые, рыжие – тонкий, с небольшой горбинкой, нос, чувственные губы и черные смеющиеся глаза – незнакомка как раз обернулась, встретившись взглядом с Сашей. Вот оглянулась по сторонам, улыбнулась, что-то негромко сказала...

– Просит вас помочь ей донести кувшин, – тут же перевел антиквар. – Впрочем, думаю, ей не только это надо...

– Конечно, поможем! – молодой человек с готовностью вскочил на ноги. – Как же не помочь этакой гарной дивчине? Эх... Как-то утром на рассвете заглянул в соседний сад, там смуглянка-молдаванка собирает виноград... Давай свой кувшин, милая! Во-от, так... Ну, куда идти-то?

Смуглянка снова улыбнулась, позвала за собой жестом – пошли, мол...

Широкая, посыпанная белым, скрипящим под ногами песком, тропинка привела обоих на задний двор, под навес, а затем – и в покои. Судя по аппетитным запахам, где-то здесь рядом находилась кухня, Саша даже облизнулся, проходя мимо – интересно, что такое здесь готовят? Наверное, праздничный обед... или ужин.

Смуглянка замедлила шаг, оглянулась, показывая, куда поставить кувшин... Потом вдруг подошла ближе, едва не прижалась... взяла добровольного помощника за руку, заглянула в глаза... Александр усмехнулся – похоже, старик-антиквар оказался прав насчет чего-то другого, не только воды...

Ну да, так и есть! Вот они уже куда пошли длинным полутемным коридором, вот свернули за колонну, оказавшись в небольшой комнатке с узеньким, накрытым плетеными циновками ложем.

Не говоря ни слова, девушка погладила Сашу по щеке и, сделав шаг назад, сбросила тунику. Крепкая, налитая любовным соком грудь ее с большими темно-коричневыми сосками призывно покачивалась, словно требовала своего настойчиво и властно. Александр не стал протестовать – не дурак же! – и девушку обижать не хотелось, да и вообще – почему бы и нет? Он же, в конце концов, молодой здоровый мужик, не извращенец какой-нибудь...

– Ну, иди ко мне, рыбка моя...

Обхватив девчонку за талию, молодой человек принялся с жаром целовать ее грудь, губы, шею...

Ложе оказалось довольно жестким, но поглощенные обуявшей обоих страстью любовники не чувствовали этого... не ощущали вообще ничего, кроме жара сплетенных тел, кроме жадного блеска глаз, кроме нежной любовной неги...

Сашка не сдерживался, стонал – давно ему не было так хорошо... даже с Ленкой. Да что там Ленка! Эта смуглокожая девчонка могла дать фору любой! Ах, как она выгибалась, какие позы придумывала, какое наслаждение доставляла... и, видно было, сама получала несказанное удовольствие, черные глаза ее сверкали, как два алмаза, а на смуглых щечках даже проступил румянец, вполне заметный и здесь, в полутьме...

А потом, на какое-то – короткое – время они лежали вдвоем, и девушка гладила Саше грудь, заглядывала в глаза, что-то тихонько шептала.

– Кассия... Кассия... эго...

– Понятно, ты – Кассия! А я – Александр, Саша... Же суи рюс... Рус...

Рус... Так его вскоре здесь и прозвали – Александр Рус, или просто – Рус. Саша был вовсе не против – хорошее, достойное прозвище! Он прославил его в первой же драке... хотя нет, это нельзя было назвать просто дракой, скорее – бой. Почти что официальный, по всем правилам, бой. Один на один. Правда, вот желающих постепенно набралось многовато.

А началось все как-то в воскресенье – тоже был какой-то очередной религиозный праздник – по такому случаю не работали, ведь хозяин-то считал себя христианином. Кое-кто снова отправился в церковь, однако большинство на этот раз осталось на вилле, видать, праздник был не таким уж важным, как в прошлый раз, когда Александр познакомился с Кассией... познакомился, хм...

Все началось после обеда, уже ближе к вечеру, когда белое, надоевшее за день солнце уже утрачивало свою злобную знойную силу, скромненько рыжевела и опускаясь ближе к темно-голубыми волнам. Казалось, раскаленное светило вот-вот коснется воды, зашипит, словно увидевшая собаку кошка.

Слышно было, как на заднем дворе слуги затеяли драку. Нет, скорее всего, никто не заводился – дрались один на один, в окружении галдящих зрителей.

Александр, твердивший латинские глаголы под чутким руководством антиквара Альфреда Бади, тоже, конечно, не мог пройти мимо столь интересного события – с развлечениями на вилле вообще-то было негусто, если не считать... гм-гм... Кассию, однако сегодня девушку как раз взяли в деревню.

– Амор, амарис... арматур...

– Аматур, – тут же поправил сидевший рядом старик.

– Да-да, аматур...

И тут с заднего двора к портику прибежал Ингульф. С большим, растекающимся прямо на глазах бланшем под левым глазом, но тем не менее, почему-то вполне довольный и, можно даже сказать, радостный.

– Что здесь сидите, как две статуи? Пошли! Пошли! Там хорошо, интересно!

– Ага, вижу, как интересно, – благодаря антиквару Сашка уже начинал неплохо понимать латынь. – Кто это тебе глаз-то подбил?

– Не только глаз! – парень довольно приосанился. – Мне еще и грудь поцарапали, и два ребра чуть не сломали... Пошли, пошли, там такое... такое!

– Бокс, что ли? Или прокисшее винище не поделили? – молодой человек с готовностью поднялся – надоели уже ему эти глаголы. – Ну, пошли, пошли, посмотрим.

– Ничего мы там интересного не увидим, – пытался протестовать мсье Бади... только не вышло у него, да он и сам понимал, что не выйдет, и, махнув рукой, потащился следом за двумя приятелями.

На небольшой вытоптанной площадке сразу за давальным прессом, в окружении сидевших прямо на земле зрителей, сошлись в бою поединчики – тощие молодые парни, не с виллы – крестьяне-арендаторы, или как там их – колонны? Смуглые тела их блестели от пота, дыхание было хриплым, видать, бойцы уж подустали и теперь, смешно расставив руки, кружили друг против друга, словно растопырившие крылья петухи.

– Хей, Малу, хэй! – подбадривали зрители.

– Дай ему, Каллист, дай! Покажи, как надо биться!

Миг – и парни вновь налетели друг на друга, ухватили за плечи... каждый пытался повалить соперника наземь, получалось плохо – мешал скользкий пот, потому один из бойцов – наиболее хитрый – вдруг резко отпрянул и изо всех сил саданул противника кулаком по хребту... а потом еще добавил ногою, силясь попасть в живот, да неудачный вышел расклад – поскользнулся, свалился в песок, соперник только того и ждал – враз набросился коршуном, уселся на грудь, ухватил вражину за горло...

– По почкам его, по почкам! – засвистев, включился в общем веселье только что подошедший Петров. – Или – в печень! Ну, бей же!!!

Лежащий все же не бил – вертелся словно уж, пытаясь вывернуться...

– Эх ты, дурень!

Нет! Вот все же ударил... Плохо, без выдумки – в грудь. Однако соперник и от этого ошалел, ослабил хватку, а потом и вообще отпустил, размахнулся ударить... Долго размахивался – лежащий уже вырвался, откатился в сторону, вскочил...

– С ноги, с ноги его! – громко закричал Александр.

С ноги не получилось, зато неплохо вышло рукой – вмиг выбилась красная юшка. На том, собственно, бой и закончился – противник тут же и сдался.

Зрители разочарованно засвистели... и тут же притихли, увидев, как на середину площадки, небрежно растолкав всех, вышел здоровенный негр в белой набедренной повязке и с бусами на толстой шее.

– Барнак! Барнак! Хэй!

Собравшаяся для кулачной потехи толпа оживилась – предстоящее зрелище обещало быть куда интереснее, чем происходившие до того убогие драки доходяг. Вот только дело встало за достойным соперником... Что-то никто схватиться с негром не торопился. Хотя...

Вот кто-то выскочил... Кривоногий плосколицый Миршак! Вот это да! Кем же это он себя возомнил – Ван Даммом или Чаком Норрисом?

Барнак посмотрел на кривоногого с таким ленивым презрением, с каким обычно смотрит солдат на окопную вошь – мол, это еще что тут такое нарисовалось?

Саша удивленно покачал головой – вот уж от кого не ждал подобного безрассудного мужества, так это от Миршака! Ну, разве что Ингульф мог бы... хотя нет, парнишка, несмотря на молодость, был вполне рассудительным.

Между тем кривоногий, с плоским лицом, Миршак подошел к давящему прессу, поклонился негру и, картинно опершись на большую, предназначенную для виноградных выжимок бочку, что-то сказал.

Толпа заинтересованно затихла. Барнак тоже приподнял левую бровь.

– Рус! – осклабясь, нагло завил кривоногий. – Рус – отличный боец... когда не трусит! Он много кого победил... Правда, наверное, он побоится встретиться в честной драке с нашим славным Барнаком. Уж такой человек этот Рус, привык все исподтишка...

Некоторых слов сей гнусной речи Петров, конечно, не понял, но общий смысл уловил верно... Ах ты ж, сука криволапая!

А народишко уже пришел в нехорошее возбуждение, все заоглядывались, закричали:

– Рус! Рус!

А негр, негр-то! Барнак этот чертов... Скривился этак презрительно, сплюнул:

– Хы! Рус?

И не в гордости тут было дело – Александр не безмозглый мальчишка, на «слабо» давно уже не ловился, однако сейчас ситуация складывалась совсем другая – уж коли придется здесь еще какое-то время жить, так уж лучше – в авторитете, нежели наоборот. Имидж труса никому чести не сделает, а вот авторитет крутого бойца вполне может чему-то и поспособствовать... хоть какое-то уважение по крайней мере... Что ж – тем хуже для негра!

Сашка поплевал на ладони и неспешно направился к прессу. По пути усмехался, оглядывался:

– Ладно, ладно, накостыляю сейчас этому обгоревшему куску сала, коли уж вы так просите... Сейчас...

Кривоногий Миршак победно ухмылялся у бочки. Ладно, гнус, сейчас у тебя улыбочка-то сойдет...

Выйдя на середину площадки, молодой человек с достоинством поклонился публике, после чего, указав пальцем на негра, громко сказал:

– Примус!

Первый, значит...

А вот и второй...

Он резко повернулся к Миршаку:

– Секундус!

Плоское лицо кривоногого вмиг сделалось безрадостным и бледным – как же, схватывался уже с Сашкой, понимал, чем это все закончится. Единственная надежда оставалась – негр Барнак.

Сашка осклабился:

– Ну что, кусок сала, начнем?

Барнак растопырил руки и с неожиданным проворством ринулся прямо на Александра, намереваясь схватить его в свои могучие объятия, раздавить, удушить, смять! Казалось, под толстыми пятками негра дрожала земля. Слон! Да что там слон – «КамАЗ»! Паровоз, бронепоезд! А глаза, глазищи – маленькие, словно у носорога – они просто сверкали ненавистью.

Александр умел драться и смотрел как бы сквозь врага – так, чтобы предугадать все его движения. И не дать сделать задуманное. Вот как сейчас... Нельзя было позволить такой массе вступить в бой с налета... нельзя остановить бронепоезд грудью... Пусть пронесется мимо!

Саша, как тут было принято, так же смешно растопырил руки... и резко отскочил влево, да еще успел поставить подножку – и черная скала загремела в пыль.

Правда, тут же поднялась на ноги и, стервенея, снова бросилась в бой...

На этот раз Александр встретил соперника коротким прямым ударом в челюсть... Это, конечно, остановило бронепоезд... но только на миг.

Не обращая внимания на градом сыпавшиеся удары, Барнак все ж сумел оказаться в опасной близости и тут же воспользовался этим, обеими руками ухватив Сашу за шею. Если бы только молодой человек на секунду промедлил, мало бы не показалось, но...

Апперкот в печень – очень неприятная штука. Проймет любого... даже такого носорога, как этот Барнак... Ага! Хватка резко ослабла... Рот распахнулся, как у выброшенной на берег рыбины... Глаза полезли на лоб... Хорошо!

Теперь – сразу – по почкам... и – тут же – по ушам – да так, чтоб из глаз искры!

Вот они...

И – коротким кривым – в челюсть.

Что, еще не падаешь? Ну, действительно, бронепоезд «Красный партизан»!

Тогда делать нечего, придется ногами...

Резко отпрянув назад, Саша подпрыгнул и, вложив в удар всю свою силу, достал правой ногой переносицу...

И вот тут негр наконец упал. Казалось, земля вздрогнула. А ничего не поделаешь, одной массы для настоящего боя мало – нужна еще и изворотливость, да и умение не помешает, это только так кажется, что драка – плевое дело, – а на самом-то деле... куда сложней, чем шахматы! Причем времени на раздумья – практически нет.

Так, ладно, с одним справились...

– Секундус! – с нехорошим прищуром Александр обернулся к бочке...

А гнусного Миршака там уже не было! Его вообще нигде поблизости не было, ретировался, схоронился где-то, ползучий гад...

Собравшаяся толпа радостно бушевала – кричали, хохотали, кто-то уже хлопал Сашку по плечу:

– Рус! Рус!

Только старик антиквар Альфред Бади, бауманский выпускник, лишь укоризненно качал головой... зато как радовался Ингульф! И Кассия! Как горели ее глаза... Что, уже вернулись из церкви?

– Замечательно! – произнес чей-то надменный голос, и все затихли, пропуская хозяина виллы – всадника Гая Нумиция Флора Константина. В нескольких небрежно наброшенных друг на друга туниках, в белом, с красной каймою, сенаторском плаще, в золоченых сандалиях,

Нумиций подошел к Александру и, потрепав его по плечу, вытащил из висевшего на правом запястье – по старинному обычаю воинов и гладиаторов – кошель золотую монету: – Это – твоя награда, виктор! Ты славно бился, жаль, я не видел боя с начала. Впрочем, и того, что увидел – вполне достаточно. Мы скоро закончим строительство, – Нумиций ухмыльнулся. – И тогда у меня будет к тебе одно предложение... от которого ты вряд ли сможешь отказаться.

Молодой человек опустил глаза: ага, как же! Поживем – увидим.

– Ты так же лихо бьешься мечом, как ногами?

– Мечом владею, – скромно отозвался Александр.

– Славно, славно, – хозяин виллы расплылся в улыбке, однако серые, чуть навывкате, глаза его смотрели вполне серьезно. – Мне доложили – ты пытался бежать? Зачем? Ладно, ладно, можешь не отвечать... но помни о моем обещании. Клянусь посохом Петра, никто в Африке не предложит тебе лучшего, чем всадник Гай Нумиций Флор! У тебя будет столько денег, что ты сможешь скупить всех портовых шлюх от Карфагена до Цезареи или даже Тингиса! А? Как тебе такая перспектива?

– Благодарю, – приложив руку к сердцу, молодой человек картинно поклонился, как здесь было принято, после чего скромно попросил отпустить его следующим воскресеньем в ближайший город: – А то как-то скучновато у вас.

– В город? – Нумиций усмехнулся. – А ты не сбежишь, прельстившись развратными развлечениями таверн? Ведь пока ты просто невольник, но скоро, скоро...

– Он может сопровождать меня завтра, о, муж мой! Вместе с другими слугами... и под их присмотром.

Оба – хозяин и раб – обернулись: матрона подошла неслышно, красивая, как мраморная статуя греческой богини. Полупрозрачные – одна поверх другой – туники, золотисто-матовая кожа, светлые – точнее сказать, осветленные – волосы, уложенные в затейливую прическу, изысканно-богатый парфюм... Выщипанные дугой брови и светло-голубые смеющиеся глаза. Ох, эти глаза...

– Сопровождать тебя, дорогая? – патриций задумчиво почесал затылок и вдруг решительно махнул рукой. – Что ж, пусть сопровождает. И пусть помнит – лучшего, чем жизнь на моей вилле, он вряд ли найдет. Надежность, постоянство, неплохой доход – это лучше, чем пристать к какой-нибудь шайке и в конце концов оказаться повешенным... Вилик!

– Да, господин? – тут же оказавшийся рядом Василин с готовностью поклонился.

– Выдашь ему на завтра новую тунику. Всё.

– Слушаюсь, мой господин.

Вечером раздобревший после церковной службы хозяин велел выдать рабам и слугам вино – пусть тоже как следует отметят праздник. Это пошло по вкусу чем-то напоминало портвейн, но было лишь с горечью, без всякой крепости – впрочем, и такое считалось за счастье.

– Как ты думаешь, почему хозяин отпустил тебя в город? – старый антиквар Альфред Бади с глиняной кружкой вина в руках уселся рядом с Сашей и Ингульфом под старой смоковницей, росшей в дальнем углу обширного хозяйственного двора. – Вот так спокойно взял и отпустил.

– Не знаю, – хлебнув из такой же кружки, молодой человек пожал плечами. – А вообще, конечно, странно – не боится, что я заявлю в полицию. А! Может, у него все там куплено, в том ближайшем городке, куда мы завтра подемся... Но я все равно сбегу и выведу всю эту секту на чистую воду!

– Да нет там никакой полиции, сколько можно говорить? – рассерженно отмахнулся старик. – А отпускают тебя – впрочем, не одного, а под присмотром – только потому, что Нумиций Флор прав: то, что он предлагает – дорогого стоит. Спокойная размеренная жизнь, вполне обеспеченная – по нынешним временам – роскошь, которую не могут позволить себе и мно-

гие аристократы. И даже сам прокуратор провинции Африка... точнее сказать – властелин. Именно для защиты он пригласил новых имперских федератов – вандалов с аланами. Пустил волков в стадо! Правда, он пока еще этого не понимает... а, скорее всего, у него просто не было другого выхода – морские разбойники теперь все же не так наглеют.

– Разбойники... федераты... прокуратор... Бред какой-то! – допив вино, Александр раздраженно сплюнул. – Вот, погодите, доберусь завтра до первой же телефонной будки!

– Ну-ну, – как-то совсем по-детски захихикал старик. – Посмотрим, каким вы вернетесь!

– То есть как это – каким?

– Я в чисто духовном плане.

Чистая черная ночь опускалась на землю, накрывая бархатным покрывалом оливковые рощи, смоковницы, пальмы. В казавшемся огромным небе сверкали брильянтовые россыпи звезд, и тоненький серп растущей луны отражался в спокойной воде пруда мерцающей золотистой дорожкой. Все укладывались спать, наступала ночная тишь, лишь изредка в саду перекивались какие-то ночные птицы да слышно было, как на кухне стучат посудой служанки.

– Слышь, Ингульф, – дождавшись, когда все уснут, Саша потряс заснувшего приятеля за плечо. – Не бойсь, я про тебя не забуду. Да и про старика тоже... где там у него магазин? В Сусе?

Александром просто заменили одного из обычных носильщиков, встав в пару к одному высокому парню; двое – спереди, двое – сзади, дождались, когда хозяйка с детьми забрались в широкий портшез, подняли, понесли, не таким уж и трудным оказалось это дело, даже совсем легким, по крайней мере, Саша лишнего веса не чувствовал, правда, не сразу удалось подладиться к плавному шагу, идти с другими носильщиками в ногу, однако совладал и с этим.

Вымощенная желтым кирпичом дорога уходила в оливковую рощицу, а затем круто сворачивала на север, к морю. Сразу за рощицей кортеж – всадник на белом коне впереди, за ним – носилки, потом – вооруженная копьями и мечами (а кто знает, может, и пистолетами?) охрана – повернул к деревне, довольно большой, в десятка два хижин, меж хижинами в изобилии росли пальмы и какие-то низенькие колючие кустики, сразу за околицей начинались желтые пшеничные поля, а уж там, за ними, синело – словно бы повиснув в воздухе – море.

И – опять же! – ни теплохода, ни танкера, одни парусные рыбацкие суденышки – фелюки или как они там называются...

Исполнение новых обязанностей – хитро придумано, попробуй-ка рвани незаметно! – отнюдь не мешало Петрову глазеть по сторонам в ожидании полицейской машины или хотя бы какого-нибудь мальчишки на велике и, конечно, с мобильником... увы, ничего подобного не было. Что же, оставалось поверить чудаковатому старику антиквару? Четыреста тридцать восьмой год... даже не тысяча четыреста... Ну, чтоб в такое верить, надо совсем чокнуться! А Сашка еще вроде бы не совсем... хотя, если так дело и дальше пойдет, то...

Деревенские жители – смуглые и полуголые – встречали процессию приветливо, улыбались, махали руками, кланялись. Откинув полупрозрачный полог, хозяйка, госпожа Феодосия, тоже кивала в ответ, а детишки – Авл с Анной – громко кричали – здоровались.

– Сальве, сальве!

На площади в центре деревни располагалась увенчанная крестом церковь, ничуть не радостная, не нарядная, наоборот – угрюмая и даже какая-то угрожающая: мощный портал, толстые, сложенные из темных камней стены, узкие оконца-бойницы – все это больше напоминало крепость, а вовсе не Божий храм. Впрочем, что тут удивительного? Видно, и в этой деревне тоже жили сектанты. Эти, как их... ариане, во!

Миновав деревню, кортеж спустился с невысокого холма вниз, к пшеничным полям, затем дорога пошла вдоль песчаных барханов и скал и, наконец, как-то незаметно вырвалась к

самому морю, то есть, собственно говоря – в порт, в чудесный город с мраморными колоннадами портиков и храмов, с пальмами и кипарисами, окружавшими двух- и трехэтажные дома-усадьбы. Шикарные статуи на площадях, чуть вдалеке – беломраморная ступенчатость огромного амфитеатра, еще какие-то роскошные здания, хотя, конечно, хватало и самых убогих хижин.

На улицах – узеньких и широких, – на площадях, на рынках и у храмов хватало самого разного люда – и смуглых берберов, и чернокожих негроидов, и вполне себе светленьких, вполне европейского облика, типов, правда, тронутых местным загаром. И все – все! – были одеты в какие-то хламиды или разноцветные туники, на худой конец – в белые набедренные повязки, словно не было у них никакой нормальной одежды, даже обуви нормальной не было.

Люди без кроссовок, мобильников и джинсов, город без машин и рекламных вывесок... и тут – сектанты? В таком количестве? Этого просто не может быть! А четыреста тридцать восьмой год – может? Нет уж, сектанты – куда вероятней. И понятнее – что уж тут говорить. Прав старик антиквар, прав – бежать тут пока рано – просто некуда! Ну, не в этот же непонятный анклав?

Услыхав звонкий смех, Александр поднял глаза: откинув задний полог, детишки – Авл с Анной – показывали на него пальцами и хохотали.

– Ты так забавно кивал сейчас головой, – сквозь смех пояснил Авл. – Как самая настоящая лошадь! Мама, мама, смотри! Нет, поздно уже...

Минуя широкую многолюдную площадь, процессия свернула на какую-то тенистую улицу и, не замедляя хода, втянулась в распахнутые настежь ворота. Во дворе уютного особняка, с цветочными клумбами и садом, кортеж уже поджидал тот самый, ехавший весь путь впереди всадник, а рядом с ним какие-то люди, по виду – рабы или слуги. Все кланялись чуть ли не до земли:

– Сальве, матрона, сальве!

Саша на миг зазевался – показалось, что над головой пролетел вертолет... фиг! Стрекоза... всего лишь стрекоза – лупоглазая тварюшка с прозрачно-голубыми крыльями... Напарник чувствительно ткнул его кулаком в бок – пора опускать носилки, одновременно всем, иначе господу рисковали вывалиться.

Выбравшись из портшеза, Феодосия и ее дети в окружении служанок и слуг поднялись в дом, туда же, чуть погодя, позвали и носильщиков, естественно, не в парадные покои, но и то, что предложили, на взгляд Александра, оказалось очень даже неплохим местечком – большая тенистая комната с террасой и увитыми виноградной лозой колоннами, мраморный, с цветными инкрустациями, пол, широкие лежа, циновки. И еще – прохлада, долгожданная прохлада, и холодное, принесенное хорошенькими служанками вино, и фрукты с пшеничными лепешками, и какое-то мясо – баранина, что ли? – и острый, восхитительно острый соус.

– А неплохо, парни! – вместе с остальными носильщиками молодой человек уселся на пол, за низенький, уставленный только что принесенными яствами столик.

Все четверо ели с аппетитом, а уж пили... Охоботили по кувшину на рыло, пусть даже и сухое виноце, но в каждом кувшине – литра по три минимум.

Потом, конечно, сходили во двор, в уборную – отлить. Шикарный был туалет, тоже весь мраморный, с водосливом, но без всяких там унитазов, один сплошной каменный желоб, по которому время от времени и текла водичка. Шикарно – и не только по местным меркам.

Идти в город после сытного обеда и выпивки Сашке что-то не очень хотелось, больше хотелось завалиться спать, что уже не замедлили сделать его коллеги-носильщики, и теперь оглашали всю комнату заливистым богатырским храпом.

Подумав, молодой человек тоже улегся на свободное ложе, однако не уснул, так просто лежал, уставив взгляд в потолок, расписанный какими-то фресками на весьма вольные темы

– сатиры, наяды, плеяды... Впрочем, Плеяды – это, кажется, созвездие... или вообще – Галактика.

– Гхм, гхм! – кто-то кашлянул на пороге.

Александр лениво повернул голову: старик. В богатой тунике, сандалиях, с выбритой наголо – или просто от природы лысой – головой. Тощий, но жилистый... и не такой уж и старый, наверное, лет пятидесяти...

– Меня зовут Бромелий, я управитель этого дома, – наклонив голову, негромко представился вошедший. – Госпожа желает говорить с тобой... Ты понимаешь латынь?

– Понимаю, – молодой человек улыбнулся, он уже и вправду много чего понимал, – а как же, если все вокруг только на этой самой латыни и говорят, да еще на каком-то жутком германском наречии, которое, кстати, Саша тоже начинал понимать, благодаря Ингульфу.

– Вот и славно, – Бромелий улыбнулся и присел рядом, на край ложа. – Прежде я хочу кое о чем спросить тебя... Ты христианин?

Саша молча кивнул.

– Признаешь ли Никейский собор? Символ веры? Единосущную Троицу? – вкрадчиво осведомился управитель дома.

– Ед-диносущную Т-троицу? П-признаю, – несколько заикаясь после трех литров сушняка, тут же заверил Александр, после чего размашисто перекрестился на потолок. Хоть что-то... за полным отсутствием в доме иконок. Нет, распятие все же где-то в коридоре висело...

– Вот и славно, – мажордом явно обрадовался. – Признаться, не ожидал такого от вар... Прошу извинить – вырвалось нелепое слово. Тебя зовут Александр, ведь так?

– Так.

– Ты из народа рус?

– Угадал, красноречивый!

– Хочу спросить, из чистого любопытства, русы – они кто? В смысле к какому большому народу относятся. Вот, к примеру, сининги и асдинги – вандалы, а все вандалы – германцы...

– А мы – русские, – скромно признался Сашка. – Славяне, в общем.

– Склавини?! О! Я слышал об этом славном народе. Тоже хотите стать федератами?

– Сам ты пед... федераст то есть, – поднимаясь с ложа, обиженно воскликнул молодой человек. – Ты сказал, меня хозяйка искала? Ну, эта, матрена...

– О да, да, матрона.

– Ну так веди! Чего рылом щелкаешь?

Управитель пожал плечами:

– Пошли... Только это... сперва переодеться надо и вымыться, а то несет от тебя, извини, как от горного козла!

– А я б на тебя б посмотрел... потаскал бы носилки!

Бромелий лишь улыбался и гадостей больше не говорил, наоборот, прямо лучился любезностью: даже простынку подал, после того как Сашка вылез из бассейна. И две туники – голубую, нижнюю и широкую, длинную, верхнюю, ядовито-желтого цвета, лютиками, что ли, красили или какими-нибудь там кувшинками. Вот в таком вот виде чистый и вымытый Александр и отправился в гости к почтенной матроне: по цветовой гамме сразу и не поймешь – то ли милиционер, то ли националист-украинец.

Шли недолго, покои хозяйки располагались на втором этаже, сразу над бассейном, огромные, как детский сад – в чем, в чем, а в квадратных метрах здешние сектанты себя не ущемляли, Сашка это давно уже приметил.

Куда делся мажордом – черт его знает? Вот только что был, что-то негромко говорил, кланялся – и вдруг как провалился! Исчез беззвучно и бесследно. Ну и ладно, не больно-то он здесь и нужен.

Феодосия возлежала на широком, устланном разноцветными покрывалами ложе, как какая-нибудь одалиска, Олимпия со скандально известной картины Эдуарда Мане, только Олимпия была голая, а матрона – одетая... в какую-то полупрозрачную хламиду с тонким золоченым поясом. Такие же тонкие, золоченые ремни от сандалий высоко оплетали икры стройных хозяйских ножек. Под хламидой явственно вырисовывалась грудь, довольно большая и, должно быть, упругая, с небольшими сосочками... которые так и хотелось поцеловать со всем жаром, а потом долго-долго ласкать языком.

Наверное, желание сие настолько явственно обозначилось на лице Александра, что женщина вдруг рассмеялась, ничуть не обескураженно и вовсе даже не зло, наоборот... жеманно, что ли...

– Я видела, как ты бился, Рус! Славно! Ты такой крепкий, красивый... не стой же, садись вот сюда, рядом.

Ну, ясно, чего дамочка хочет – вполне.

Взглянув Феодосии прямо в глаза, молодой человек протянул руку, оголив женщине плечо... погладил, притянул к себе...

– Меня зовут Александр, милая...

Матрона припала к нему с такой страстью, что казалось, будто взорвалось небо – а это всего лишь был затяжной поцелуй. Пока еще поцелуй...

– Ах, как ты целуешься... Варвар! Настоящий варвар! – вырвавшиеся из уст Феодосии слова выражали явное восхищение и ожидание чего-то большего, чего-то того, что вот-вот – сейчас – должно было меж ними случиться. Что это случится – знали, нет, скорее – чувствовали – оба... и сознательно оттягивали момент... чтоб он был еще слаще!

– Ты... ты... – срывая с гостя тунуку, шептала женщина. – Ты должен быть почтителен ко мне, помни!

– О, госпожа моя! – лаская рукой упругую грудь, Сашка от волнения перешел на русский. – Мы к вам, Матрена Ивановна, со всем нашим уважением... Как скажете! Хотите – сначала вина попьем... или сразу приступим к делу? То есть я хотел сказать – к телу... Черт возьми! Какое у тебя шикарное тело, Матрена! Тьфу... Феодосия... Ммм... Как ты красива... как обворожительно красива... Умх!

Обнаженная женщина стонала, закатывая глаза, отдаваясь новому варвару с такой непреодолимой страстью, что бывает, наверное, лишь у нимфоманок. Александр тоже не скрывал своего наслаждения, это волшебное чувство, наступающее от осознания прикосновения к влекущей шелковистости кожи, от прикосновения к большой и упругой груди, от поцелуев, жарких, как знойный ветер пустыни.

Эта женщина, Феодосия, была неистойвой, как океан, океан любви, океан колдовских грез и самых необузданных фантазий. Казалось, в эту ночь любовники проделали друг с другом все, что только могли проделать, но и этого матроне оказалось мало...

– Ты только не спи, Александр, только не спи!

– Ага, заснешь тут с тобою...

– О, друг мой... Как мне с тобой хорошо!

– Да и мне с тобой тоже неплохо... Ну, иди ж ко мне – поцелую...

Вот это любовница! Просто неистощимый фонтан, кладезь...

– Подожди... Мы еще с тобой кое-что попробуем... Халина, Карина!

Приподнявшись на ложе, Феодосия хлопнула в ладоши... и тут же, словно только того и ждали, в комнату впорхнули две девушки, две юные обнаженные грации, одна – с кожей белой, как снег... нет, чуть тронутой ласковой бронзовостью загара, вторая – черная, как пантера... подбежав, обе встали на колени перед хозяйкой, принялись ласкать ее, так, что даже уставший было Александр почувствовал прилив новой силы.

– Возьми их! – стеная и хохоча, выкрикнула матрона. – Возьми по очереди, обеих...

Сашка не стал строить из себя пионера: дают – бери! Вот у них, оказывается, что за секта – с эротическим уклоном. Так ведь и завербуют, сволочи... Он, Александр Иванович Петров, уже ведь почти поддался на происки... ах, почаше бы были такие происки... А эта беленькая – ничего, ишь как выгибается... стонет... ах... Попробовать потом и черненькую? Почему бы и нет?

Впрочем, кто потом кого пробовал, сказать было трудно – скорее черненькая Халина – Александра... А две остальные – Феодосия и Карина, госпожа и служанка – смеялись, лаская друг друга...

Такая вот вышла оргия!

Один только вопрос тревожил Сашку под утро: а что, ежели обо всем этом веселье прознает муж, Нумиций? Наверняка ведь среди слуг имеются стукачи...

– Нумиций? – красавица Феодосия вскинула брови и потянулась. – Он сам сейчас с другой женщиной... не хватает наложниц... грешник! Меня он давно не любит и вряд ли когда-нибудь любил.

– Вот даже так? – молодой человек покачал головой.

– О, не переживай, друг мой, – Бромелий – мой человек, как и все оставшиеся в этом доме слуги, – матрона лукаво прищурилась. – Не первый раз я здесь так развлекаюсь... не первый...

Они тронулись в обратный путь утром, рано, едва только забрезжил рассвет. В чем, в общем-то, не было ничего удивительного: Александр давно приметил, что здесь поднимались рано. Дул свежий морской ветер, развевая одежды носильщиков и охраны, впереди все так же скакал всадник на белом коне, а под ногами стелилась дорога, дорога без разметки, без дорожных знаков, без автомашин.

Неужели старик антиквар прав? Нет, это было бы слишком невероятно! И все же у Саши было такое ощущение, что вся цивилизация вдруг куда-то исчезла, причем внезапно. Или это он сам исчез?

Хотя, с другой стороны, лет пять тому назад Саша гостил у одного приятеля в деревне, в давно заброшенной, лишенной всяческих цивилизационных благ деревне, где не было ни электричества, ни мобильной связи. Так вот там, глядя на серые избы, на смотрящий пустыми глазницами окон клуб, можно было смело представить себя жителем семидесятых или даже пятидесятых, а ежели убрать клуб – то и вообще начала девятнадцатого века. Как вот примерно и здесь. Если уж в России-матушке таких дыр полно, то уж тут, в Африке...

Носильщики исполняли свою работу молча, а идущие позади охранники негромко переговаривались, иногда на латыни, иногда на каком-то своем языке; из этих разговоров Александр понял, что кортеж ближе к обеду должен добраться до деревни, где хозяйка и ее люди намеревались переждать полуденный зной, а уж потом, когда жара чуть спадет, продолжить путь. Что и говорить – разумно. Саша посмотрел в небо – белесое, словно бы выжженное зноем. Солнце забиралось все выше, а морская прохлада чувствовалась все меньше, и липкий противный пот уже начал покрывать тело. Да-а, переждать зной в деревне, под каким-нибудь навесом или под тенистой пальмой – это хорошая мысль.

Примерно часа через два пути показали пшеничные поля и оливковая рощица... за которой поднимался в небо серый столб дыма! Не такой уж и густой, но вполне заметный, и даже очень заметный... и еще вдруг налетевший ветер принес свежий запах гари!

Ехавший впереди всадник натянул удила, оглянулся.

– Скачи! – быстро распорядилась матрона. – Посмотри, что там?

Почтительно кивнув, всадник умчался... и он вовсе не пользовался стременими, их просто не было – Саша очень хорошо рассмотрел. Как-то вот так обходился... циркач...

Повинуясь повелительному знаку хозяйки, кортеж между тем продолжил путь, продвигаясь все так же неспешно. Минут через двадцать вернулся всадник, что-то возбужденно сказал...

Матрона велела остановиться, сошла с носилок:

– Воины, оставайтесь здесь – с детьми. Ты, ты... и ты... – палец ее уперся в грудь Александра. – Со мной.

Да, до деревни оставалось уже совсем близко, может, метров сто, только вот выйти из рощицы. Ускоряя шаг, путники пошли вслед за всадником – Феодосия, двое вооруженных копьями воинов и Саша. Шли недолго... вот уже последние деревья... вот поворот, холм...

И ничего!

Деревни не было!

Лишь дым пожарищ, лишь сожженные дома, и вороны, деловито выклевывающие глаза у убитых – а таковых было в достатке, вся площадь была залита кровью.

– Господи Иисусе! – матрона потрясенно перекрестилась на церковь – только лишь она одна и уцелела. – Господи... Я слышала о разбойниках, их опасаются многие... Но чтоб вот так, нагло!

– Госпожа! – громко позвал один из воинов. – Я только что слышал стон. Кажется, в тех развалинах кто-то есть.

– Посмотрите! – распорядилась хозяйка.

Охранники – а с ними и Александр – вытащили из-под обуглившихся балок мальчишку, обгорелого, с вытекшим глазом и перебитой рукой... видно было, что он не жилец уже, однако уцелевший глаз парня вдруг приоткрылся...

– Кто? Кто это сделал? – Феодосия наклонилась без всякой брезгливости. – Кто?

– Паруса... – собрав все силы, пробормотал несчастный. – Серые паруса...

Сказал, дернулся... и умер. Прямо на глазах у всех.

Особого впечатления его смерть ни на кого не произвела... разумеется, исключая Сашу – тот-то был потрясен.

– Серые паруса, – тихо повторила хозяйка. – Разбойники пришли с моря... Но как же они осмелились?! Тут же везде войска!

Глава 8. Ночные тени

*...и не предвидели,
не знали витязи
судьбы злосмертной,
им уготованной...*
«Беовульф»

Сентябрь 438 г. Провинция Африка

Как они посмели? Как явились?

– Да так, – месье Альфред Бади нервно передернул плечами. – Полагаю, их кто-то навел. Александр усмехнулся: он тоже именно так и думал. Пираты – а как же еще их называть? – явились под покровом темноты, с моря, подплыли на катере, зная, куда идти... ну, а дальше уже – дело техники.

Хозяин распорядился похоронить убитых, и Саша отправился вместе с остальными слугами в сожженную деревню, отправился с радостью, надеясь, что уж теперь-то, совершенно точно, здесь будет и полиция, и пресса, и представители властей.

А вот – ничего подобного, вернее – никого! Ни полиции, ни всех прочих. Как такое может быть? А так. Одно слово – Африка!

Убитых похоронили достойно, каждого – в отдельной могиле. Пришедший из соседней деревни священник прочел молитву, потом, причмокивая, осмотрел разграбленную церковь – на этом вся церемония и закончилась. Ни хозяйка, ни хозяин при сем не присутствовали – зачем? Велели похоронить несчастных – и то хорошо, спасибо и на этом.

Управились до обеда, потом вернулись назад, на виллу, и, переждав жару, вышли на обычные работы – строить стены и башни. Размешивая приготовленный для кирпичей раствор, Саша, как всегда, размышлял обо всем случившемся и вдруг пришел к весьма неожиданному выводу, относящемуся, впрочем, вовсе не к пиратам и не к матроне, а к обыденной, ставшей уже, если можно так выразиться, привычной работе. Работа – строительство это – шла, честно говоря, ни шатко ни валко! А ведь такое, казалось бы, важное дело, особенно в свете последних событий, но вот поди ж ты – всего на строительстве стен трудилось шесть человек – сам Саша, Ингульф, кривоногий Миршак и еще трое черных парней. Шесть! И никто их особенно не подгонял. Этак можно было строить укрепления до морковкина заговенья! Странно... Странно, что один Петров это и заметил, даже господин антиквар не обратил внимание, да что ему, сам-то он, в силу своего возраста, ничего не строил, глину ногами не месил, обретался при кухне – принеси-подай. Правда, подумав, на всякий случай предупредил:

– Ты лучше о выводах своих не болтай – незачем.

Спасибо за совет! Не болтай... Интересно, с кем бы это Саша мог тут всласть поболтать, окромя вот самого антиквара? Разве что с Ингульфом... да еще вот с матроной, которая, кстати сказать, вела себя так, словно между ней и Сашей ровным счетом ничегошеньки не произошло. Иногда – не часто – встречаясь с любовником, чисто случайно, женщина даже не отводила глаза – смотрела как бы сквозь молодого человека, словно бы не замечала его, не видела... А, может, так оно было и надо? Зачем провоцировать мужа на семейный скандал? Естественно, и Александр тоже держал все случившиеся в тайне, он вообще, в отличие от многих хвастунов-мужиков, не любил болтать о женщинах и любовных победах. Об этом обычно болтают импотенты, что еще им остается делать?

И Саша молчал... и все думал, думал, думал – как отсюда, наконец, выбраться, куда? Освоив немного латынь, исподволь заводил разговоры с другими слугами, расспрашивал хитро, мол, как они тут развлекаются, да не скучно ли, да нет ли поблизости какого-нибудь уютного городка с баром или там, фитнес-центром? Напрасно старался! Слова «бар» вообще, в латыни не было, но оно ведь на всех языках одинаково понятно звучит – и тем не менее не понимали! Или просто не хотели понимать?

Ингульф – нет, он, конечно, был очень хороший парень, – но темный, невежественный, словно бы всю свою недолгую пока еще жизнь провел в какой-нибудь захолустной деревне, в жуткой дыре, где не было даже начальной школы. Странно было даже слышать от него отрицание единственности Троицы – ну, надо же, ни о чем понятия не имеет, а туда же, о высоких материях рвется рассуждать, теоретик хренов.

Вот как сейчас, под вечер, уже заканчивая работу, вдруг вздумал молиться.

– Эй, парень! – устало усевшись на обожженный солнцем кирпич, самим же и сделанный, Александр протянул руку к стоявшему в тени кувшину – в нем еще должна была остаться вода, еще не всю выпили. Ага... есть!

– А? – закончив молитву, Ингульф оглянулся – все такой же грязный, синеглазый, смешной...

Саша все никак не мог понять, почему этот подросток кажется ему смешным... ну, не смешным, забавным... потом понял – этому парню бы кожаные джинсы и гитару, какой-нибудь «Фендер-стратокастер» – вылитая получилась бы рок-звезда! Даже этакая, гламурная, что-то типа Джона Бон Джови в ранней юности. А ведь похож! И на Моррисона похож тоже. Правда, вот беда – гитары не было, да и кожаных джинсов – всего лишь узкие штаны из козлиной шкуры... которые соответственно и пахли. Впрочем, здесь все, исключая хозяев и управителя, пахли – затыкай нос, это сейчас Сашка привык и не обращал внимания, а вот раньше...

– Пить будешь?

– Угу, буду, – Ингульф обрадованно кивнул и прилип к протянутому кувшину губами. – Уфф... Хорошо! Возьми, дружище, там еще осталось.

Вот эта черта Александру в парнишке нравилась – тот никогда не забывал думать о тех, кто рядом.

За холмами, за оливковой рощей, садилось оранжевое, уставшее за день солнце. Белесое небо постепенно голубело, наливаясь вечерней синью, уже появлялись и бледные звезды, и белесый месяц повис над воротной башней мерцающей изогнутой саблей. Тихо было кругом, и уже спала дневная жара, и приятная прохлада опускалась на землю, и все дневные дела уже были закончены, а впереди ждал – пусть скудный – ужин, и сон... Но пока, слава богу, спать не хотелось, и было чертовски хорошо вот так сидеть, отдыхая, в тенечке, никуда и низачем не торопясь. Охранники – их было двое, Ониск и Артемий – неплохие, в сущности, парни, тоже присели рядом и, прислонив коптя к ограде, негромко болтали о чем-то своем.

– Хорошо! – зажмурившись, словно кот, Ингульф потянулся. – Прохладно... и работу закончили.

– Ого! – усмехнулся Саша. – Я смотрю, тебе здесь понравилось. А ведь кто-то совсем недавно собирался бежать?

– Я и сейчас собираюсь, – юноша резко повернул голову. – Но только с тобой, ведь мы же друзья, верно?

– Верно, – молодой человек расхохотался. – Кстати, ты так мне и не дорассказал до конца про свою жизнь.

– Так я хотел, – Ингульф вдруг обиженно надул губы. – Каждую ночь... а ты все время засыпал.

– Я засыпал?! Да неужели! Чья бы корова мычала...

– При чем здесь корова? У нас в роду было много коров, целое стадо... Отец рассказывал, мы тогда жили в чудесной стране... а потом пришли готы. Мы дрались с ними, но врагов оказалось больше, хитростью и подлостью они добились победы, а мы, силинги и асдинги, вынуждены были уйти... И стали жить на берегу моря, и наш вождь Гейзерих позвал нас в новый поход, и было немало славных битв с Римом, и... а потом налетела буря... и вот... я теперь строю стены пузатому римлянину! Вместо того, чтоб проткнуть его пузо добрым мечом!

– Да-а-а, – Сашка разочарованно сплюнул.

Вот всегда так! Поди, пойми, кто он, этот Ингульф – псих? Есть такой диагноз – «вяло-текущая шизофрения», когда видится и слышится то, чего нет. Если так – жалко парня. Хотя, с другой стороны, не похож он на психа, совсем не похож.

– А родители твои... ты как-то рассказывал, но...

– Мой отец – славный Гилдуин, сын Хильдебальда, сына Герульфа, сына...

– Ой-ой-ой-ой-ой! – Александр замахал руками. – Хватит, хватит, хватит. Ты мне еще от Адама своих родственников перечисли. Вот лучше скажи, чем твой отец занимался?

– О! Это был великий и храбрый воин, при одном имени которого...

– Так! На-ко, лучше попей... еще вода осталась.

– Вот так всегда! – допив воду, снова обиделся Ингульф. – Ты вот просишь рассказать... и сам же не слушаешь, перебиваешь.

– Ладно, ладно... не буду перебивать. А скажи-ка, ты ведь веруешь в Иисуса Христа?

– Ну да, – подросток важно наклонил голову. – Верую в господа нашего Иисуса, и в то, что он – сын Божий, творение Бога-отца, и...

– А вот в драке ты Иисуса не призываешь, – ехидно заметил Сашка. – Все кричишь – Донар, Водан... Это кто еще?

– Это наши древние боги, – ничуть не смущаясь, отозвался Ингульф. – Они хорошо помогают в битве. А Иисус – в загробной жизни. Один бог – хорошо, а много – лучше!

– Да-а-а, – Александр развел руками – ну, что тут можно было сказать? Христианин, блин... этот, как его... арианин.

– Слышь, Ингульф, – подумав, молодой человек решил зайти с другой стороны. – А ты «Аватар» смотрел?

– Чего? Может, и смотрел. Я много чего на своем веку видел.

– Да какой там твой век! А музыка тебе какая нравится? Рок? Техно? Рейв?

– Рок!

О, наконец-то!

– Злой рок несет нас по воле волн...

Может, Ингульф и не так вот точно сказал, не настолько хорошо Сашка латынь знал, но вот где-то так, примерно.

– Да ты, парень, поэт прямо!

– Я умею слагать гимны!

Гимны...

Сашка присвистнул и повертел пальцем у виска – вот и поговорили. Не в первый раз, между прочим.

Сидевшие охранники лениво поднялись, взяли копья. Заканчивался день, в черед многих, день, в котором так ничего и не прояснилось, Сашка по-прежнему не знал – где он? Нет, предполагал, конечно, что в секте – среди сумасшедших. Вот, кстати, еще один такой же... это еще легкий случай – еще помнит про себя все, только вот на четыреста тридцать восьмом годе заиклился... интересно, почему именно на этом?

– Бон суар, месье Бади, – проходя через ворота во двор, молодой человек приветственно помахал антиквару. – Кстати, я сегодня видел в небе самолет, небольшой такой «кукурузник», «Сессна», кажется...

– Самолет? – округлив глаза, старик выронил бочонок с помоями прямо себе под ноги.
– Господи... Нет, точно – это был самолет? А вам случайно не показалось?
– Да успокойтесь вы, – прищурился Саша. – Пошутил я.
– Нехорошие у вас шутки, господин Александр, – обиженно пробормотал антиквар, нагибаясь к обедкам.
Ну, вот – еще один обиженный. И чего они здесь обидчивые-то такие? И слова не скажи.

Вечером не спалось, и Саша вышел во двор, незаметно, чтоб не тревожить без особой надобности охрану. Уселся сразу за помещением для слуг, оперся спиной об теплую стену мазанки, задумался, глядя в небо, на бескрайние россыпи звезд. Вообще-то, наверное, нужно было б отсюда уйти, давно бы пора, несмотря на все разглагольствования антиквара. Чего тут выжидать-то? Лучше нигде не будет? А почему знать? По здравому размышлению, пуститься в побег было бы сейчас куда лучше, нежели жить в окружении сумасшедших. Александр усмехнулся: а что вообще сдерживало его все эти дни? Как ни странно – надежда. Надежда на то, что, может быть, удастся все как следует выяснить, узнать куда, в какую сторону бежать, чтоб уж наверняка.

Ничего не выяснил. Не узнал. И что теперь?

А ничего... просто пора сваливать. Нечего уже больше ждать, нечего выгадывать. Прихватить с собой Ингульфа и, может быть, чудака антиквара... впрочем, нет, без последнего стоит обойтись – путаться только под ногами будет.

Значит – бежать. Бежать, бежать, бежать, и как можно скорее, и так уже сколько времени потеряно зря. Лучше всего, конечно, украсть какую-нибудь лодку, желательнее парусную, и отправиться вдоль побережья, уж всяко вскоре попадется на глаза какое-нибудь нормальное судно или даже пограничный катер.

Желтая полоска месяца мерцала в фиолетовой ночной тьме, слышно было, как тихонько журчит в падающий в пруд ручей, как поют цикады...

Чу! Показалось вдруг, что-то скрипнуло. Собравшийся уж было идти спать Александр потрянул головой, прислушался... Вот снова этот скрип. Нет, не показалось! И кто там может шататься? И – главное – что же не реагирует охрана? Не слышит? Спит?

Ага... вот уже кто-то и свистнул. Негромко так, словно бы кого-то звал. Бесшумно поднявшись на ноги, молодой человек выглянул из-за угла... а ворота-то, похоже, распахнуты! Ну да – вон как сквозь них сверкают звезды... кто хочешь – заходи, что хочешь – бери... Странно! Всадник Гай Нумиций, при всех его недостатках, вовсе не отличался беспечностью... хотя – стену строил медленно, даже слишком.

Оп! Во двор въехала повозка, завозились какие-то люди... снимали с двуколки мешки: смутные тени скользили по двору в призрачном свете звезд. Временами слышался громкий шепот... вот кто-то вскрикнул, и тут же послышалось предупреждающее – тсс!

Интересно... интересно, кто это? Какие-нибудь контрабандисты? Хм... может быть. Торговцы паленым коньяком или левыми компактдисками... Что же хозяин? Так доверяет своей охране? Или, скорее, тоже при делах?

Словно выстрелом разорвав ночную тишь, распахнулась дверь! Кто-то вышел на крыльцо черного хода, шумно рыгнул, высморкался...

– Кто это? – кто-то спросил шепотом по латыни.

Этот «кто-то» стоял совсем рядом с таившимся в темноте Александром, буквально в нескольких шагах... даже не «кто-то», похоже, ночных гостей было несколько. Трое или четверо, может, даже и больше.

– Это Электиус, повар. Он иногда страдает бессонницей.

И тут же послышался громкий самоуверенный голос:

– Эй, парни, что это у нас за повозка во дворе?

Повар... и что ему за дело до какой-то там повозки? Слишком любопытный?

– Это дрова привезли, Электиус. Господин договорился... вот и привезли.

– Дрова – это хорошо, – удовлетворенно икнул повар. – Открыть дальний сарай? Или лучше так – часть сгрузите к кухне.

– Нет уж, сначала в сарай... а потом, как будет угодно нашему господину. Ты не вникай, Электиус, и без тебя обо всем позаботились.

– Ага, справитесь вы тут без меня, как же!

– И все же прошу тебя не мешать. Это распоряжение господина.

– Ну, раз господин приказал...

С грохотом захлопнулась дверь – видать, повар был обижен подобным к нему отношением. Повар... Здоровенный бугай с воловьей шеей и короткой рыжеватой бородкой, бербер или араб, но точно – не европеец. Вольнонаемный из местных.

Ночные гости еще повозились с мешками, куда-то потащили, вот хлопнули по рукам... послышался довольный голос хозяина. Или – показалось?

Александр хмыкнул.

Показалось, не показалось – какая разница? Какое ему дело до этой чертовой секты и ее предводителя? Хотят заниматься контрабандой – флаг им в руки! Свалить отсюда поскорее! Давно пора.

Осторожно переступив через храпящего охранника – случилось здесь и такое, и довольно часто, – молодой человек пробрался в сарай на свое место, у стенки, улегся на старую циновку рядом с Ингульфом, закрыл глаза...

И проснулся уже утром, от жаркого, бьющего в широко распахнутую дверь солнца.

– Эй, лежебоки, подъем! – опираясь на копье, весело распорядился охранник.

Вчерашний соня... или уже сменившийся? А, впрочем, какая разница?

Наскоро перекусив жиденькой полбой, невольники побрели к месту работы – снова месить глину, делать кирпичи, выкладывать стену... слава богу, никто хоть особо не подгонял.

Проходя по двору, Александр заметил какую-то не совсем обычную суету – у ворот что-то деловито обсуждали охранники, взволнованно переговаривались слуги, переглядывались пробежавшие мимо служанки... одну из них – Кассию – Сашка уцепил за локоть. Так, чисто из любопытства, спросил:

– Что тут за новости, душа моя?

– Новости? Ха! Повар наш, Электиус, помер!

– Помер?! – Сашка спросонья не сразу сообразил, о ком это идет речь. – Повар помер... ммм... Ого!!! То есть как это помер? Отчего?

– Да так, ни от чего, – девушка пожала плечами. – Вышел вот, ночью, в уборную... да и сломал себе шею.

– Сломал шею... – машинально повторил молодой человек.

Вообще-то хорошая шея была у повара, толстая... такую очень сложно сломать. Хотя, с другой стороны – кому какое дело до чьей-то там шеи, ну, сломал и сломал... бывает. Не то еще бывает.

Работали в тот день ни шатко, ни валко... как, в общем-то, и всегда в последние дни. Никто ходом строительства особо не интересовался, никаких неподъемных норм не устанавливал, даже охранники – и те разленились донельзя. Удобное для рванья когтей время трудно себе и представить... Так может...

– Ингульф? Может, прогуляемся к морю?

– Хо! Давно пора, дружище Рус! Не к лицу столь отважным воинам, как мы с тобой, месить какую-то гнусную глину!

Эх, хорошо сказал парень! Особенно это – «двум столь отважным воинам!» Прямо поэт.

– Ладно, Ингульф, будь готов... Сейчас эти двое уснут... – со всем тщанием наполняя глиной форму, Александр кивнул на охрану.

Ингульф неожиданно усмехнулся:

– А чего ждать-то? Вон вокруг камней сколько – ты треснешь по башке одному, я – другому... а дальше – да помогут нам боги! Удача любит смелых!

И снова неплохая фраза. Прямо хоть сборник афоризмов составляй.

– Только... – юноша вдруг задумался и, покосившись на остальных невольников, понизил голос: – Мне не очень-то нравится Миршак... Не думаю, что нам нужно тащить его за собой. Лучше и его... того... тоже.

Сашка пожал плечами – никакой симпатии к кривоногому он, естественно, не испытывал:

– Делай, как знаешь.

– И другие мне тоже не нравятся...

– Ну, молодец... ты что же, всех их тут положить собрался?

– А почему нет? – Глаза Ингульфа задорно сверкнули. – Мы с тобой с ними справимся.

– Кто бы сомневался... Правда, сегодня для этого как-то слишком шумно, ты посмотри-ка, что делается на вилле!

И действительно, слуги и охранники все так же продолжали копошиться во дворе, у ворот, время от времени даже сбиваясь в небольшие группы.

– Этот повар... – негромко произнес Ингульф. – Из-за него все...

– Да, из-за него, – услышав, повернулся к подростку охранник. – Ходят слухи, что не сам он... что его убили...

– Убили?

– Ну да, убили. Разбойники с моря.

– Что, прямо здесь, на вилле?

– Могли проскользнуть... господин не зря приказал усилить охрану. Да и из столицы направлены войска... По всему побережью...

– По всему побережью, – тревожным шепотом повторил Александр.

Похоже, момент для побега был выбран как-то не очень удачно. Лучше было переждать, хотя бы чуть-чуть.

Вечером, после работы, к Саше подошел антиквар. Поставил бочонок с помоями наземь, оглянулся испуганно, дернул за локоть:

– Можно на пару слов?

– После ужина, за уборной...

Молча кивнув, старик потащил свои помои на задний двор. На вилле вовсе не поощрялось, когда невольники и слуги переговаривались на своем, не понятном никому, языке, за это свободно могли наказать, теми же плетями, чего ни Саше, ни антиквару что-то не очень хотелось. Потому и уговорились встретиться за уборной, как раз уже и совсем стемнеет.

Наскоро проглотив жиденькую чечевичную похлебку, молодой человек улегся в своем углу, на циновке, дожидаясь, когда невольники уgomонятся – это произошло быстро, за день умаялись, Ингульф – так давно уже сопел.

Блестевшая над сараем луна явно прибавила в талии, и теперь смотрелась куда более солидно, нежели еще неделю назад. И звезды, словно видя это, с опаскою отодвинулись, гроздьями повиснув поодаль, над старой оградой.

Оглянувшись по сторонам, Александр завернул за угол...

– Наконец-то! – послышался знакомый шепот. – Я уж думал, вы про меня забыли.

Молодой человек усмехнулся:

– Как можно? Вы что-то мне хотели сказать, месье Бади?

– Да-да... – старик нервно передернул плечами. – Вот именно! Хотел предложить вам бежать!

– Бежать? – едва сдерживая вдруг накатившийся смех, удивленно переспросил Саша. – Но, позвольте, вы же все время твердили мне как раз обратное! Говорили, что именно здесь – самое безопасное место...

– Теперь – не для меня, – месье Бади сухо кашлянул. – Видите ли, молодой человек, меня принуждают занять место погибшего повара! Говорят, на время... пока не подыщут нового.

– Поздравляю! Не такая уж и плохая должность.

– Но я совсем не умею готовить! – старик поник головой. – И бежать, честно говоря, не очень-то хочется – вполне можно попасть из огня да в полымя, запросто, уверяю вас.

Молодой человек посмотрел на луну и, сплюнув, тихо поинтересовался:

– Так я не понял – мы бежим или как?

– Я... я не знаю... – растерянно развел руками старик.

Спрашивается, зачем тогда звал?

– Я не знаю – куда...

– Как это куда? Для начала – к шоссе или к железной дороге, если таковая здесь есть!

– Да нет здесь ничего подобного! – антиквар неожиданно разозлился. – Я же вам говорил.

– Четыреста тридцать восьмой год? – молодой человек снова сплюнул. – Ага... как же.

– Вы так мне и не поверили, – с грустью прошептал месье Бади. – Впрочем, я бы на вашем месте тоже вряд ли... Но прошу вас, больше не вспоминайте о цивилизации. Я все время пытаюсь представить, где бы нам было лучше... В Карфагене, некогда разрушенном римлянами и ими же потом отстроенном? В Италии? Испании? Галлии? Там сейчас черти ноги сломят – привычный римский мир рухнет на глазах...

– Что-что рушится?

– Вы что-нибудь слышали о великом переселении народов?

– Знаете, месье Бади, – немного помолчав, негромко промолвил Александр. – Давайте-ка лучше вернемся к нашим баранам – так мы рвем или нет?

– Рвем? Кого рвем?

– Ну, бежим?

– Понимаете, я бы не хотел вот так, сразу... еще бы хотя бы пару месяцев здесь протянуть, понять, куда было бы лучше... но увы, увы...

– Ладно, переждем, – Саша ухмыльнулся и, неожиданно подмигнув старику, предложил: – Давайте я за вас поваром поработаю.

Антиквар изумленно захлопал глазами:

– В-вы?!

– А что? Я очень люблю готовить, и смею вас заверить, делаю это не так уж и плохо. Никто еще не отравился от моей стряпни.

– Но...

– Так предложите меня!

– Хорошо, – месье Бади вдруг улыбнулся, можно даже сказать, с облегчением. – Если вы так хотите...

– Я хочу вам помочь, похоже, вы тут один нормальный, – тихо пояснил Сашка, а про себя продолжил: «Да и то – не совсем». Впрочем, по сравнению со всеми другими психами...

Припухший месяц ухмылялся, прислушиваясь к сей странной беседе, и Александру вдруг почему-то захотелось плюнуть в эту нагло сверкающую лунную морду, плюнуть прямо в глаза... хотя, поди, разбери, где тут у этой луны глаза?

– Короче, так, месье – завтра же я заступаю на ваше место! А там поглядим... А теперь – пора спать.

– Спокойной ночи, месье Александр.

– Спокойной...

Антиквар спроворил все неожиданно быстро: уже с утра к Саше подошел управитель – старый Василин. Ухмыльнулся:

– Я слышал, ты неплохой повар?

– Очень неплохой, смею заверить!

– Славно. Тогда с сегодняшнего дня – марш на кухню. Посмотрим, как ты готовишь... Ну? Что ты стоишь?

– Мне нужен помощник.

– Сначала посмотрим, на что ты сам гош!

Александр пожал плечами и, ничего больше не говоря, направился следом за мажордомом. На полпути оглянулся, махнул рукой Ингульфу – мол, все нормально, парень. Удивленно посмотрев на Сашу, подросток помахал в ответ и вслед за гнусно ухмыльнувшимся кривоногим Миршаком побрел к месту работы в сопровождении пары вооруженных копьями стражей.

А Саша, наконец, оказался на кухне, располагавшейся под длинным навесом сразу за господским домом, где уже пылал обмазанный желтоватой глиной очаг. На уже разведенном огне, словно дожидаясь Александра, уже стояли большие глиняные горшки с крышками в виде маленьких куполов. У длинного разделочного стола деловито суетился Альфред Бади.

– Уфф!!! – радостно воскликнул он, увидев Сашу. – Признаться, я уже думал – не вышло.

– Почему же не вышло? – молодой человек деловито потер руки. – Мне, между прочим, велено приготовить что-нибудь невероятно вкуснейшее... пока из тех продуктов, что есть. А что у нас тут есть? Мясо найдется?

– Есть, есть мясо, – антиквар бросился к стоявшим у стены корзинам. – Как раз только что привезли: баранина, свежайшая, ммм...

– Ага... – уперев руки в бока, молодой человек обвел кухню хозяйским глазом. – Давайте, мсье Бади, тащите на стол все, что есть... а там посмотрим.

Баранина, точнее сказать – мясо ягненка – пойдет на кушу, а вот из телятины – она тоже имелась – Александр решил приготовить рагу с оливками и подливкой из смеси толченого перца, тмина, чеснока и мяты. За приготовление подливки он тут же и засадил антиквара, сам же принялся пластать мясо сверкающим острым ножом. Покидал все куски в горшки – томиться, добавил курдючного жира и, утерев со лба пот, довольно уселся на низенькую скамеечку, устало вытянув ноги:

– Ну, вот, мсье Бади, теперь можем часика три перекурить – приготовление восточных блюд суеты не терпит.

– Три часа?! – удивился старик. – Так долго?

Молодой человек хмыкнул:

– Ну, все три часа мы сидеть не будем – надо еще сладкое сделать, детишкам на радость. – Сотворим-ка мы... ммм... сотворим-ка мы... Это что у нас там, во-он в том горшочке?

– Мед, мсье.

– Мед... А в той корзинке, я вижу – орехи... Так! Делаем слоеный пирог с ореховой начинкой в меду. Вкус – пальчики оближете, мсье Бади!

– Кто бы сомневался! – старик уже перестал удивляться, с видимым удовольствием исполняя порученные ему дела – замесить и раскатать тесто, приготовить медовый сироп – так сказать, работал на подхвате, этакий поваренок из харчевни «Три пескаря».

Когда на кухню заглянул хозяин, всадник Гай Нумиций Флор, все вокруг шкворчало, кипело, булькало, в блеклое африканское небо поднимались клубы дыма и пара, вкуснейшие запахи – тушеной баранины, соуса, мяты, базилика, гвоздики, меда – смешиваясь, наполняли все вокруг совершенно особым неповторимым ароматом, вызывающим выделение слюны уже за несколько километров... ну, если и не за километры, то за сотню шагов – точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.